

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛУКИНА Анастасия Сергеевна

Выпускная квалификационная работа

Языковые средства откровенности общения

в семейном и дружеском диалогах

(на материале романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»)

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622 «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Профиль «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра русского языка
как иностранного и методики его
преподавания,
Вознесенская Ирина Михайловна

Рецензент:
доцент, ФГБОУ ВО МО
РФ «Военно-
медицинская академия
им. С.М. Кирова»,
Нагиева Елена Биалаловна

Санкт-Петербург
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. Откровенность общения: сущность понятия, его представление в речи	12
1.1. Понятие «откровенность».....	12
1.2. Речевые жанры откровенности общения.....	24
1.2.1. Признание.....	28
1.2.2. Исповедь.....	31
1.2.3. Разговор по душам.....	33
1.3. Диалог и речевая структура художественного текста.....	36
1.3.1. Типы повествования.....	36
1.3.2. Диалог.....	38
1.3.3. Внутренняя речь.....	42
Выводы	45
Глава II. Типы диалогов, проявляющих откровенность общения, и языковые средства её реализации	47
2.1. Диалог, проявляющий откровенность как правду о себе.....	47
2.1.1. Исповедь в диалогическом общении.....	47
2.1.2. Нарратив-воспоминание.....	56
2.2. Диалог, проявляющий откровенность как правду о собеседнике.....	68
2.2.1. Консентный тип. Доверительная беседа.....	68
2.2.2. Конфликтный тип. Речевая агрессия.....	73
2.3. Диалог, проявляющий откровенность как правду о 3-м лице и событии.....	77
2.4. Диалог, проявляющий правду отношений в подтексте («избегание откровенности»).....	87
Выводы	93

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	98
Приложение А. Роман «На солнечной стороне улицы»: особенности поэтики	107
Приложение Б. Картотека отрывков из романа, проявляющих откровенность общения	108

ВВЕДЕНИЕ

Общение занимает важнейшее место в числе ценностей русской культуры. Данное исследование посвящено неофициальному общению в семейной и дружеской сферах, а именно – диалогу, который сопровождается признаком **откровенности**. «Доминантные черты русского коммуникативного поведения в наиболее полной мере выражаются в неформальной обстановке, которая характеризуется свободой индивидуальных проявлений, не сковывает человека рамками социальных ритуалов» [Борисова, Данилин и др., 2018: 4].

Понятие «откровенность» кажется хорошо проработанным и широко отраженным в различных толковых словарях, однако при этом в них не существует однозначности толкования, часто даются подробности содержательного характера, семантика которые трактуется через широкий ряд синонимов. Откровенность толкуется через целый ряд близких, смежных понятий – *открытость, доверие, чистосердечие, искренность, правдивость, прямодушие, прямолинейность, прямоту, честность и др.* [Даль, 2001; Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 2003; Кутина, Сорокин, 2007; Шведова ТСРЯсВСОПС, 2008]. Используемые в дефинициях синонимические замены не придают ясности толкованию *откровенности*, часто лишь размывая ядерное понятие.

В последнее десятилетие к исследованию такой важной категории в межличностной коммуникации как **откровенность** обратились современные лингвисты (Н. Н. Панченко, М. М. Наумова, С. Ю. Данилов). Материалом для их наблюдений служат в основном тексты СМИ (различного рода интервью, публицистические тексты, публикации интернет-сайтов и интернет-форумов), встречаются примеры анализа из художественной литературы, словарей, Национального корпуса русского языка и записи живых диалогов. Несмотря на ряд важных положений, вынесенных исследователями, поле для размышлений над категорией откровенности в

общении остается достаточно открытым, в частности в вопросе языковых средств, маркирующих откровенность общения и самого понятия «откровенность».

В нашей работе используется **материал** художественного текста, в котором нашли отражение ситуации откровенного общения. Творчество Дины Ильиничны Рубиной давно завоевало читательский интерес, стало объектом анализа критиков и литературоведов. Роман «На солнечной стороне улицы» (2006 г.), создававшийся на протяжении 26 лет, получил премию «Большая книга». Работы по изучению данного произведения принадлежат таким исследователям как [В. Курбатов, 2007; М. А. Черняк, 2007; В. Муратханов, 2008; Н. В. Алексеева, 2010, 2011; Т. Н. Бреева, 2012; О. П. Гусева, 2013; А. А. Бабаева, 2016; А. С. Афанасьев, 2018 и др.]. Выбор произведения в качестве материала в нашей работе объясняется и тем, что в романе не только содержатся текстовые фрагменты, иллюстрирующие проявления откровенности в межличностном общении, но и сам роман отвечает тенденции «новой искренности»¹ в литературе, что, в свою очередь, органично сочетается с проявлениями «откровенности» как ценной категории межличностного общения.

В жизни всегда возникают ситуации, когда *откровенность* облегчает душу, помогает разобраться в себе, отразить какой-то этап своей жизни. Откровенность, как правило, носит исповедальный характер. Кроме того, откровенность может быть связана с потребностью в совете по поводу той или иной ситуации частной (интимной) жизни человека. В структуре художественного текста такие ситуации служат средством

¹ Движение в искусстве, культуре и философии, направленное на уход от принципов постмодернистской иронии и цинизма, и выдвижение искренности в качестве основного мотива. Это возвращение к темам гуманистической и экзистенциальной проблематики, при сохранении некоторых черт постмодернистских произведений. Термин схож по значению с метамодернизмом и часто используется как его синоним.

Одно из первых определений дано **Дмитрием Александровичем Приговым** в «Предупреждении к текстам "Новая искренность"» (1984): «В пределах утвердившейся современной тотальной конвенциональности языков искусство обращения преимущественно к традиционному сложившемуся лирико-исповедальному дискурсу и может быть названо "новой искренностью"» (цит. по: Словарь терминов московской концептуальной школы. М., 1999).

создания образа героя, выражения значимых смыслов произведения. Писатель, наделяя речь героев теми или иными особенностями, раскрывает характер и индивидуальность действующих лиц, представляя их речевое поведение. В художественных диалогах, как и при живом общении, языковые средства употребляются в определенных ситуациях, с определенными интенциями и с определенной эмотивной модальностью.

Цель работы заключается в выявлении речевых особенностей и языковых средств, реализующих откровенность диалогического общения в художественном произведении – романе Д. И. Рубиной «На солнечной стороне улицы».

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- исследовать научную литературу и на ее основе выработать принципы и подходы к анализу материала;
- охарактеризовать сущность понятия «откровенность» общения, пользуясь имеющейся словарной и лингвистической литературой;
- рассмотреть ситуации откровенного общения, изображенные в романе Д. И. Рубиной, выявить корпус семейных и дружеских диалогов, отмеченных откровенностью общения;
- проследить способы реализации в речи откровенности в соотнесении с определенными речевыми жанрами и ситуациями общения,
- охарактеризовать стилистические, семантические и функциональные особенности языковых средств, выражающих откровенность в дружеском и семейном общении;
- показать связь откровенного речевого поведения героев с формированием их образов и важных смысловых компонентов в структуре анализируемого романа.

Объект исследования – откровенность, проявленная в речевой организации семейных и дружеских диалогов в романе Д. И. Рубиной «На солнечной стороне улицы».

Предмет исследования – языковые средства, выражающие откровенность в общении, и особенности их функционирования в семейном и дружеском диалогах в романе Д. И. Рубиной «На солнечной стороне улицы».

Материал исследования представлен 67 семейными и дружескими диалогами из романа Дины Ильиничны Рубиной «На солнечной стороне улицы» (2006 г.) (См. Приложение Б. С. 108)

Гипотеза исследования заключается в том, что проведенный анализ позволит выявить актуальные для русского общения способы и средства выражения откровенности как значимой константы речевого поведения, что позволит в рамках РКИ обучать распознаванию и адекватному восприятию проявлений откровенности в ситуациях межличностного общения.

Теоретической базой данного исследования послужили работы по *тексту, диалогической речи* (Л. П. Якубинского, М. М. Бахтина, Н. И. Формановской, И. Н. Борисовой, С. Ю. Данилова, Т. В. Матвеевой, Н. Н. Розановой, И. В. Шалиной и др.); *жанрам речи* (М. М. Бахтина, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. В. Дементьева, Н. Н. Панченко, И. В. Раковой и др.); *стилистике художественной литературы* (В. В. Виноградова, М. Н. Кожинной, Ю. А. Бельчикова и др.); *лингвокультурологии* (В.Г. Костомарова, Е. М. Верещагина, В. В. Дементьева); исследованию *откровенности общения* (П. П. Панченко, М. М. Наумовой, С. Ю. Данилова).

Постановка проблемы исследования заключается в том, что в имеющейся научной литературе не выявлен средства речевого выражения откровенности в семейных и дружеских диалогах в сфере художественной коммуникации, в частности в романе Д. И. Рубиной «На солнечной стороне улицы».

Актуальность дипломной работы обусловлена тем, что она выполнена в рамках актуального направления современных лингвистических исследований – коммуникативного подхода с вниманием к функционированию языковых единиц в речи. Семейные и дружеские диалоги

в произведениях современной прозы, в частности в выбранном нами художественном произведении, ранее не были изучены с точки зрения выявления функциональных, семантических, стилистических языковых средств в аспекте выражения откровенности. Решение этой задачи позволит определить необходимые направления анализа диалогической речи в художественном тексте для интерпретации его смысла.

Научная новизна заключается в выборе объекта исследования. Впервые сделана попытка анализа и рассмотрения языковых средств откровенности общения в семейных и дружеских диалогах в романе Д. И. Рубиной «На солнечной стороне улицы». Нами проанализированы особенности реализации откровенности в контексте межличностной коммуникации с позиции темы общения, фатического и модального аспектов; предложена типологическая классификация диалогов, проявляющих откровенность общения.

Теоретическая значимость работы обусловлена дальнейшей разработкой классифицирования диалогов, проявляющих «откровенность» в общении, аспектов реализации языковых средств в ситуации откровенного межличностного общения и расширения дискурсивного исследования.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования ее результатов и собранного материала при обучении русскому языку как иностранному, на уроках русского языка и литературы в российских школах, на занятиях по анализу художественного текста и стилистике речи.

При проведении исследования нами были использованы **методы** наблюдения, лингвистического описания, классификации, контекстологического анализа, метод компонентного анализа при рассмотрении семантики слова «откровенность», а также при описании речевых значений отдельных лексических единиц в контексте, метод стилистического анализа. В целом при исследовании материала использован

коммуникативно-прагматический подход, характеристика языковых явлений проводится с учетом специфики диалогической речи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семантика откровенности в диалогах романа представлена тремя основными значениями:

откровенность – *доверительность* отношения к собеседнику (конфиданту);

откровенность – как открытие *правды* о событии, человеке;

откровенность – как открытие *своей личной сферы*, сообщение *сведений о себе* личного характера.

Эти три случая откровенности общения соотносятся с «треугольником»: *чистосердечие – правдивость – открытость*.

2. Диалоги в романе, отражающие откровенность общения, представлены тремя типами: 1) диалог, проявляющий откровенность как правду о себе, 2) диалог, проявляющий откровенность как правду о собеседнике, 3) диалог, проявляющий откровенность как правду о 3-ем лице или событии. Выделенные типы диалогов коррелируют со следующими речевыми жанрами: *исповедь, признание, разговор по душам, нарратив-воспоминание, личное письмо, доверительная беседа, ссора*.

3. Откровенность в тексте романа проявляется косвенно, выражена интенционально как установка говорящего, не обнаруживая в поверхностной структуре высказывания прямых, специально предназначенных языком средств с семантикой откровенности. Откровенность устанавливается как результат интерпретации речевого и невербального поведения собеседником, распознающим желание говорящего поделиться чем-либо из своей личной сферы, выразить доверие адресату, раскрыть тайну о событии или человеке.

4. Используемые языковые средства ситуативно обусловлены, их смысловой потенциал выражения откровенности актуализируется в определенных речевых условиях. Среди таких средств актуальность показывают ласкательные формы обращения, средства установления и

поддержания близкого дружеского контакта, эмоционально окрашенная лексика, оценочная лексика, экспрессивные номинации лица, стилистически окрашенные языковые средства, формирующие дружескую тональность, лексика, называющая и выражающая эмоции, а также эмоционально окрашенные синтаксические конструкции.

5. В романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» откровенность межличностного общения является сюжетообразующим фактором, играет важную роль в формировании образов героев как средство речевой характеристики, участвует в формировании смысла произведения.

Апробация исследования осуществлялась в докладах на Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Русский язык в условиях би- и полилингвизма» в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева (18.12.2020, г. Чебоксары), XXVI международной научно-методической конференции памяти Надежды Тихоновны Свидинской в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна (15.04.2021, г. Санкт-Петербург).

Данная выпускная квалификационная (магистерская) работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель и задачи исследования, определяется объект и предмет исследования, описываются материал и методы его исследования.

В **первой** главе определяются сущность и конститутивные признаки откровенности общения, виды диалогов, речевых жанров, в которых проявляется откровенность.

Вторая глава выпускной квалификационной (магистерской) работы посвящена исследованию корпуса семейных и дружеских диалогов в романе Д. И. Рубиной «На солнечной стороне улицы»: выявлению их структурно-семантической, стилистической, особенностей применения в контексте и

роли языковых средств откровенности при создании художественного образа, сюжета романа.

В **Заключении** отражены основные выводы в результате изучения теоретической стороны проблемы, практического исследования и перспектив дальнейшего исследования.

В **Приложениях А. и Б.** даны сведения о романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» и приводится корпус исследуемого материала, представляющий собой 67 диалогов семейного и дружеского общения.

Глава I. Откровенность общения: сущность понятия, его представление в речи

1.1. Понятие «откровенность»

В последнее двадцатилетие круг исследований, посвященных выявлению лингвокультурных особенностей национального речевого поведения, пополнился новыми работами целого ряда специалистов (среди которых И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, П. П. Панченко, М. М. Наумова, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина и др.). В коллективной монографии «Русское повседневное общение: прагматика, культурология» [Борисова, Данилов и др., 2018] представлены и охарактеризованы константы русского общения, («коммуникативно-культурные константы»), среди которых выделены *скромность*, *доброжелательность* и *откровенность*. Наблюдения, сделанные авторами этой книги, учитываются в нашем исследовании, задачи которого, тем не менее, имеют свою направленность и специфику.

Одним из исходных вопросов является выявление сущности, критериальности откровенности общения. Слово «откровенный» в русском языке употребляется с середины XIV века. В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» указано, что прилагательное «откровенный» произошло «вероятно, из церк.-слав., ср. ст.-слав. **откръвень**, прич. страд. от гл. **открыти** ‘открыть, раскрыть’, к **крыти**. С другим преф. *сокровенный*» [Шведова ТСРЯсВСОПС, 2008: 589]. Также отметим, что в словаре В. И. Даля «откровенность» и «откровенный» и все производные от данных слов мотивируются через глагол *открывать*: «**ОТКРЫВАТЬ**, <...> **Откровенный** црк. – открытый, непокрытый, обнаженный, видимый всякому; пртвпл. *сокровенный, покровенный*. || *Откровенный человек* – открытый или прямой, нараспашку, искренний, прямодушный, чистосердечный. *Откровенные речи вызывают доверие*. <...> **Откровенность** ж. – свойство и состоянье по прилагатльн. в разнх. значн.,

прямота, чистосердечие и прямодушие, задушевность, любовь к истине. <...> [Даль, 2001: 1202].

Таким образом, для слова «откровенный», а значит и для «откровенность», в качестве понятийного ядра выступает значение *открытости, доступности для окружающих*. Помета «церковное» в словаре В. И. Даля у прилагательного «откровенный» соотносит данную лексему с *откровением*, которое, имея несколько значений, в первом значении трактуется через первоначальное понятийное ядро «-я, ср. (книжн.). **1.** см. открыть. **2.** То, что неожиданно открывает истину, вносит ясность, понимание. *Эта новость – полное о. для всех.* + **Божественное откровение** (высок.) – весть от ангела о предстоящем конце света, ниспосланная Богом Иоанну Богослову» [Ожегов, Шведова, 2003: 472]; «см. *открывать*» [Даль, 2001: 1200]; «ср. – открытие, открыв, бол. в переносн. знч. просветление свыше, открытие истин, до коих человек умом своим не доходит; зачатки понятий и убеждений духовных или нравственных <...>» [Даль, 2001: 1201]; «ср. **1.** Сообщение, открывающее тайну. **2.** То, что внезапно объясняет остававшееся непонятным, открывает какую-л. истину, дает новое понимание чего-л. **3.** Истина, сообщение, открывающие – по христианским догматам – волю Божию» [Ефремова, 2000: 1174]. Таким образом, мы видим, что наряду с первоначальным значением развиваются переносные значения как производных слов от «откровенный», так и самого слова «откровенный».

Отвлеченное существительное *откровенность*, являясь свойством, состоянием, в толковых словарях трактуется через – а значит и вбирает в себя – такие компоненты, как в «Словаре русского языка XVIII века» «<...> *Искренность, чистосердечие, открытость. <...> - Тайна, известная узкому кругу лиц*» [Кутина, Сорокин, 2007: 252]. «<...>**1.** см. откровенный. **2.** Откровенное сообщение, искреннее признание. *Излишние откровенности. О. за о.* (об обмене прямыми неллицеприятными словами, репликами)» [Ожегов, Шведова ТСРЯ, 2003: 472; Шведова ТСРЯсВСОПС, 2008: 589]. «<...> **1.** Соотносится по знач. с прил.: откровенный (2,3)» [Ефремова, 2000: 1174].

«ОТКРОВЕННЫЙ, -ая, -ое; -енен, -енна. **1.** Искренний, чистосердечный. *Откровенное признание.* **2.** Очевидный, нескрываемый. *Откровенное пренебрежение.* <...> + **Откровенно говоря**, *вводн. сл.* – если говорить правду, так и есть на самом деле. || *сущ.* **откровенность**, -и, *жс.*» [Ожегов, Шведова, 2003: 472; Шведова ТСРЯсВСОПС, 2008: 589].

«Откровенный» *«прил.* **1.** Соотносящийся по знач. с сущ.: откровение, связанный с ним. **2.** Искренний, не утаивающий своих мыслей; чистосердечный. **3.** Явный, очевидный, открытый, не скрываемый. // Ясно выраженный, несомненный <...>» [Ефремова, 2000: 1174].

Обращение к дефинициям существительного *откровенность*, соотносимого по значению с прилагательным *откровенный*, представленным в толковых словарях, показало, что характеризуется лексема неоднозначно и не дает возможности четкого выявления дифференциальных признаков и сущности понятия *откровенность*. Однако данный анализ дает возможность проследить развитие сопутствующих семантических компонентов в семантике слова. Обращение к лексикографическим источникам показывает, что все толковые словари раскрывают содержание откровенности через синонимы.

Синонимический ряд слов *«откровенность»* и *«откровенный»* в словарях синонимов представлен как **«Откровенность, искренность, чистосердечие, чистосердечность, правдивость, прямодушие, прямота, прямолинейность»** [Гаврилова, 2014: 219]; **«<...> откровенность, чистосердечность, открытость** [Горбачевич, 2012: 305]. **«Откровенный, открытый, искренний, прямой, прямодушный, прямолинейный, чистосердечный; бесхитростный, наивный. См. искренний»** [Гаврилова, 2014: 219]; **«откровенный, чистосердечный, открытый, прямой. <...>»** [Горбачевич, 2012: 305].

Анализ показал, что больше всего случаев толкования слова *«откровенность»* / *«откровенный»* — через лексемы *искренность, чистосердечие* и *открытость*. Человеку же, прибегающему к

откровенности, в первую очередь, свойственна *прямота*, прямота сообщения. Н. В. Цепелева выделяет семантическую сеть «откровенность – чистосердечность – искренность» и называет их словами-синонимами. Рассмотрение значений синонимов в толковых словарях показало, что «**Искренность** «ж. 1. Отвлеч. сущ. по значению прил.: искренний» [Ефремова, 2000: 609]; «искренний прил. 1. Правдивый, *откровенный*², чистосердечный. 2. Содержащий, выражающий неподдельные чувства, мысли; непритворный» [Ефремова, 2000: 609]. «**ИСКРЕННИЙ**, -ая, -ее; -енен, -ение и -енно, -енни и -енны. Выражающий подлинные чувства; правдивый, *откровенный*. *Искреннее признание*. *Говорю искренне* (нареч.). *Искренне* (нареч.) *ваш* (вежливая формула окончания письма, предшествующая подписи). || сущ. **искренность**, -и, ж.» [Ожегов, Шведова, 2003: 252].

«**ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЙ**, -ая, -ое; -чен, -чна. Искренний, *откровенный*. *Чистосердечное признание*. || сущ. **чистосердечие**, -я, ср. и **чистосердечность**, -и, ж.» [Ожегов, Шведова, 2003: 886]. «**Чистосердечие** «ср. 1. Прямота характера; *откровенность*, *искренность*»» [Ефремова, 2000: 990]. «**Чистосердечие** «ср. 1. Прямота характера; *откровенность*, *искренность*»» [Ефремова, 2000: 990].

«**Открытость** «ж. 1. *Откровенность*, правдивость, доверчивость»» [Ефремова, 2000: 1174]. «**ОТКРЫТЫЙ**, -ая, -ое; -ыт. <...> 3. *полн. ф.* Явный, не скрываемый. *Выступить с открытым протестом*. *Открыто* (нареч.) *признать свою ошибку*. *Открытое голосование* (поднятием рук, не тайное). 4. Искренний, *откровенный*, выражающий прямоту. *Открытое выражение лица*. *О. характер*. *Открытая душа*. <...> | сущ. **открытость**, -и, ж. (к 4 знач.)» [Ожегов, Шведова, 2003: 472].

«**Прямота** «ж. 1. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: прямой (1). 2. *перен.* *Искренность*, *откровенность*»» [Ефремова, 2000: 395]. «**ПРЯМОЙ**, -ая, -ое;

² Здесь и дальше в определениях из словарей и Национального корпуса русского языка курсив мой. – Л. А.

пря́м, пряма́, пря́мо, пря́мы и пря́мы. <...> **5.** *Правдивый, откровенный, нелицемерный. П. человек. П. ответ. Говорить прямо* (нареч.) *в глаза.* <...> || *сущ.* <...> **прямота**, -ы, ж. (к 5 знач.). <...> *Прямота ответа*» [Ожегов, Шведова, 2003: 629].

Толкуемые в приведенных примерах лексемы семантически связаны с откровенностью. Однако стоит отметить, что *прямота, чистосердечие, открытость* и *откровенность* также связаны и с искренностью. Если принимать во внимание, что данная семантическая сеть взаимозаменяема, то стоит отметить, что взаимозаменяемость, возможная на уровне языка, в речи, в реальных употреблениях проявляет различия, актуализируя иной смысл. Возьмем для подтверждения примеры из Национального корпуса русского языка:

«Открытость Анатолия Владимировича, его откровенность, прямота и честность не могут не вызывать аналогичной реакции» [Владимир Губарев. Идём на аневризму. Вариант второй // «Наука и жизнь», 2009].

«Порой меня поражали его прямота и откровенность в разговорах со мной <...>» [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004)].

«Правильный разговор для меня сейчас – это разговор настоящий. Искренний и откровенный» [Отзыв на сайте о летнем лагере (2003)].

«Напротив, именно в силу того обстоятельства, что диалог лидеров носит откровенный и доверительный характер <...>» [Протокол (1999)].

«<...> не прятались бы за мало кому понятный язык, вели бы разговор откровенный и честный <...>» [Александр Борщаговский. Несыгранный «Гамлет» (1994)].

Примеры доказывают, что, если бы синонимы полностью заменяли друг друга, то не употреблялись бы в одном синонимическом ряду для характеристики того или иного предмета, явления и т.д. Таким образом, встает задача понять дифференциальные признаки лексемы «откровенность».

Сопоставление толкований лексем «откровенность» и «искренность» в толковых словарях показало, что *искренность*, в первую очередь, связана *правдой, правдивостью*, характерной для русского менталитета, хотя и вбирает в себя откровенность. **«ПРАВДИВЫЙ, -ая, -ое; -ив. 1. Содержащий, выражающий правду. II. рассказ. Правдиво (нареч.) отвечать. II. взгляд. 2. Любящий говорить правду, стремящийся к правде. II. человек. II. характер. || сущ. правдивость, -и, ж.»** [Ожегов, Шведова, 2003: 576]. **Правдивость «ж. 1. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: правдивый»** [Ефремова, 2000: 264]; «**правдивый прил. 1. Склонный, стремящийся к правде (1*1), говорящий правду. // Реалистически изображающий жизненные явления (о писателе, художнике). 2. Содержащий в себе правду; соответствующий действительности**» [Ефремова, 2000: 264].

С. Ю. Данилов в монографии отмечает, что «Коммуникативное правило *‘говорить правду’* мы соотносим с откровенностью как русской лингвокультурной константой <...>» [Борисова, Данилов и др., 2018: 317], в то время как в толковых словарях откровенность не толкуется через правду, а правда через откровенность. Утверждение С. Ю. Данилова можно подтвердить через цепь трактований, где откровенность связана прямоотой (и наоборот), а прямота правдой; или откровенность искренностью (и наоборот), а искренность правдой. Однако «<...> искренность ограничена выражением отношения соответствия между содержанием высказывания и истинными мыслями (чувствами, поведением) говорящего. <...> Искренность – более узкое понятие, означающее правдивость в выражении чувств, мыслей, интенций (в зависимости от типа речевого акта)» [Авакимян, 2009: 181].

Анализ синонимических словарей показал, что «искренность» и «откровенность» / «искренний» и «откровенный» взаимозаменяемы, аксиологически положительны, при том что имеют некоторые отличия: «**искренность, непритворность, неподдельность, душевность, задушевность, сердечность. См. откровенность**» [Гаврилова, 2014: 133]; «**искренний,**

сердечный, чистосердечный, бесхитростный, откровенный, прямой, прямодушный, душевный, задушевный, тёплый, неподдельный. См. откровенный» [Гаврилова, 2014: 133].

Становится важным обратиться к антонимическим словарям, чтобы разграничить понятия «откровенность» и «искренность», а также «открытость». Исторически, в соответствии с данными словарей В. И. Даля и Н. Ю. Шведовой, антонимами слова *откровенный* являются *сокровенный* и *покровенный*. В «Толковом словаре антонимов русского языка» М. Р. Львова находим, что слову «*откровенный*» «Не утаивающий своих мыслей, чувств, намерений, не избегающий откровенности» [Львов, 2012: 246] противопоставлено слово «*скрытный*» «Скрывающий свои мысли, чувства, намерения, избегающий откровенности» [Львов, 2012: 246], откровенность противопоставляется скрытности. М. Р. Львов поясняет, что слова связаны «с психологическими, эмоциональными качествами, свойствами человека, его характером, проявляющимся в поведении, отношениями с другими людьми [Львов, 2012: 246].

С. Ю. Данилов отмечает, что «неадекватно отражающий действительность, заблуждающийся, фантазирующий человек может быть неподдельно откровенен. Прямо противопоставлена откровенности только ложь как контролируемое, намеренное искажение действительности. Фантазии, утопии и заблуждения проникают в когнитивное и речевое пространство откровенности в силу установки на субъективность открываемой информации» [Борисова, Данилов и др., 2018: 323].

Искренний/искренность противопоставлены *скрытный/скрытность*: «Выражающий подлинные чувства, мысли, правдивый, откровенный / Скрывающий свои чувства, мысли, избегающий откровенности. <...>» [Львов, 2012: 246]. *Искренний* «Непритворно выражающий подлинные чувства и мысли, правдивый, откровенный, чистосердечный» — *лицемерный* «Неискренний, притворный, двуличный». «*Искренние слёзы радости. Лицемерный поступок*» [Гаврилова, 2014: 458]. *Искренность*

«Откровенность, чистосердечие, правдивость» – *лицемерие* «Неискренность, притворство, двуличие» «Поэту присуща предельная искренность в выражении своих чувств и мыслей. Лицемерие представителей буржуазии по отношению к наёмным рабочим» [Гаврилова, 2014: 458] Про откровенность в «Словаре синонимов и антонимов современного русского языка» А. С. Гавриловой сведений нет.

Открытый «Искренний, откровенный, чуждый скрытности» – **замкнутый** «Необщительный, скрытный. <...>

Открытость – замкнутость (см.)» [Львов, 2012: 246].

Анализ дефиниций толковых, синонимических и антонимических словарей показал, что со временем лексема «откровенность» приобрела самостоятельное значение, отличное от производного «открыть, раскрыть». Однако для выявления дифференциальных признаков «*откровенности*» словарных толкований недостаточно. Поэтому исследователи данного свойства, присущего русской культуре, выходят за рамки словарных толкований – в контекст. В монографии «Русское повседневное общение: прагматика, культурология» уделяется внимание иллюстративной зоне словарей, синтагмам со словом *откровенность* и входящим в его семантическое поле лексемам. Анализ синтагм показал, что синонимические слова «*откровенности*» выражают положительную оценку, а их отсутствие и антонимы отрицательную. Однако «иллюстрации из классической литературы указывают на некоторую аксиологическую противоречивость откровенности» [Борисова, Данилов и др., 2018: 320]. «Откровенное признание в широком контексте сопряжено с чувством вины» [Борисова, Данилов и др., 2018: 320], также «откровенность может быть «наградой» в конкретной коммуникативной ситуации или в установившихся социально-иерархических отношениях» [Борисова, Данилов и др., 2018: 321]. По наблюдению С. Ю. Данилова, имеет отрицательную оценку и форма множественного числа откровенности, которая «поддерживается глаголами «откровенничать» «<...> (разг.) Быть излишне откровенным с кем-н. О. с

подругой. [Ожегов, Шведова, 2003: 472], «разоткровенничаться» [Борисова, Данилов и др., 2018: 323]. Ученый также отмечает, что В. И. Даль лексему «откровенщина» толкует положительно «откровенный, прямой люд или человек; || все высказываемое от души. <...>» [Даль, 2001: 1202]. Толкование слова «откровение» указывает на положительную оценку лексемы «откровенность» и откровенного разговора, так как оно сопряжено с истиной.

С. Ю. Данилов разграничивает словесные пары «открытый / откровенный человек», «открытый/откровенный разговор», так как «откровенный актуализирует сему преодоления препятствия, чего нет в прилагательном *открытый*. Откровенный человек прямо проговаривает свои мысли, не «запирается», не склонен держать что-то в секрете, то есть это характеристика речевого поведения по активному действию. Открытый человек, во-первых, общителен <...>, во-вторых, легко поддерживает контакт (простой, открытый человек, к нему легко обратиться за помощью, за советом). Открытый разговор (ср.: открытое обсуждение) не только откровенен, но и доступен всем желающим. Интересно, что человек закрытый, необщительный может быть откровенным в конкретных ситуациях и высказываниях» [Борисова, Данилов и др., 2018: 324].

Таким образом, экокommunikация мыслится не только принципами вежливого общения, но и подлинностью переживаемых и демонстрируемых эмоций, чувств. Второму параметру, на первый взгляд, отвечает «откровенность» общения. Н. Н. Панченко, М. М. Наумова в статье «Коммуникативная категория «Откровенность»: лингвоэкологический аспект» на основе проведенного опроса, в результате соотнесения категорий «откровенность», «искренность» и «правда» выявили дифференциальные признаки понятия «откровенность», рассмотрели роль адресата откровенности. Исследователи выявили, что информанты указывают на особый характер информации, сообщаемой в ситуации откровенного

разговора. Откровенность сопряжена с тайной, сокровенной, личной информацией.

В отличие от искренности, откровенность «не практикуется коммуникантами постоянно/регулярно в ежедневном общении, а реализуется в специфических коммуникативных ситуациях и определенных речевых жанрах» [Панченко, Наумова, 2012: 101].

Откровенность имеет временную ограниченность, «представляет собой одну из форм осознанного проявления искренности, открытости Другому» [Панченко, Наумова, 2012: 101].

Исследователи отмечают, что «искренность поддается имитации и может быть притворной, фальшивой. На данный факт обратили внимание 3,3% опрошенных: *откровенность отличается от искренности честностью высказывания; непритворством, неподдельностью; правдивостью; искренность не всегда может быть истинной, «натуральной», естественной»* [Панченко, Наумова, 2012: 101]. Однако отметим, что откровенность также может быть использована в самых различных корыстных целях для достижения личной выгоды.

Н. В. Цепелева, исследуя семантическую сеть лексем «откровенность – чистосердечность – искренность» пришла к выводу, что *откровенность* «сообщение об интимных, скрываемых аспектах жизни, непритворность, непринужденность, признак чести, доверия, связанный с добрыми намерениями, свойство открытого человека, проявляющееся в дружелюбных или близких отношениях между людьми в разговоре» [Цепелева, 2010: 15]. *Чистосердечность* «качество, характер добродушного человека. «Чистосердечным» является признание человека, совершившего какое-либо правонарушение. «Искренность» - осознанное чувство честного, правдивого человека» [Цепелева, 2010: 16].

Представляет интерес то, что Н. В. Цепелева выявила, что семантические поля данных слов практически не совпадают с ассоциативным полем носителей языка. По мнению исследователя, вокруг семантического

поля «откровенность» образуются микрополя «1) «бесстыжесть»; 2) «исповедальность», «признание»; 3) «бесхитрость», «наивность», «непосредственность»; 4) «неприкрытость», «нескромность», «нескрываемость», «открытость», «очевидность», «явность», «явственность»; 5) «нелицемерность»» [Цепелева, 2010: 14]. Ассоциативно близко свойству «откровенности» «открытость». Интегральными ассоциативными признаками «лексем «откровенность - чистосердечность - искренность»: «открытость» (47, 24, 28), «честность» (39, 19, 76), «правда» (21, 23, 53), «искренность» (30, 39, -), «доверие» (17, -, 19), «признание (11, 118, -)», «откровенность» (-, 12, 17)» [Цепелева, 2010: 15]. Дифференциальными по данным ядерной и ближней зон у лексемы «искренность» не обнаружено, у ««откровенность»: «разговор» (32), «чистосердечность»: «доброта» (24), «добрый» (13), «правдивость» (12)» [Цепелева, 2010: 15].

«Дифференциальными ассоциативными признаками лексем в рамках дальней зоны стали следующие признаки. «Откровенность» имеет характерный признак дружелюбных (25) и близких отношений (10) между людьми, которые строятся на основе сильного сердечного чувства - любви. Признаком «откровенности» человека являются его «чистота», «правдивость», «честность» (16)» [Цепелева, 2010: 16].

Таким образом, лексема «откровенность» обладает семантической диффузностью, многозначной структурой лексического значения, что видно в толкованиях и синонимическом рядух лексем «откровенность» / «откровенный», где на первый план выходят такие свойства как «искренность», «чистосердечие», «открытость», «прямота» «правдивость» как характеристика человека и разговора, а лексема «откровение» связана с истиной.

«Откровенность» рассматривается как амбивалентная сущность, которая связана с рядом факторов, признаков: адресатом, доверительным характером общения в зависимости от типа коммуникативной ситуации, речевого жанра и психологической уместности.

В русскоязычном наивном сознании понятия «откровенность» и «искренность» не дифференцируются. Для откровенности нужны причины. Откровенный разговор является непубличным типом доверительной межличностной коммуникации, происходит как между близкими или хорошо знакомыми людьми, так и незнакомыми или самим собой. По количеству участников откровенный разговор - закрытый коммуникативный акт с ограниченным числом коммуникантов – доверителя (адресанта) и конфиденанта (адресата).

Многие вопросы о сущности «откровенности» по-прежнему открыты, например: способы выражения, проблема распознавания. Однозначно, что откровенность говорящего следует определять комплексно, прибегая к знаниям эксплицитного и имплицитного характера, пропозиционального содержания (семантической основы) высказывания.

В целом откровенность, на наш взгляд, правомерно отнести к коммуникативно-прагматическим категориям: она значима для общения, выражает разнонаправленную связанность откровенности с субъектом речи, ее адресатом, а также с отношениями между участниками коммуникации и ситуацией общения. Обобщая все детали сказанного, отметим, что откровенность включает 2 части: а) в ее референтной отнесенности – по отношению к самому содержанию, теме, предмету речи проявляет **правдивость сообщаемого**; б) в её коммуникативной части – по отношению к собеседнику проявляет себя как **открытость**. Таким образом, существенным является и **что** сказано и **кому** сказано.

1.2. Речевые жанры откровенности общения

В нашем исследовании становится важным понять, что мы возьмем за основу понимания речевого жанра (РЖ), и определить, в каких РЖ проявляется откровенность. Это связано с тем, что коммуникативная ситуация, допускающая и побуждающая к откровенности, имеет некоторые регулярные признаки, предопределяющие функционирование в этих коммуникативных условиях некоторых устойчивых речевых форм, с характерными признаками, каковыми являются РЖ.

Понятие речевого жанра ввел М. М. Бахтин. Согласно ученому, в типичных ситуациях человек формулирует мысли в готовых формах РЖ, которые «даны нам почти так же, как родной язык» [Бахтин, 1996: 181]. Типическими для РЖ являются: коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого) [Бахтин, 1996: 181], концепция адресата и концепция «нададресата» [Бахтин, 1979: 305]. Однако определение речевого жанра зависит от ряда характеристик, и разные исследователи выделяют разные аспекты речи в качестве жанрообразующих.

В нашем исследовании мы будем придерживаться формулировки Б. М. Гаспарова, считающего, что речевой жанр – сложное, но уникальное явление, включающее в себя: обстоятельства общения, намерения и интенции, взаимоотношения автора и адресата, «идеологические черты и стилистический климат эпохи», а также жанровые и стилистические особенности сообщения и коммуникативной ситуации [Гаспаров, 1996: 10]. В самом широком смысле речевые жанры делятся на «художественные и нехудожественные, письменные и устные, монологические и диалогические, простые и сложные <...> прямые и косвенные <...> спонтанные и риторические, персональные и ритуально-институциональные...» [Дементьев, 2010: 14].

При исследовании речевых жанров в художественных текстах возможно учесть лингвистические и экстралингвистические факторы.

Речевой жанр интересует нас, прежде всего, как реализация в речи языковых средств, используемых героями при откровенном разговоре. Еще в книге «Творчество Франсуа Рабле...» М. М. Бахтин писал о том, что «во всякую эпоху есть свои слова и выражения, употребление которых воспринимается как известный сигнал говорить вольно, называть вещи своими именами, говорить без умолчаний и эвфемизмов...» [Бахтин, 1990: 207].

В начале коммуникации коммуникант подсознательно выбирает речевой жанр, в рамках которого возможна реализация определенной речевой цели. Избранный речевой жанр предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус «своих» речевых актов и некоторые предписания относительно их последовательности. Таким образом, по мнению В. В. Дементьева, коммуникант отбирает средства не просто из континуума коммуникативных актов, но из хранящихся в виде особых параметров фрейм-модели РЖ наборов (классов) средств, объединенных общностью [Дементьев, 2010: 29].

Наша задача усложняется тем, что мы, исследуя семейные диалоги в художественной литературе, должны учитывать, что высказывания героев придуманы автором и выбор языковых средств определяется именно замыслом «художника», наделяющего своих героев теми или иными репликами, или речевыми актами.

Во «вторичных» (сложных) речевых жанрах, в нашем случае в романе и рассказах, реализуются «первичные» речевые жанры, утрачивая связь с непосредственной ситуацией общения и выступая как часть более сложного высказывания. «<...> реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, т. е. как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в его целом является высказыванием, как и реплика бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное)» [Бахтин, 1996: 161–162].

Таким образом, одна из важнейших функций РЖ — служить опознанию адресатом интенции – должна быть оценена как на уровне диалогов героев в произведении, так и между писателем и читателем. Определяющий признак речевого жанра, по мнению М. М. Бахтина, – диалогичность как единицы речевого общения и деятельности людей – будет удваиваться. То есть адресатом, распознающим коммуникативное намерение, становится и читающий. Отметим, что в лингвистике наряду с коммуникативным намерением применяются синонимичные термины: речевой аттрактор, коммуникативная цель (Т. В. Шмелева), речевой замысел говорящего (М. М. Бахтин), который в «теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания» [Федосюк, 1997: 107]. В нашем исследовании это становится важно, так как при изучении коммуникации в художественном тексте нельзя рассматривать отдельные примеры высказываний, отдельные реплики и реализованные в них речевые акты изолированно, в отрыве от художественной системы произведения, образов героев, смысловых компонентов, формирующихся в контексте того или иного диалога.

Дементьев отмечал, что «часто адекватная интерпретация коммуникации невозможна без учета эстетической значимости речи, а теория речевых жанров пересекается с поэтикой человеческого общения» [Дементьев, 2010: 103]. К поэтике человеческого общения относятся вербальные и невербальные средства: образные языковые средства, используемые в повседневном общении, интонация, мимика, молчание и т.д. Таким образом, речевой жанр, будучи переходным явлением между языком и речью, является средством формализации коммуникации при помощи языковых средств. В нашем исследовании мы будем изучать прямую и непрямую коммуникации, используемые в диалогах в семейном общении. Примерами не прямой коммуникации являются:

- имплицитность - один из принципов передачи содержания текста;
- эвфемизмы / дисфемизмы - стилистические средства;

- косвенные речевые акты;
- различные виды тропов;
- иронические высказывания;
- разновидности знакового общения, определяемые Э. Берном как «игры».

Проанализировав словари и научную литературу, мы пришли к выводу, что к речевым жанрам, сопровождающимся проявлением откровенности, можно отнести:

- **признание:** «<...> *Откровенное признание* <...>» [Ожегов, Шведова, 2003: 472; Шведова ТСРЯсВСОПС, 2008: 589];

- **исповедь:** «<...> в некоторых ответах респондентов (3,3%) встречается указание на исповедальный характер откровенности: откровенность-исповедь; чаще всего откровенен перед Богом; откровенность – это когда человек говорит правду и ему становится на душе спокойно» [Панченко, Наумова, 2012: 100];

- **разговор по душам:** «<...> (8,8% респондентов) определяют откровенность как разговор по душам (душевное отношение и общение; говоришь то, что думаешь от души, не лукавя; разговор по душам; снимает покров с самого сокровенного, что есть у него на душе; делиться от души). Действительно, откровенный разговор в межличностной коммуникации предполагает открытие некой правды человеку, которому мы доверяем, сообщение информации личностного характера и зачастую реализуется в рамках речевого жанра «разговор по душам» [Панченко, Наумова, 2012: 100].

Названные жанры (*признание, исповедь, разговор по душам*) уже описаны в некотором отношении в лингвистической литературе, поэтому нам необходимо учесть те речевые характеристики, которые исследователи уже выделили применительно к этим жанрам.

При выявлении языковых средств откровенности общения в выделенных нами речевых жанрах мы будем учитывать «анкету речевого жанра» Т. В. Шмелевой, предлагаемую ею в качестве модели описания и

систематизации речевых жанров, включающую семь «жанрообразующих признаков»: «коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего» и «языковое воплощение» [Шмелева, 1997: электронный ресурс].

Таким образом, речевой жанр – регулярная речевая форма, учитывающая интенциональный фактор, ситуацию, сферу общения, стиль, имеющая языковое воплощение. Далее мы проанализируем имеющиеся работы в исследовании таких жанров, как признание, исповедь, разговор по душам, дадим им характеристику, требующую учета в дальнейшем анализе нашего материала — семейного и дружеского разговорного диалога.

1.2.1. Признание

Признание – один из самых древних жанров. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «**Признание**, <...> **2.** Открытое и откровенное сообщение о своих действиях, поступках. <...> **3.** Объяснение в любви. <...>» [Ожегов, Шведова, 2003: 591].

Г. А. Шушарина, Н. А. Матвеев среди характерных черт жанра *признание* выделяют спонтанность устной речи, неподготовленность, монологичность, «сообщение – тайна», «отсутствие обращения к адресату» при том, что «номинация адресата присутствует и выражается с помощью личных местоимений в объектном падеже и экспрессивных лексических единиц» [Шушарина, Матвеев, 2017: 23]. Н. Ш. Галлямова также отмечает, что «субъект информирует о некоторых событиях, которые не принято предавать огласке или о которых ему не хотелось бы сообщать окружающим» [Галлямова, 2010: 31]. М. Я. Гловинская на основе изучения группы глаголов: «признать», «признаваться», «открываться», «поверить» (тайну), «виниться», «исповедоваться», «каяться» – пришла к выводу, что «все глаголы этой группы обозначают ситуации, когда человек говорит о том, о чем обычно он умалчивает или говорит неохотно» [Гловинская, 1993:

170]. В пресуппозиции глаголов «признавать», «признаваться» «имеется указание на некоторое усилие, которое говорящий должен сделать над собой, чтобы осуществить речевой акт» [Гловинская, 1993: 171]. Однако коммуникативная цель жанра, по мнению Н. В. Орловой и Т. В. Шмелевой, «подтвердить уже известный факт или согласиться с мнением, до того не вызывавшим согласия. При этом событие относится к личной сфере, по крайней мере к сфере полномочий автора и оценивается негативно. <...> Отрицательная оценочность события объясняет неинициативность признания¹: оно всегда бывает вынужденным – либо обстоятельствами и собеседниками, либо особыми свойствами личности автора» [Орлова, Шмелева, 2003: 509]. Связывает признание с вынужденностью и А. Вежбицкая. И. А. Шаронов отмечает, что в «бытовой речи компонент «вынужденность» обретает форму откровенности» [Шаронов, 2019: 311] и предполагает изменение отношения адресанта к адресату в положительную сторону, так как говорящий при «вынужденности» проявляет «знак» доверия собеседнику и заставляет «адресата принять ответственность за оказываемое доверие и выстраивать своё дальнейшее поведение с учётом этого» [Степанов, 2006: 78]. Также исследователь выделяет лексику частотных вводных слов, выступающих маркерами речевого жанра «признание»:

«— с покаянием: *сознаваться, каяться, признаваться*;

— с искренностью: *не скрывать, откровенно, честно, правда, совесть, грех*;

— с необходимостью: *надо, нужно, необходимо, следует, должен*» [Шаронов, 2019: 311] и соотносит их тремя типовыми ситуациями «с подвидами для актов признания:

1) Сообщения о своих действиях (личное участие говорящего, факт в прошлом, негативная оценка).

2) Сообщения о действиях кого-л. (неличное участие говорящего, факт в прошлом и настоящем, негативная / позитивная оценка).

3) Оценочные суждения говорящего (неличное участие говорящего, мнение, негативная / позитивная оценка)» [Шаронов, 2019: 312-313].

Исследователь отмечает, что вводные слова и обороты «представлены несколькими грамматическими вариантами: *признаюсь, признаться; говорить — сказать; правду — по правде*. В оборотах частотен прямой и инвертированный порядок компонентов: *говоря откровенно / откровенно говоря; по совести сказать / сказать по совести; по чести сказать / сказать по чести*» [Шаронов, 2019: 312]. В. Н. Степанов в качестве лингвистических признаков речевого жанра *признание* выделяет «глагольные формы в сочетании с реально присутствующими или подразумеваемыми местоимениями первого лица <...>, безличные глаголы <...>, адъектив в позиции квалификативной темы высказывания <...>» [Степанов, 2006: 78-79].

В. Н. Степанов жанр *признание* предлагает называть провокативным «(от лат. *provoco* – «вызывать, побуждать»). Эти жанры допускают высокую степень *конвенциональности* средств выражения» [Степанов, 2006: 74], имеют «интерференцию коммуникативных смыслов» [Степанов, 2006: 80], т. е. *признание* совершается с точки зрения субъективной заинтересованности одного из коммуникантов. Однако обязательно в ситуации вынужденности, т.к. имеет перлокутивный эффект. С интенциональной точки зрения для признания характерна «интенция снятия категоричности» [Лесонен, 2008: 171], «интеференция интенциональных состояний» [Степанов, 2006: 80].

Выше нами были рассмотрены общие черты признания. В исследованиях выделяют один из видов признания – признание в любви. С точки зрения концепции адресанта Н. Ш. Галлямова отмечает, что «мужчины, как правило, объясняются в любви, женщины — признаются» [Галлямова, 2010: 32]. Это связано с тем, что «Объяснение в любви всегда добровольно, признание (если речь идет о женщине) — вынужденно, связано с преодолением внутренних барьеров, диктуемых психологическими или

социальными причинами» [Галлямова, 2010: 32]. Исследователи отмечают, что признание в любви может осуществляться как прямо, так и через косвенные речевые акты. Часто адресант находится в состоянии аффекта, «плохо понимает, что он говорит» [Галлямова, 2010: 33]. «Это состояние героя или героини передается различными художественными средствами: обозначением пауз, прерывистостью речи, авторскими ремарками и т. п.» [Галлямова, 2010: 33]. При признании в любви адресат ждет ответного чувства, которое может быть как положительным, так и отрицательным; может выражаться невербально или при помощи косвенного речевого акта.

1.2.2. Исповедь

В нашем исследовании мы не будем рассматривать речевой жанр *исповедь* с точки зрения христианской церкви, религиозного дискурса, а также как жанр массмедийного дискурса. Нас интересует его «светское» значение «<...> 2. *перен.* Откровенное признание в чём-н., рассказ о своих сокровенных мыслях, взглядах (книжн.). *Авторская и.* <...>» [Ожегов, Шведова, 2003: 253].

Н. Н. Панченко отмечает, что «в отличие от религиозного дискурса, исповедальность художественного дискурса формальна» [Панченко, 2011: 254]. «<...> Искренность и откровенность присутствует в опосредованном виде в авторском описании эмоционального состояния говорящего» [Панченко, 2011: 259]. При описании исповедального состояния адресанта используются невербальные средства, например, «(*дрожащим голосом, захлебываясь слезами, дрожа всем телом*)», чтобы «продемонстрировать глубину эмоционального переживания и максимальную степень искренности, открытости <...>» [Панченко, 2011: 259].

Исповедь характеризуется сознательным состоянием адресанта, осознанной откровенностью, «самоотречением от себя прежнего, высокой степенью бескомпромиссности самоосуждения» [Панченко, 2011: 256]. По мнению Н. Н. Панченко, человек ведет диалог, «проникнутый

переживаниями <...>, прежде всего, самим собой» [Панченко, 2011: 257], «обнаруживает и описывает себя» [Трунов, 2008: 36].

Исповедь тематически представляет собой «всегда непростой рассказ Другому о себе, о своих глубоких внутренних чувствах и переживаниях. <...> чаще всего соотносима с признанием в своих ошибках/проступках, сопряженным с моментом раскаяния, сожаления о сделанном» [Панченко, 2011: 256]. Н. Н. Панченко объясняет это синтагматической связанностью лексемы «исповедь» с «негативно окрашенными атрибутами», «создающими образ боли и страданий, которые предшествуют исповеди и сопровождают ее <...>» [Панченко, 2011: 256].

Позиция адресанта в диалоге приоритетная, на него не влияет личность адресата, поэтому «часто говорящий раскрывается и обнажает душу именно перед малознакомыми людьми» [Панченко, 2011: 258] или незнакомыми. Это тесно связано с коммуникативной целью *исповеди*: «осознать и осмыслить прожитую жизнь, «излить душу» и выговориться, раскрыв при этом интимно-личностные моменты, быть услышанным, понятым, что в результате позволяет говорящему восстановить душевное равновесие, измениться и преобразиться внутренне и получить не только эмоциональную разрядку, но и практический совет <...>» [Панченко, 2011: 257-258]. «<...> коммуникативная позиция адресата исповеди может быть активной или пассивной, явно или безмолвно помогающей говорящему раскрыться и очистить душу <...>» [Панченко, 2011: 258].

В *исповеди* адресант не стимулирован к откровенности «речевыми, в том числе манипулятивными, тактиками и приемами адресата <...>. Откровенность как бы подготовлена длительной внутренней работой, потребностью в исповедальности. <...> открыть душу важно для самого говорящего» [Панченко, 2011: 260], нет объективной необходимости.

1.2.3. Разговор по душам

Речевой жанр «разговор по душам» по классификации Т. Г. Винокур относится к фатическому речевому жанру, так как целью общения выступает само общение, отношения между людьми превалируют над предметом речи, часто глубоко, сакральном для говорящего. *Разговор по душам* в ряде научных исследований имеет синонимические названия: дружеская беседа, дружеский разговор, «экзистенциальный разговор “о самом главном”» (А. Д. Шмелев), «кухонный разговор» как разновидность, зародившаяся в 60-е годы в СССР. Речевой жанр «разговор по душам» является одним из культурных концептов, культурных ценностей России и имеет национальную специфику.

Спектр тем в *разговоре по душам* значителен: от простейших бытовых деталей до высоких идей, жизненных позиций. Для коммуникантов тема общения может быть важной в данный момент или вообще в целом в жизни. В диалоге для адресанта важным становится высказать адресату то, что главным является для него самого (об этом «говорят» идиомы: *излить душу, открыть душу, высказать, что на душе, распахивать душу* и т.д.) и услышать в ответ то, что важным является для адресанта (*по душам*). При этом коммуниканты «<...> говорят трудно и негладко <...>» [Дементьев, 2010: 309]. Адресатом раскрытия может быть человек хорошо знакомый и незнакомый.

Для жанра *разговор по душам* характерен диалог с концептом «открытия души», представляющим «кульминацию общения» [Дементьев, 2010: 310]. При противопоставлении условности и внешней вежливости, характерной для «светской беседы» А. Вежбицкая отметила, что «открытие души» происходит не только между людьми, но и перед Богом. В. В. Дементьев подчеркнул, что оно несознательно, не спланировано, так как «открытие души есть чудо и, как и любое чудо, возможно только при наличии «санкции свыше» [Дементьев, 2010: 310].

Разговор по душам представляет собой коммуникативный идеал, поэтому тематически, интенционально, стилистически жанр охватывает все виды, формы и жанры фатической и нефатической коммуникации. Одной из основных черт рассматриваемого речевого жанра является эмоциональность и противоречивость. По замечанию В. В. Дементьева, *разговор по душам* «может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; может быть с «простым» собеседником ~ и высокообразованным специалистом; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим) ~ и напряженным; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской РпД) или истерики (женский); обычно РпД не может состояться «по заказу» ~ но иногда возможно планирование РпД; безусловно положительно оценивается РпД, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми. Абсолютное большинство оценочных характеристик РпД, фиксируемых в примерах из современной русской прессы, положительные и ярко-положительные; в то же время есть и ярко-отрицательные характеристики» [Дементьев, 2010: 319].

Еще одна особенность жанра – коммуникативный пессимизм (И. А. Стернин), так как «в РпД откровенность подразумевает обычно, что делятся плохим (проблемами), не хорошим, «плачутся». Удовольствие (релаксация) от РпД имеет катартическую природу. Человек, который говорит про себя «у меня все хорошо» и именно это подразумевает, тем более — хвалится, вряд ли способен понять собеседника, настроенного на РпД. Все это заставляет сделать вывод, что собеседник в РпД должен уметь слышать чужую боль — а для этого... сам должен иметь определенный опыт страдания» [Дементьев, 2010: 319-320].

В монографии В. В. Дементьева приводятся сходства и различия речевого жанра «Разговор по душам» с фатическими жанрами других культур. Исследователь отмечает оценочные лексемы в русском языке, обозначающие качества человека, делающего его не способным участвовать

в разговоре по душам: обыватель, иногда закрытый. Подтипом разговора по душам можно выделить «доверительную беседу».

Таким образом, резюмируя, отнюдь не полное описание всех особенностей речевых жанров откровенного общения, мы пришли к выводу, что в межличностном доверительном общении исповедь характеризуется высшей степенью доверительности, достоверностью и осознанностью. Признание с точки зрения откровенности осуществляется в ситуации заинтересованности или вынужденности, а разговор по душам – на темы, с точки зрения говорящего, волнующие лично говорящего, который испытывает потребность поделиться ими с собеседником в надежде получить его поддержку, понимание, сочувствие.

1.3. Диалог и речевая структура художественного текста

1.3.1. Типы повествования

При анализе художественного произведения важно охарактеризовать особенность повествования и образ рассказчика. Это связано с тем, что от типа повествования зависит проявление автора-повествователя как формы «присутствия автора-сочинителя «внутри» собственного творения» [Роднянская, 1987: 13]. Степень близости авторского сознания с героем отметил Б. О. Корман. По мнению исследователя, «Субъект (носитель) сознания тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем» [Корман, 2001: 51]. Роман Д. Рубиной отличается особой многослойностью повествовательной структуры. Собственно диалоги перемежаются с авторской речью, дополняющей, комментирующей ситуацию диалогического общения. Речь героев не всегда оформляется как прямая речь, внешне не вербализуется, оставаясь в сфере речи повествователя. Наконец, субъектом повествования в романе, в целом строящемся от 3-го лица, становятся разные рассказчики, создающие своеобразное многоголосие. Таким образом, собственно диалог вписан в многослойную повествовательную систему романа, что требует некоторых пояснений.

В литературоведении выделяют два основных типа повествования: *безличное/внеличностное* и *личное*. При безличном повествовании изображение максимально объективировано. Н. В. Барковская отмечает, что «такой повествователь всезнающ», а «повествование может свободно включать в себя монологи и диалоги героев, сознание самых разных действующих лиц» [Барковская, 2004: 17]. По степени присутствия авторского «голоса» в произведении выделяют три вида безличного повествования: собственно авторское, несобственно-авторское и несобственно-прямая речь.

При *собственно авторском повествовании* повествователь растворяется в тексте, однако авторская субъективность, или «голос» автора

проявляется в построении предложений, в стилистических фигурах, тропах и т.д. В *несобственно-авторском* повествовании происходит совмещение «голоса» автора с «голосом» героя произведения «в пределах одного отрезка текста, даже в пределах одного предложения» [Орлова, 2017: 10], при том, что субъектом речи остается повествователь. Отличительная черта *несобственно-прямой речи* — в преобладании «голоса» героя над «голосом» автора, «хотя формально текст принадлежит повествователю» [Орлова, 2017: 12].

При *личном* повествовании принято говорить об образе рассказчика, роль которого сводится к свидетельствованию, комментированию жизни героя, о котором ведется речь в произведении. При этом героя читатель знает в той степени, в какой «его знает рассказчик» [Барковская, 2004: 19]. «Личность рассказчика обуславливает выбор темы <...>, параметры пространства и времени, характер оценок, эмоциональный тон произведения» [Барковская, 2004: 19].

В литературоведении в зависимости от того, кто является рассказчиком, выделяют три вида повествования от первого лица: *автор-рассказчик* (диалогическое отношение автора и героя/ев); *герой-рассказчик* (повествует тот, кто участвует в описываемых событиях, степень близости автора и рассказчика может быть разной). Крайней формой героя-рассказчика является *сказовая форма*, или *сказ*. При такой манере повествования «авторское слово отсутствует вовсе или служит лишь небольшой рамкой» [Орлова, 2017: 16], происходит установка на устную (спонтанную) речь, чужое сознание, или «чужой голос» (по М. М. Бахтину), часто из народа.

Третий вид повествования от первого лица - *рассказчик, не являющийся героем* (однако являющийся частью изображения). Такой тип рассказчика «наделен именем, биографией, а главное — его рассказ характеризует не только персонажей и события, о которых он повествует, но и его самого» [Орлова, 2017: 18].

Рассказ от 1-ого лица, по мнению Н. А. Кожевниковой, может быть оформлен в виде дневника, записки, письма, «<...> может включаться как способ передачи точки зрения персонажа в более сложные построения, напр., «Дневник Печорина» в составе романа «Герой нашего времени»» [Кожевникова, 1994: 15]. Н. В. Барковская отмечает, что «Многие произведения от 1-го лица представляют собой воспоминания. В таких произведениях совмещаются два времени — время совершения события и время воспоминания <...>» [Барковская, 2004: 20].

В художественном произведении тип повествования всегда осознанно определен художественной задачей автора-творца. С точки зрения повествования «голос» автора присутствует в тексте всегда, разница лишь в степени присутствия. В безличном повествовании повествователь наиболее близок к сознанию автору, а в личном отдален. Тем не менее, не стоит забывать, что в рамках одного литературного произведения могут сочетаться разные типы повествования и «голос» автора, таким образом, будет варьироваться.

1.3.2. Диалог

Диалог – вид устной речи, активно использующийся как в повседневной жизни, так и в художественной литературе. Интерес к диалогу возник в конце 40-50-х г. XX в. основоположниками изучения диалога в отечественной лингвистике являются Л. П. Якубинский, Л. В. Щерба, М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, М. Я. Блох.

Отличительная черта диалогической речи – смена реплик, смена говорящего и адресата. Согласование речевых действий коммуникантов в диалоге обеспечивается благодаря *интерактивности*, или *диалогическому взаимодействию*. Реплики, связанные между собой структурно, семантически, интонационно, образуют *диалогические единства*, которые *по установкам* могут представлять разные варианты: вопрос – ответ, вопрос – контрвопрос, обмен информацией, планирование, обмен впечатлениями,

побуждение – вопрос, побуждение – сообщение, сообщение – реплика-подхват. По составу диалогические единства – двучленные, трехчленные, развернутые, комплексные. В целом, речевое взаимодействие представляет собой двухчастную минимальную единицу, состоящую из *реплики-акции* (адресант) и *реплики-реакции* (адресат), которые объединены одной интенцией [см. Якубинский, 1986; Борисова, 2009].

В концепции И. Н. Борисовой основной единицей коммуникативной практики является **речевой поступок** (далее Рп). Он мотивирован, интенционален и процессуален. То есть Рп представляет собой высказывание, отражающее позицию коммуниканта и воздействующее на адресата. Структурно-динамическая модель Рп состоит из первичных коммуникативных интенций (КИ), «которые затем конкретизируются в речевых тактиках (РТ) и оформляются в различных речевых жанрах (РЖ), а затем реализуются в языковой форме – как фрагменты высказываний (речевые шаги – РШ)» [Борисова, Матвеева и др., 2018 : 59]. Таким образом, полная динамическая структура «может быть описана формулой: Рп = КИ → РТ → РЖ → РШ» [Борисова, Матвеева и др., 2018: 60].

В нашем исследовании при анализе диалогов мы будем использовать 3 компонента, это:

- Коммуникативная интенция (КИ), или речевая интенция говорящего.
- Способ реализации интенции, т.е. посредством чего эта интенция осуществляется (РЖ).
- Языковые средства, непосредственно организующие выражение интенции (РШ).

Отметим, что **интенцию**, по мнению О. Г. Почепцова, можно охарактеризовать как «разновидность желания, которое сформировалось на основе определенных целей и мотивов говорящего и для реализации которого носитель коммуникативного намерения предпринимает определенные шаги, используя оптимальные языковые средства» [Почепцов, 1989: 170]. Н. И. Формановская же отметила, что «в отличие от желания,

которое представляет собой влечение, стремление к осуществлению чего-нибудь, обладанию чем-нибудь, замысел истолковывается как задуманный план действий, поэтому представляется целесообразным связать интенцию прежде всего с замыслом» [Формановская, 2000: 42].

Речевая (коммуникативная) интенция, в свою очередь, является разновидностью интенции и представляет собой «намерение говорящего выразить некий коммуникативно значимый смысл с помощью речевых средств, т.е. осуществить речевой акт» [Иванов: электронный ресурс].

Мы считаем, что эта категория важна при анализе диалогов, потому что **откровенность** чаще всего проявляется косвенно, выражена интенционально как установка говорящего, однако в поверхностной структуре высказывания не имеет прямых, специально предназначенных языком средств. Наша позиция при исследовании проявлений откровенности общения это позиция *интерпретаторов*. Следовательно, имея дело с речевыми проявлениями в романе, откровенность будет являться результатом **интерпретации** речи собеседников, понимания общения как **откровенного со стороны наблюдателя/читателя/исследователя**. Таким образом, анализируя интенции коммуникантов, нам удастся проинтерпретировать откровенность коммуникантов.

Содержание диалога складывается из смысла, заложенного в репликах адресата и адресанта. Диалог обладает определенными языковыми средствами: например, преобладают эллиптические и короткие нераспространенные предложения, фразы-клише, сокращенные слова и т.д. Все это вызвано особенностями устной речи и принципом экономии языка, который не распространяется на эмоции: «Эмоциональность речи не подлежит сокращению и в диалоге получает свое полное выражение. Однако наряду с сокращением языковых средств, наблюдается и их избыточное использование [1, с.203]» [Закота, 2017: 92]. Важной стороной диалога, таким образом, является невербальное общение. Л. П. Якубинский писал, что невербальные средства коммуникации являются «могучим сообщающим,

обусловленным социально и соответствующим эмоциональному состоянию говорящего средством» [Якубинский, 1986: 28]. Это можно объяснить тем, что «диалог является спонтанной ответной реакцией при общении двух индивидов» [Томогашева, 2015: 143], поэтому и невербальные средства характеризуются большей индивидуальностью, чем языковые.

Диалог – явление многогранное, обусловленное темой, ситуацией общения. Таким образом, представляется важным при рассмотрении диалогической речи учитывать условия, определяющие характер речи. Отметим, что подготовленность коммуниканта к разговору также влияет на содержание диалога и его структуру, а наличие пресуппозиций коммуникантов обуславливает подтекст.

Диалог в художественном произведении нужен для создания определенного образа героя, отражая его опыт, характер, социальное положение и т.д., который будет воспринят читателем. Следует учесть, что диалог в произведении воплощает действительность, художественно преобразованную автором.

Н. Д. Арутюнова выделяет следующие *типы диалогов в художественном произведении*: информативный диалог-беседа, прескриптивный диалог, диалог-воздействие, диалог-обмен мнениями, контактоустанавливающий диалог [Арутюнова, 1992: 58].

Также художественный диалог отличается от диалога в реальной ситуации общения определенной длительностью, заранее обдуманном автором ходом его развития и влекущим за собой действия со стороны героя. Таким образом, рассматривая художественный диалог с точки зрения его подлинности в повседневной жизни, следует учитывать, что в произведении он создается автором, а не возникает при непосредственном общении, реплики пишутся автором, который таким образом создает речевую характеристику персонажа. В нашей работе будем учитывать понимание художественной функции диалогической речи.

1.3.3. Внутренняя речь

Внутренняя речь – один из видов речи по функции. Вслед за С. В. Светлана, Ю. М. Сергеевой и др. исследователями мы будем придерживаться мнения о диалогизации внутренней речи. Ученые, отталкиваясь от сущности понятия «языковая личность», имеющей внутри себя различные «ипостаси» (Ю. М. Сергеева), отношение к себе как «Я» к «не-Я», пришли к выводу о диалектической природе определения. Так взаимодействие различных «Я» внутри одного сознания есть *интраперсональное общение*, «в процессе которого один из партнеров общения (адресат) не существует непосредственно в данной ситуации, а объективируется в сознании другого индивидуума (адресанта) [Сергеева, 2016: 5], при этом адресатом могут также выступать «<...> реальные личности, недоступные для общения в данный момент, одушевленные и неодушевленные объекты, так называемый «нададресат» <...>» [Сергеева, 2016: 10]. Ю. М. Сергеева пишет, что посредством внутренней речи реализуются три формы интраперсонального общения – *внутренний диалог, внутренний монолог, простое внутреннее реплицирование* – развивающиеся по тем же процессам и описываемые теми же лингвистическими категориями, что и межличностное общение. Проявлениями *внутренней речи* являются «<...> громко произносимая, развернутая речь, предназначенная, однако, только для себя, и речь, произносимая тихо про себя, свернуто, и речь, существующая на уровне обычных слуховых представлений, почти лишенная словесной (образной) оболочки («чистая мысль»), и речь, представляемая на уровне эйдетических образов со всеми особенностями звучащего голоса, и, в конце концов, слуховые галлюцинации» [Сергеева, 2016: 19], а «<...> внутренняя речь слышимая, воображаемая и внутренняя речь произносимая суть две основные равноценные формы <...>» [Сергеева, 2016: 18].

Отметим, что *простое внутреннее реплицирование* – это показатель восприятия чужой речи, оценка через «<...> относительно краткие, невзаимосвязанные высказывания, возникающие обычно в неречевых

ситуациях либо отражающие внутренний комментарий индивидуума к воспринимаемой им внешней речи» [Сергеева, 2016: 18], предназначенный самому себе.

Внутренний монолог – интравертный коммуникативный акт, посредством которого фиксируются «конечные результаты собственного мыслительного процесса» [Сергеева, 2016: 36] индивидуума, для которого «характерны определенная содержательная цельность и непрерывность, которые обеспечиваются, в частности, единством темы» [Сергеева, 2016: там же].

Внутренний диалог – экстравертный коммуникативный акт, представляющий «<...> собой последовательность диалогически взаимосвязанных высказываний, порождаемых индивидуумом и непосредственно воспринимаемых им в процессе интраперсонального общения» [Сергеева, 2016: 48]. Внутренний диалог может быть *явным*, т.е. «<...> прямо и непосредственно (т. е. в форме диалогических высказываний) выражены две или более речевые позиции» [Сергеева, 2016: 53] и наиболее часто встречающийся в художественной литературе – *скрытым*, т.е. «<...> одна речевая позиция выражена в произносимой внутренней речи, а другая – в представленной» [Сергеева, 2016: 54].

Внутренняя речь нашла свое воплощение в художественной литературе четырьмя способами: в *форме прямой речи, косвенной речи, авторского повествования и несобственно-прямой речи*. Однако в лингвистике остается открытым вопрос о соотношении в художественном произведении понятий «внутренний монолог» героя и «несобственно-прямая речь» из-за внешней схожести. Т. Е. Трощинская-Степушина пишет о различии данных терминов с точки зрения взаимодействия «с сюжетной линией повествования: в отличие от внутреннего монолога несобственно-прямая речь не прерывает движение сюжета, а является его органической частью, т. е. выступает как «сюжеторазвивающий компонент текстового целого» [1, 55]» [Трощинская-

Степушина, 2013: 264]. В нашей исследовательской работе мы будем придерживаться этой точки зрения.

Таким образом, внутренняя речь не адресована реальному слушающему, но подразумевает обращение к другому своему «Я», либо воображаемому одушевленному/неодушевленному адресату; имеет «<...> диалогические отношения к своему собственному высказыванию в целом, и к отдельным его частям, и к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним, как бы ограничиваем или раздваиваем свое авторство» [Сергеева, 2016: 49]. Двумя основными формами внутренней речи являются произносимая и представляемая, а адресантами выступают по типам Ю. М. Сергеевой ««второе Я» индивидуума», «отсутствующий собеседник», «потенциальный собеседник», «воображаемый собеседник», «нададресат».

Выводы

Словарные толкования слова *откровенность* отличаются разнообразием и широким отражением различных аспектов данного понятия, включающих близкие, смежные характеристики: искренность, честность, прямота, правдивость, прямодушие, открытость, доверительность и др., упоминание которых, тем не менее, не дифференцирует суть толкуемого понятия. Наблюдения над словарными толкованиями позволяют объем понятия «откровенность» сузить до трех обязательных компонентов как наиболее устойчивых и регулярных, представляющих собой «треугольник»: *открытость – чистосердечие – правдивость*.

Откровенность – коммуникативная категория/константа в русской культуре, проявляющаяся в трех речевых жанрах: *в признании, исповеди, разговоре по душам*, поскольку откровенность в целом характеризует желание рассказать, поделиться личными, интимными, часто тайными аспектами своей жизни.

В данных речевых жанрах откровенность проявляет ряд свойственных ей характеристик.

Откровенность всегда осознанна, адресат преодолевает препятствие, часто внутреннее, испытывая чувство вины. *Откровенность* не практикуется в ежедневном общении. Для нее характерны определенные коммуникативные ситуации, так как это показатель доверительных отношений между коммуникантами: близкими или хорошо знакомыми людьми, так и малознакомыми, незнакомыми или самим собой. Но количество участников коммуникативного акта всегда ограничено: есть доверитель (адресант) и конфидент (адресат).

Откровенность рассматривается как амбивалентная сущность, которая связана с рядом факторов, признаками: адресатом, доверительным характером общения в зависимости от типа коммуникативной ситуации, речевого жанра и психологической уместности.

Для откровенности нужны причины. Откровенный разговор является непубличным типом доверительной межличностной коммуникации, происходит как между близкими или хорошо знакомыми людьми, так и незнакомыми. По количеству участников откровенный разговор - закрытый коммуникативный акт с ограниченным числом коммуникантов – *доверителя (адресанта)* и *конфиданта (адресата)*.

Откровенность проявляет свои сущностные черты в двойкой отнесенности: а) в ее референтной отнесенности – по отношению к самому содержанию, теме, предмету речи проявляет *правдивость сообщаемого*; б) в её коммуникативной части – по отношению к собеседнику откровенность проявляет себя как *открытость*. Таким образом, существенным является и *что* сказано и *кому* сказано.

Роман «На солнечной стороне улицы» отличает сложная повествовательная структура, перемежение разных субъектов речи, включение в повествование от 3-го лица фрагментов, организованных рассказом от 1-го лица. Анализ диалогических отношений требует включения в рассмотрение не только собственно прямой речи героев, но и авторской речи, отражающей внутреннюю речь персонажа или дополняющую диалогическое общение необходимым авторским комментарием. Описание диалогического текста требует использования соответствующих его природе единиц и категорий. С этой целью в работе будут использоваться термины *реплика-акция*, *реплика-реакция*, *интеракция*, а для интерпретации речевого поведения – понятие *речевая интенция*.

Глава II. Типы диалогов, проявляющих откровенность общения, и языковые средства её реализации

2.1. Диалог, проявляющий откровенность как правду о себе

2.1.1. Исповедь в диалогическом общении

Исповедь в романе не многочисленна и связана с *нарративами* трех героев романа:

- 1) дяди Миши;
- 2) Кати, матери Веры;
- 3) автора.

Речевой жанр позволяет узнать внутренний мир этих героев с помощью самораскрытия. Исповедь дяди Миши в романе представлена пятью нарративами. Они даются после его смерти в форме *писем*, в которых он осмысляет свою жизнь. Также важно, что исповедь дяди Миши начинается после того как Вера «*впервые в жизни <...> назвала дядю Мишу отцом <...>*» [Рубина, 2020: 318] в доме биологического отца, которого тоже увидела впервые и не знала, кем он ей приходится. Таким образом, исповедь в письмах героя обращена, с одной стороны, к автору, выступающему как действующее лицо и запросившему письма бывших ташкентцев, с другой стороны, к читателю. Диалогизм речи в данном случае, возможно, определяет и подсознательный расчет на то, что Вера сможет когда-нибудь прочесть его письма и узнать глубину его любви и услышать откровенное признание в ценности её личности для героя.

Откровенность героя в этом фрагменте сопряжена с самоанализом, осмыслением прожитой жизни и признанием выдающейся личности девочки, изменившей его судьбу.

Ситуативный контекст: дядя Миша, отчим героини романа художницы Веры, размышляет над тем, как будучи ещё 12-летней девочкой она спасла его, приведя домой этого опустившегося, спившегося, погибающего человека, и тем самым помогла выправить его жизнь. Между

ними установились доверительные отношения на протяжении всей жизни.

45. (стр. 325)³

«...и когда уже все потеряно, пропито, главное — пропито до дна душа... вдруг... — эта девочка: худенькая, упрямая, молчит почти целый день... Погружена в какую-то свою жизнь, трудно выразимую, но — бесконечно полную. Рисует все время — вырисовывает мысли, людей, которых встретила, книги, которые прочла... Если б ее оставили в покое, то рисовала бы — как дышит, — не отрывая карандаша от бумаги... В свои двенадцать одиноких лет — абсолютно сложившаяся, цельная личность. Навязать ей ничего невозможно; внутренне независима и всегда настороже — не покушается ли кто на эту ее независимость? И одновременно — какая благодарность внимательного выслушивания! Какое отзывчивое удивление, и восторг, и мгновенная преданность тому новому, которому — поверила!

При тотальном невежестве и нелюбви, в которых она выросла, это самое благородное — природно, изнутри — существо, какое мне встречалось в жизни. Наверное, сильно бы удивилась, узнав, что — опора моя. Несколько раз удерживала меня на самом краю запойного обвала: запирала дома, сидела целыми днями рядом, как кандалами пристегнутая, за руку держала — спасала. От ее полудетской руки идет какая-то властная сила, иногда мне кажется — физическая; кажется, захоти она, и могла бы легко взвалить меня на плечи и унести. Принесла же, вот, когда-то, беспамятного, со Сквера. Говорит — на каком-то мотоцикле везла... Не верю! Принесла на плечах... От той, другой, — тоже идет сила, но та — отравленный колодец, погибший источник... Эта же — ангел.

Откуда она взялась — такая? Смотрит на все вокруг взглядом отстраненным, пристальным, — словно послана в этот мир для определенной, причем единственной цели — стать свидетелем, да не просто — свидетелем, а оценщиком каких-то изначальных нравственных ценностей, оценщиком непредвзятым, взыскательным, беспощадным... О чем это говорит, — что среда все-таки ничего не значит? Так что ж, все же — душа, все-таки душа? ... Так есть Бог или нет? Или все-таки есть? Тогда как и за что, за какие прошлые заслуги в некое тело посылается душа цельная, как алмаз, в ожидании лишь руки, которая с бережной любовью нанесет на нее бесчисленные грани, в которых отразится мир?

Хмурый мой ангел, ты мне награда за...»

В исповеди откровенность дяди Миши проявляется в отношении Веры, Кати и себя. Происходит экстериоризация речевого поведения. Адресатом исповедального монолога выступает читатель романа. Однако есть и обращение к Вере в надежде, что она прочтает эти записи (*Хмурый мой ангел, ты мне награда за...*). Читатель, становясь конфидендом, узнает то, что не мог сказать герой при жизни:

- «самое плохое» о себе: прямое признание, правдивая характеристика своей жизни (собственная жестокая зависимость от алкоголя). Герой

³ Здесь и далее приводятся постраничные примеры по роману Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» (см. издание в источнике). Указание номера отсылает к Приложению Б.

оценивает последствия градационно *«когда уже все потеряно, пропито <...> пропита до дна душа <...>»*.

- *«самое главное» о себе*: главным для героя было выразить свое отношение к Вере через появление ее в его судьбе *«вдруг»* и признание *«опора моя»*. Читатель видит маленькую художницу глазами дяди Миши, который детализированно описывает ее портрет, прибегая к эпитетам и метафорам: *«двенадцать одиноких лет», «худенькая, упрямая, молчит почти целый день... Погружена в какую-то свою жизнь», «вырисовывает мысли»*. Однако заметим, что оценка героя заострена не на физическом облике, а на характере героини. Развернутый портрет личности Веры дополняют оценочные характеристики *«сложившаяся, цельная личность», «внутренне независима и всегда настороже»*; конструкции экспрессивного синтаксиса – *«какая <...> !» «Какое <...> !»* – все это выражает восхищение не по годам сформировавшимся характером, отражает его любовь к девочке. Эмоциональная окраска речи передается знаками препинания «—» и «...», выдающими волнение дяди Миши и желание наиболее точно подобрать слова для выражения мыслей. Выразительные средства, которые выбирает говорящий, нужны, чтобы точнее выразить чувства, воздействовать на confidenta – *«сидела целыми днями рядом, как кандалами пристегнутая», «на самом краю запойного обвала», «отзывчивое удивление»*... Такая речь в непосредственном контактном общении вряд ли была бы естественной, характер их разговоров как близких людей не предполагал такого прямого, развернутого высказывания в глаза глубинных оценок и отношения. Дистанция письма позволяет герою не стесняться высоких слов и выражений, раскрыть волнующие его личностные оценки в форме экспрессивных суждений.

Другой героине – Кате герой тоже дает оценку: *«отравленный колодец, погибший источник»* и отзывается о ней безлично *«о той, другой»*. В высказывании героя данные эпитеты контекстуально противопоставлены *«ангелу»*, характеризующему Веру. В романе Катя задается вопросом, что же

держит человека «над грязью»: «может, имя держало? Федя тогда назвал... сказал — вера держит... над грязью... А? Да? Значит, правда? Почему у тебя... откуда... были силы?» [Рубина, 2020: 415-416]. Таким образом, поднимается философский вопрос о влиянии имени на судьбу и это дает выход на интерпретацию антитезы. Имя «Екатерина» имеет значение «чистота», однако Катя с течением времени утратила чистоту и тем самым потеряла свою сущность – «главное»; а «Вера» – это «истина», по тексту ее нельзя потерять. Дядя Миша противопоставляет также две силы: одна – дающая жизнь, другая – ее забирающая.

- *объяснение собственной личности другим, самому себе, духовная общность со слушателем*: обращение к себе и связь с адресатом достигается через риторические вопросы, которые направлены на выявление того, что формирует человека: среда, душа, Бог. Рассуждая на эту тему, пытаюсь объяснить, герой использует высокую лексику «*послана*», «*душа*»; тропы (преимущественно градации и сравнения) «*взглядом отстраненным, пристальным*», «*смотрит <...> словно послана*», «*оценщиком каких-то изначальных нравственных ценностей, оценщиком непредвзятым, взыскательным, беспощадным*»; синтаксические конструкции, начинающиеся с «*так*», «*тогда*» – всё это формирует взволнованную и приподнятую окраску речи, выдаёт переживаемые сильные эмоции героя.

Философский вопрос через сравнение «*посылается душа цельная, как алмаз*» задается в качестве обобщающего вывода, относящегося, прежде всего Вере, ее жизни. В этом размышлении заключается важная для романа *антиномия*: что определяет человека: надличностная сила – Бог или же общество, условия, в которых вырос человек. И если в первом случае личность пассивна, не отвечает за то, кем является, то во втором – вина за содеянное лежит на самой личности,

Ответом на размышления может послужить наблюдение автора романа Д. Рубиной: «Я не уверена, что «воспитанием» можно вырастить личность. Иногда, наоборот, личность вырастает вопреки, растет наперекор злу - и диву

даешься: ведь это уже человек». У «брошенных» детей, по мнению писательницы, есть преимущества перед другими: «Они видят самых разных людей, и дышат чуть другим воздухом, и слышат другие разговоры» [Зуева, 2015: 90]. Метатекстовая концовка исповеди дяди Миши, в дальнейшем Кати, матери Веры, сюжет, взгляды самого автора романа порождают одну из важных тем романа, мифологему – процесс рождения художника («поэта») (см. О. П. Гусева, Н. В. Алексеева), его демиургическое значение.

Сама исповедь дяди Миши – «самоотчет души», сочетающий в себе самоанализ и нарратив. Откровенность героя, признание в своем пороке связаны с раскаянием и благодарностью за возможность выйти из этой зависимости. Мотив пьянства один из распространенных мотивов в русской литературе. Исповедь дяди Миши связывает по душевной чистоте героев, Веру и ее отчима, с образами Сонечки и Мармеладова из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Другим примером исповеди может служить исповедь Кати, матери Веры, перед смертью, которая сопряжена с признаниями и продолжает вопрос антиномии романа, осмысления природы таланта.

Ситуативный контекст: Катя, мама Веры, (А.) и Вера (Б.) давно не виделись и не общались, так как всю жизнь находятся в конфликте и противостоянии, имеют между собой напряженные отношения и живут в разных городах. Однако Вера, получив письмо о том, что мать при смерти, приезжает к ней в Ташкент в больницу.

62. (стр. 413)

...Мать вдруг качнула головой и открыла глаза. Минуты три смотрела на дочь безо всякого выражения, так что Вера даже усомнилась в словах доктора. И вдруг слабым, но ясным голосом сказала:

(А.1) — Ты что? Чего ты? Явилась... Ну, что ей сказать на это?

(Б.1) — Явилась привет передать. Лидусю помнишь, — соседку? На Васильевском...

Мать помолчала, и таким же ясным слабым голосом сказала:

(А.2) — Нет. Не помню... что за соседка... Ты, Верка, всегда дурноватая была...

Вера собралась уже подняться и уйти отсюда, не понимая — что за блажь пришла ей в голову — мчаться в Ташкент за каким-то разговором, которого просто не может произойти.

В интеракции (А.1-Б.1-А.2) прослеживается неприязнь матери и дочери друг к другу. Риторические вопросы Кати, паузы <...> выражают удивление, волнение и нежелание вести дальнейший разговор. Об этом свидетельствуют также местоимения «ты», «ей». Глагол «*явилась*», употребляемый матерью, передает неожиданность появления дочери. Вера же, подхватывая данный глагол, иронично поясняет цель визита – «*привет передать*». Однако мы понимаем, что имплицитно заложено желание Веры расспросить о своих корнях. Данная интеракция примечательна тем, что речь Кати служит примером *отказа в ключе откровенности*. Избегая ответов, героиня не только делает паузы, но и дает оценку дочери «*всегда дурноватая была*».

Искренность, надежда, с которой пришла Вера к матери, проявляется в пояснении автора «*что за блажь пришла ей в голову*», «*мчаться <...> за каким-то разговором*».

(А.3) — *Вот, подыхаю... — вдруг сказала мать... — Давно пора... должна была... вместе со всеми, тогда... С мамой, папой... С Володей... Сашей... Если б тогда померла, я бы в рай попала...*

(Б.2) — *Ну вот, видишь... Рай! А говоришь, что Лидусю не помнишь... Мать опять качнула головой на подушке, проговорила:*

(А.4) — *Лидуся... добрая была...*

Данная интеракция (А.3-Б.2-А.4) начинается с исповеди Кати. Героиня оценивает свое нынешнее состояние («*подыхаю*») с желаемым («*если б тогда померла*»). Осознание неправильно прожитой жизни дается ей нелегко, отражается в разностилевой лексике «*поддохнуть-помереть*», градации «*давно пора... должна была... вместе со всеми*».

Поддерживает разговор Вера с облегчением, ожидая продолжение: «*Ну вот, видишь*», «*А говоришь*».

Вера наклонилась к ней, взглядом мгновенно охватывая, отпечатывая в себе эти сухие морщины, обтянутый кожей острый подбородок, круглые мослы монгольских скул... Под простыней лежало тело, в котором она, Вера, была кем-то случайно зачата и чудом не выкинута на помойку...

(А.5) — *Ната-ашка хо-одит... — тяжело протянула, как простонала, мать... —*

Наташка хорошая... Цыля тоже хорошая... только давно... и Хадича, узбечка... дала мне молока...

Боже, подумала Вера, всю жизнь барахтаясь в пучине зла и вражды, алчности и преступления, сейчас, на пороге смерти, эта нищая перебирает крохи доброты, которые ей перепали...

Воспоминания матери Вера (в своей внутренней речи) называет «крохами доброты». Она в ней вызывает жалость и дает оценку «эта нищая». Однако, исходя из дальнейшего разговора, становится понятно, что эта характеристика относится не столько к материальному достатку, сколько к душевному.

Ужас, осознание Верой прожитой жизни матери выражаются через междометие «Боже», глаголы, направленные на оценку Кати «барахтаясь», «перебирает», «перепали»; осознание самой Кати проявляется невербально – в паузах, в голосе «тяжело протянула, как простонала», в наречиях, характеризующих время «тогда», «давно».

<...>

(Б.6) — Ты, наверное, устала... — сказала Вера... — Я сейчас уже пойду...

(А.10) — Подожди! — с неожиданным напором проговорила мать и, словно исчерпала этим возгласом все силы, опять закрыла глаза...

Лежала так минут пять... Вера терпеливо сидела рядом, ждала, на тот случай, если мать снова заговорит. И та заговорила...

(А.11) — Я подохну... хорошо, пусть... так и надо... правильно... Вокруг меня было только зло, грязь... обман... и... я была совсем одна... Я всех ненавидела, всех... не было сил жить как человек... Я сама стала злом... Я, Верка, людей убивала... Я отомстила кое-кому, отомстила... Машу помнишь? Я ее в трамвае узнала... Столько лет мечтала... — вот, встречу — задушу своими руками... а тут так повезло... И я за ней до самого дома... я...

В нарративе Кати исповедь выражается через признание правды о себе. Она дает себе правдивые оценки и характеристики – анафористические конструкции предложений «я...»; объясняет причинно-следственные связи своих поступков: «была совсем одна», «ненавидела», «не было сил жить как человек»; сообщает факт - тайну о себе: «людей убивала». Особая ситуация – на пороге смерти – вынуждает героиню к откровенности.

(Б.7) — Ну ладно, мама! — в сердцах воскликнула Вера, превозмогая в себе желание броситься отсюда, от этой койки, от этих кошмарных откровений куда-

нибудь прочь, на воздух... — Ты эту исповедь побереги уже для другого судьи...

(А.12) — *Нет, подожди! Я вот что... Я всегда хотела тебя спросить... — мать переждала спазм в горле, икнула, глубоко задышала, словно освобождаясь... и облизнула губы...*

(А.13) — *Хотела спросить: еще когда ты маленькая... ты была другая... ты с детства хотела быть другой... К тебе зло не прилипало... Ты просто... в другую сторону смотрела. Почему? Как ты это поняла? Почему ты стала... другой?... Я тут все думаю — может, имя держало? Федя тогда назвал... сказал — вера держит... над грязью... А? Да? Значит, правда? Почему у тебя... откуда... были силы?*

Героиня задаёт вопросы, сущностные для жизни, для личности, которые в повседневной рутине жизни были бы неуместны – зло и добро, Вера, чистота и нравственная сила. И вместе с тем это показывает, что в глубине души Катя над ними думала и только на пороге смерти в последнем разговоре с дочерью высказывает их вслух. На фоне их предыдущего опыта общения они выглядят настоящим откровением.

Вера продолжала разглядывать неживое, иссушенное тоскливой смертью лицо на подушке, и думала, что вот только сейчас мать и начнет жить по-хорошему... Она уже видела картины, которые напишет, — где хорошая, добрая мать будет шить театральные костюмы, любить весь мир и до самой старости жить с дядей Мишей в любви и счастье...

Но, зная, что обречена помнить этот разговор всю оставшуюся жизнь и что нельзя сейчас произнести ни одного слова пустопорожней жалости, она сказала просто:

(Б.7) — *Я ведь художник, мама...*

Полно раскрывается тема рождения художника в заключительной интеракции диалога. Мама Веры «подробно разворачивает лишь те ситуации, которые, а точнее, через которые и НАД которыми и происходит рождение Художника. Автор выстраивает не характер человека, а судьбу Поэта» [Алексеева, 2011: 318]. После разговора с матерью Вера «уже видела картины, которые напишет» не случайно. Она как автор романа, или «лирическая героиня», по мнению О. П. Гусевой, выступает хранителем памяти, «преломленной через призму индивидуального сознания» [Гусева, 2013: 98]. Но если для Д. Рубиной становится важным сохранить память о военном и послевоенном городе Ташкенте, то для Веры – «мысли, людей, которых встретила, книги, которые прочла...», как писал дядя Миша.

Отдельное место в структуре романа занимают части, в которых

субъектом исповеди становится автор-повествователь.

Автор-повествователь как второстепенное лицо романа *«хотя я и автор, вернее – одно из второстепенных лиц на задах массовки»* [Рубина, 2020: 8] выстраивает диалог с читателем, делится своими переживаниями. Н. В. Алексеева пишет, что первая исповедь автора есть «затакт» и он выполняет функцию пролога, оказываясь «в сильной текстовой позиции, эстетически нагруженной» [Алексеева, 2010: 124]. В основу исповеди легла антитеза. «Прием анафорического негативизма» [Алексеева, 2010: 124], выражающийся в многократном повторении «я не помню» противопоставлен «ностальгически вырвавшемуся вздоху» [Алексеева, 2010: 124]: «*В Ташкент?*», что «хронотопично равноценно чеховскому «*В Москву!*» или ремизовскому «*В Париж!*»» [Алексеева, 2011: 317].

1.(стр. 5)

Метатекстовый ввод

Я позабыла тот город, он заштрихован моей угрюмой памятью, как пейзаж – дождевыми каплями на стекле.

Корпус нарратива

Не помню названия улиц. Впрочем, их все равно переименовали. И не люблю, никогда не любила глинобитных этих заборов, саманных переулков Старого города, ханского великолепия новых мраморных дворцов, имперского размаха проспектов. Моя юность проплутала этими переулками, просвистела этими проспектами и – сгинула.

Иногда во сне, оказавшись на смутно знакомом перекрестке и тоскливо догадываясь о местонахождении, я тщетно пытаюсь припомнить дорогу к рынку, где ждет меня спасение от позора.

Я не помню лиц соучеников, и когда на моем выступлении в Сан-Франциско или Ганновере ко мне подходит некто незнакомый и, улыбаясь слишком ровной, слишком белозубой улыбкой, говорит: «Вспомни-ка школу Успенского», – я не помню, не помню, не помню!

Метатекстовая концовка

...Тогда почему все чаще, возвращаясь из Хайфы или Ашкелона домой, поднимаясь в свой иерусалимский автобус и рассеянно вручая водителю мятую двадцатку, я глухо говорю:

– ...В Ташкент? ...

Композиционно нарратив автора-повествователя можно разделить на три части. В метатекстовой рамке задается тема размышления. Это связано с тем, что она позабыла город, в котором росла: «заштрихован моей угрюмой памятью, как пейзаж – дождевыми каплями на стене».

Автор пишет о том, что в Ташкенте прошла ее юность, и она ее олицетворяет: *«моя юность проплутала <...> просвистела <...> сгинула»*. Одушевление одного из этапов ее жизни связано с разъединением его с личностью. Глаголы указывают на быстроту действия и «туманность», а развернутая метафора в метатекстовом вводе на стертость, расплывчатость места становления, факторов, следовательно, понимания самого себя.

Эмоциональность, обеспокоенность по этому поводу усиливает экспрессивным повтором предикатив *«я не помню»* перед риторическим вопросом, обращенным к самому себе.

Исповедь автора романа в самом начале значима. Откровенность проявляется в ней в оценке самого себя. Она задает тему повествования, направление – экзистенциализм. Отсюда последующее заострение на судьбах персонажей, «голосов романа», иллюстрирующих психологическую, эмоциональную составляющие, оказавшихся в Ташкенте волею судьбы в переломный момент эпохи. Роман включает разные «голоса» в своей повествовательной структуре, где помимо своих мыслей, воспоминаний автор вносит чужие, чтобы пропустить через себя, прожить чужой опыт. И этот художественный принцип, на наш взгляд, близок поэтике Ф. М. Достоевского: показать личность человека (персонажа) через раскрытие глубин его души (тайн, мыслей). Стремление увидеть «в человеке человека» – желание увидеть в нем, узнать самого себя.

2.1.2. Нарратив-воспоминание

Этот подтип текста рассматривается в контексте диалога, поскольку его адресат всегда выражен, адресованный характер речи в нем достаточно ярко проявляется. Таким адресатом в структуре романа в разных его частях является: а) один из членов семьи автора-повествователя, б) сам автор-повествователь, которому адресует свою речь один из героев, послуживших прототипом персонажа, в) наконец, это может быть читатель, к которому обращается повествователь. Хотя в случае нарратива-воспоминания речь

говорящего имеет достаточно развернутый и протяженный характер, т.е. похожа по этому признаку на монолог, тем не менее, в силу своей открытой адресованности, а также в ряде случаев и реального включения в общение собеседника будем рассматривать эти тексты как тип диалога.

Откровенность общения выявляется при анализе диалога в трех аспектах:

А) Первый аспект – **фатический** – связан с самими собеседниками. В случае откровенного диалога в целом и при воспоминании, в частности, они ведут себя как близкие или хорошо знакомые люди, где адресат рассматривается как конфиденант, а говорящий как доверитель, который вводит собеседника в свою личную сферу, рассматривает его как принадлежащего кругу «своих». Такая коммуникативная установка формирует доверительную тональность общения.

Б) Второй аспект – **информативный** – связан темой речи, представляющей дорогие говорящему воспоминания о детстве и юности в военном и послевоенном Ташкенте, при этом рассказы о событиях прошлого как предметная тема включают «Я-тему», поскольку представлены с позиции говорящего как очевидца и свидетеля событий, поэтому речь насыщена достоверными подробностями и деталями.

В) Третий аспект – **модальный** – связан с модусом и выражает отношение, оценочные смыслы говорящего, формирующие окраску речи. Личные переживания говорящего окрашивают эмоционально речь, отражают чувства героя, формируют особую тональность диалога, воздействующую на читателя.

В выделенном нами данном типе диалога (диалоге-воспоминании) предметом речи выступает воспоминание *рассказчика* о жизни в Ташкенте. Это связано с тем, что одной из ведущих тем романа является *образ города*, слагающийся из естественно-природного и культурного-исторического пластов. «Картинки» памяти автора, её отца и матери, а также бывших ташкентцев – «голоса» романа – стереоскопически накладываются друг на

друга. Откровенность прослеживается в разговоре между коммуникантами в оппозиции «свой-чужой», через включенность собеседника в свою сферу. В романе мы выделили два типа реализации воспоминаний о Ташкенте:

1) воспоминания бывших жителей Ташкента, которые обращаются к автору романа;

2) воспоминания родителей автора – посвящение («Родителям») [Алексеева, 2010: 124] – поддерживающиеся наводящими, уточняющимися вопросами самого автора.

Рассмотрим, как проявляется откровенность в воспоминаниях бывших жителей Ташкента.

Ситуативный контекст: Рассказчик – пожилой мужчина (А.), прошедший время ребёнком в Ташкенте во время эвакуации, и автор-повествователь (Б.), собирающий воспоминания бывших ташкентцев с целью сохранить образ былого города. Текст представляет собой повествование от 1 лица. Мы не знаем, при каких обстоятельствах встретились герои и как был осуществлен запрос вспомнить о прошлом.

Воспоминание представляет собой *нарративный диалог*. Композиционно текст состоит из *собственно нарратива* (воспоминания) и *фатического метатекста* (поддерживание контакта со слушателем), поэтому будем рассматривать его с точки зрения *дискурсивной структуры нарратива*, включающего:

4.(стр.17)

Метатекстовый ввод

(А.) «— Да нет, милая вы моя, все не так скоро делалось! И вообще, делалось-то как бы и не людьми, а безумной воронкой эпохи, которая всасывала всех нас в какую-то гигантскую трубу оцепенелого ужаса, голода и хаоса войны...

Вы извините, что я так сразу, и сразу — с критикой. Вы сказали, что собираете воспоминания бывших ташкентцев, как вы выразились — „голоса унесенных ветром“ — ну, и я обрадовался. И хотя в Ташкенте я был только в детстве, в эвакуации, а потом вернулся в Саратов, я все же считаю себя вправе тоже „подать голос“. Так что вот, посылаю запись...»

В метатекстовом вводе заключается иницирующая реплика «*Так что вот, посылаю запись*», распределяющая речевые партии между

коммуникантами и настраивающая на открытость, откровенность повествования. Также заданы тема *«воспоминания бывших ташкентцев, как вы выразились — „голоса унесенных ветром“»* и жанр речевого продукта – *воспоминание*.

Рассмотрим фатический метатекст, языковые средства которого настраивают на дружескую, доверительную тональность. Расположение собеседника к себе проявляется в обращении адресату *«милая вы моя»*. Коммуниканты между собой познакомились недавно, что выражается в местоимении *вы*. Возражение говорящего, адресованное автору, смягчает словосочетание *«Да нет»*, где частица *да* выражает модальность неуверенности и приравнивается к *«пожалуй»*. Рассказчик устанавливает и поддерживает контакт, демонстрирует готовность поделиться воспоминаниями. В адресате говорящий видит *«Своего»*, с которым хочет установить понимание, быть деликатным и правильно понятым: *«Вы извините»*, *«Вы сказали»*. Также присутствует экспликация радостного отклика на предложение – *«я обрадовался»*.

В речи говорящего выражена оценка, проявляющая его эмоциональное отношение к событиям, открытая экспликация чувств в экспрессивно-оценочных языковых средствах формирует тональность текста, его эмоциональную окраску. События, происходившие в далёком прошлом, адресант оценивает метафорически *«безумная воронка эпохи»*, *«гигантская утроба оцепенелого ужаса, голода и войны»*, тем самым подчеркивая бессилие людей перед катастрофическими событиями времени и тяжесть перенесенных испытаний.

Репродукция *«голосов унесенных ветром»* позволяет увидеть отношение *Слушающего*, автора-повествователя, к бывшим жителям Ташкента, почувствовать его соучастие их судьбам и искреннюю потребность собрать воспоминания. Фразеологизм *«унесенные ветром»* подчеркивает утрату не только тех реалий, что были, но и людей. Потребность собрать *«голоса»* вызвана и тем, что автор-повествователь через

рассказы людей сам проживает и раз за разом возвращается в «<...> родной город <...> место воспоминаний, печали <...>» [Рубина, 2020: 5], в город, который, как она говорит, «заитрихован моей угрюмой памятью <...>» [Рубина, 2020: 5]. Тем самым это наводит на то, что для автора собрание воспоминаний земляков-ташкентцев является **экзистенциальной потребностью** для «обнаружения себя в бездонных водах времени» [Рубина, 2020: 429]. Это также характеризует адресата как «своего», как заинтересованного, как разделяющего чувства и переживания ташкентцев, дополняет его образ «конфиданта» как сопричастного городу и людям, к судьбе которых он неравнодушен.

Корпус нарратива (собственно повествование)

Собственно нарратив состоит из пяти *нарративных эпизодов*, каждая часть которого конституируется различными типами речевых поступков *Рассказчика*. В этих эпизодах откровенность общения проявляется в реализуемой говорящим потребности выразить и донести до собеседника картины прошлого во всей подробности и детальности изображения, вновь представить и пережить в своем рассказе события прошлого. Каждый эпизод вводится словом с семантикой памяти «Я-то помню» (A1), «Помню» (A2), (A4), (A5), «А вот ещё картинка» (A3). Говорящий руководствуется установкой вызвать в сознании Слушателя живые картины: «Представьте, что...» - формы настоящего времени глаголов (репортажное н.), зрительные и слуховые детали, вызывающие наглядно-чувственные представления.

(A.1) ...Я-то помню кое-что из того времени, хотя был совсем пацаном... — так, картинки отдельные. Представьте, что на некий азиатский город сваливается миллион вишивого, беглого оборванного люда... На вокзал прибывают эшелоны за эшелонами, город уже не принимает. И это разносится по вагонам, люди передают друг другу: „Город не принимает... не принимает... не дают пропуску“.

И все-таки горемычные толпы вываливались из поездов и оставались на привокзальной площади, расстилали одеяла на земле и садились, рассаживались целыми семьями в пыли под солнцем. Ступить уже было негде, приходилось высматривать — куда ногу поставить... А прибывали все новые, новые оборванцы... бродили по площади, встречали знакомых, спрашивали друг друга: „Вы сколько сидите?“ Узнавали новости о близких, приходили в отчаяние... И все-таки сидели...

И мы с мамой сидели, изо дня в день... потому что ехать дальше — означало

гибель, а в Ташкенте выживали, цеплялись за какую-то работу, жизнь вытягивала соломинкой надежды.

Данный эпизод можно охарактеризовать как *компрессированный нарратив*, т.к. основная функция эпизода информативная – дать «картину» времени военного Ташкента. Речевой поступок Рассказчика характеризует ситуацию как существовавшую в действительности: *«прибывают эшелоны за эшелонами», «город уже не принимает»; обстановку, внешность людей: «миллион вшивого, беглого оборванного люда», «горемычные толпы», «ступить было негде», «новые оборванцы», «бродили по площади», «приходили в отчаяние»; все это сопровождается эмоциональной оценкой своей памяти: «был совсем пацаном», «картинки отдельные», «некий азиатский город».*

(А.2) *Помню, на этой, залитой солнцем и застланной одеялами, площади лежала женщина в беспамятстве. У нее было сухое, обтянутое кожей лицо и губы, иссеченные глубокими кровавыми трещинами. Кто-то сжалился и смазал эти кровоточащие трещины постным маслом, и вдруг она, не открывая глаз, судорожно принялась слизывать масло с губ...*

Это воспоминание представляет собой *сообщение*, представленное сквозь модус «я видел» - *«женщина в беспамятстве»*, ослабевшая от голода и жажды. Это мы понимаем из детального описания внешности женщины *«сухое, обтянутое кожей лицо», «губы, иссеченные глубокими кровавыми трещинами»;* описания происходящего, что кто-то смазал ей трещины маслом и она *«судорожно принялась слизывать масло с губ»*. Имплицитно через внешнюю изобразительную деталь выражены крайняя степень истощения, страдания, перенесенные испытания, образ, сохраненный детской памятью.

(А.3) *...А вот еще картинка: мы с мамой идем по улице, над головой — сплошная зеленая крона с узорными прорехами ослепительного солнца, у мамы в руке наш единственный фанерный чемодан... а вокруг на гремящих самокатах разъезжают мальчишки и кричат: „Жидовка, скажи „кукуруза!““... Я держу маму крепко за руку и, конечно, верю в ее силу... но все-таки немного страшно... На вокзале можно было взять носильщика — дюжего мужика, — он обвязывался ремнями-веревками и пешком тащил чемоданы по адресу, какой скажут... просто шел впереди тебя, сгибаясь под тяжестью*

баулов и тюков... С носильщиком было бы не так страшно идти по чужому городу... Но у нас ни тюков, ни денег не было, поэтому мама несла чемодан сама, только руки меняла. Останавливалась, говорила мне, тяжело дыша: „Подожди... зайди с другой руки“... и мы шли дальше... А самокаты сужают круги, все теснее кружат на своих гремящих подвизгивающих подшипниках: „Жидовка, скажи „кукуруза!““.

Мама вдруг остановилась и в сердцах крикнула: „Холера тебе в пузо!!!“... И это так понравилось мучителям, что они отстали...

Еще одна «картинка» из воспоминаний *Рассказчика* – сообщение, из которого мы узнаем, как приняли приезжих «мальчишки», что чувствовал себя рассказчик со своей мамой в чужом городе. Очень личный рассказ, откровенность проявляется в этих сохраненных памятью детских впечатлениях, личном опыте пережитого – виденного, слышанного, эмоционально воспринятого, прочувствованного. Чувства мальчика выражены через зрительное (*сплошная зеленая крона с узорными прорехами ослепительного солнца, единственный фанерный чемодан*), слуховое (*на гремящих самокатах, кричат*), эмоциональное восприятие действительности: (*мы с мамой, держу маму крепко за руку, верю в ее силу, немного страшно*). В данном эпизоде видно отношение рассказчика к своей матери – «*верю в ее силу*» и доверие к собеседнику, так как рассказывает о своем страхе, пусть и в юном возрасте.

Обращает на себя внимание обращение детей к приезжей женщине, не к ровеснику – «*жидовка*». Так называли уничижительно евреек. И в подтексте прослеживаются реалии военного времени: «евреями» называли всех приезжих. Ярко проявляется подвижность детской психики, ее восприимчивость – в данном случае вовлеченность в бытовой антисемитизм. Интертекстуальная фраза «*скажи “кукуруза”*» указывает на тест, который предназначался для выявления еврея при знакомстве, так как они не выговаривают букву «р».

Реакция матери рассказчика «*Холера тебе в пузо!!!*» – реплика, перефразированная из детской словесной «игры»:

- Скажи «кукуруза».

- Кукуруза.

- *Поцелуй цыганке пузо* [Мы так в детстве говорили: электронный ресурс].

и поговорки *«Холера тебе в загривок»* [Мокиенко, 2013: электронный ресурс], означающее недоброе пожелание. С одной стороны, это связано с контекстом, с другой, тем, что говорит женщина это *«в сердцах»*.

(А.4) *...Рынки, конечно, помню... Алайский рынок, знаменитый... это был какой-то... Вавилон! Вот уж действительно где смешались языки-наречья, пот, слезы, тряпье, тазы, ослы, арбы, люди... А ворья сколько! Вся страна беспризорная, голытьба окаянная сползлась в город хлебный, теплый... Люди говорили: „Самара понаехала!“, почему-то считалось, что самарцы — сплошь ворюги... Когда в кинотеатрах стали крутить кино „Багдадский вор“, появилась присказка: „Пока смотрел „Багдадский вор“, ташкентский вор бумажник спер“...*

Еще один *компрессированный нарратив*, из которого мы получаем информацию об Алайском рынке и людях, приехавших в Ташкент. Алайский рынок рассказчик сравнивает с богатым и важным экономическим центром древности - городом Вавилоном, имплицитно понимаем, что речь идет и о вавилонской башне – *«смешались языки-наречья»*.

Антитезой «городу», Ташкенту, который рассказчик характеризует как *«хлебный, теплый»*, противопоставлена «вся страна» – СССР. Конечно, здесь использована говорящим и синекдоха *«страна беспризорная»*. Речь идет о бедных людях. Оценка рассказчика проявляется в градации этой бедности, конкретизации – *«голытьба окаянная»*, которая *«сползлась»*, видимо, из-за отсутствия сил. Клише, *«Самара понаехала»* и *«самарцы – сплошь ворюги»* наводит на мысль, что рассказчик специально упоминает для слушающего известный его слуху город, так как в 1935 году Самара была переименована в город Куйбышев по 1991 год, либо само название города до переименования крепко закрепилось в памяти людей тех лет. Экспрессия речи создается эпитетами, использованием слов с экспрессивно-оценочной коннотацией – *«голытьба»*, *«ворье»*, *«ворюги»*, конструкцией экспрессивного синтаксиса *«А ворья сколько!»*. Эмоции рассказчика, отраженные в языковых средствах, формируют эмоциональную тональность речи, которая передается Слушателю и читателю.

(А.5) Помню, на рынке однажды поймали вора. И кто-то уже стал звать милицию, а один дядька — краснорожий, однорукий, сказал: „Не надо, сами справимся!“

Несколько мужиков сгрудились над пойманным, и только слышно: уханье и — хрясть, хрясть! Так дружно, так остервенело били!.. И только потом я догадался, что били-то его свои и что однорукий краснорожий был, наверное, главарем шайки, а того, пойманного, была вся его шобла, была до полусмерти — таким образом спасая...

Этот эпизод — рассказ, из которого узнаем отношение людей одной шайки друг к другу, где единственный способ спасти — избить до полусмерти. Оценочная лексика «краснорожий», «шобла», «главарь», слуховые детали «уханье», «хрясть, хрясть» — эмоции, пережитые мальчиком, наблюдавшим эту дикую, варварскую сцену.

Метатекстовая концовка

(А.) Шестьдесят пять лет прошло, а эти картины у меня перед глазами, как вчерашний день... И вообще, сколько за плечами осталось — Саратов, Москва, десятки городов... Вот сейчас и до конца уже — Марбург, а я до сих пор, стоит только закрыть глаза, так ясно представляю себе эту улочку, по которой мы с мамой идем, — высоченные кроны чинар сплетаются над головой в зеленый солнечный тоннель...»

Метатекстовая концовка представляет собой авторезюмирование, позволяет узнать возраст *Рассказчика*. Откровенность проявляется через метафоры «эти картины перед глазами», «сколько за плечами осталось», сравнение «как вчерашний день», эвфемизма «до конца уже» — потому что это открытие лично пережитого, важного для личности, хранимого в памяти в течение всей жизни.

В целом, мы можем сделать вывод, что *Рассказчик* по отношению к событийному содержанию нарратива является и *Участником* (модус “я делал”) — нарратив-воспоминание, и *Свидетелем* (модус “я видел”) — мемуарный нарратив, и частично *Слушателем* (модус “я слышал”) — нарратив-пересказ.

Обратимся к другому эпизоду текста, также представляющему откровенность в воспоминании.

Ситуативный контекст: Отец (А) рассказывает дочери, автору-повествователю, (Б) о жизни в Ташкенте.

Метатекстовый ввод

(А.1) «... — Вот ты говоришь — послевоенный Ташкент... Кто что, а я первым делом вспоминаю тележки с газированной водой: примитивные тачки на колесах, с небольшим навесом... они спасали в летнее время от жары и жажды тысячи ташкентцев... Там еще была забавная система мытья стаканов: легкий поворот рычага, перевернутый стакан полощется под сильной струей воды... Затем в него из стеклянного цилиндра цедят немного сиропу, того, что ты выбираешь, и сразу вслед — просто чистая вода под газом... И это так весело шипело, вскипало к краям... Помнишь эти тачки? В детстве ты выбирала всегда „крюшон“ — темно-красный сироп...

Инициативный нарратив рассказчика предваряет автоинтродуктивный сигнал: «<...> Вот ты говоришь — послевоенный Ташкент... Кто что, а я первым делом вспоминаю <...>». С одной стороны, это нам указывает на то, что нарратив отца все же стимулирован предыдущими репликами дочери <...>, с другой, — на его отношение к трудностям послевоенного времени, умение видеть радость в мелочах: «И это так весело шипело, вскипало к края...» и связь с дочерью. Отец автора-повествователя вспоминает бытовую деталь «вне войны», деталь, которая связана и с его дочерью «В детстве ты выбирала всегда „крюшон“ <...>». Для него становится важным разделить свое светлое воспоминание: «Помнишь эти тачки?» - апелляция к совместному личному опыту.

Нарратив поддерживает слушатель реактивным речевым поступком — уточняющим вопросом, после которого происходит обмен мнениями о «еврейских стариках»: реплицирующий режим диалога, общий опыт, обмен воспоминаниями, дополнение, частая передача речевого хода.

(Б.1) — Слушай, пап, а это правда было, или только моя фантазия: за этими лотками сидели еврейские старики, причем одного типа, причем парой, он и она?...

(А.2) — Да-да, точно: она, одетая в какие-то имматы, и поверх белый фартук, обычно отпускала. Он молча сидел на табурете чуть в стороне...

(Б.2) — Сейчас бы их назвали еврейской мафией...

(А.3) — Тогда тоже изгалялись, кто как мог... Обычно эти старички почти не разговаривали. Спросит тебя — какой сироп, даст сдачи, пей и иди своей дорогой... Иногда между собой пробрасывали несколько слов на идиш... пока кто-нибудь не подходил...тогда умолкали... Где они качали эту воду для полоскания стаканов целыми днями, откуда брали лед — ума не приложу! И стаканы, заметь, были чистыми, и заразы никакой не прилипало (**Метатекстовая концовка**)... Да... Потом эти будки постепенно исчезли с улиц. Их заменили автоматы, которыми редко можно было пользоваться, — из них всегда пропадали стаканы...»

В целом этот тип диалога строится как доверительная беседа. Вывод по трем исследуемым аспектам (фатическому, тематико-информативному и модальному) можно сделать следующий:

А) Средствами доверия собеседнику выступает обращение рассказчика к слушающему, «договор» о том, что интервьюируемый будет говорить, а собеседник слушать, резкая характеристика эпохи и упоминания своей биографии. Эти части текста строятся от 1 лица и эксплицируют личностное начало, открытое «я» говорящего. Образ адресата представляется говорящему как личность «своего», близкого человека, земляка, с которым его связывает город Ташкент, в котором прошли военные и послевоенные годы. Общее пространство связывает собеседников и определяет основную установку (интенцию) говорящего – желание поделиться с близким своими воспоминаниями в расчете на его понимание и эмоциональный отклик. Фатический аспект определяет доверительность общения, доверительную интонацию и проявляется в следующих языковых средствах: дейктические элементы, выбранные относительно говорящего: местоимения *я, ты, мы, там, тогда и т.д.*; формы обращения, используемые в общении с близкими людьми, а также их усеченные формы: *папа, пап, милая вы моя, мой ангел*; формы контактирования и поддержания внимания: *да-да, точно, слушай, представьте, заметь, так что вот, вы сказали, что*; апелляция к совместному личному опыту: *«Помнишь...(эти тачки)?»*; языковые средства, передающие устную и разговорную речь: стилистически сниженная разговорная лексика (*пацан, оборванцы, ворье, ворюга*), неполные предложения, многоточия, отражающие паузы в устной речи.

Б) Тема проявляется в описании самого города Ташкента, отношении местных к приезжим, друг другу. Тема Ташкента в нарративном диалоге-воспоминании раскрывается через подробное изображение картин жизни, запечатленных памятью говорящего, через представление ярких наглядно-образительных деталей (зрительных, слуховых), отбор реалий внешнего мира Ташкента, отражающих восприятие и личный опыт говорящего.

Откровенность в этом плане проявляется как достоверное, правдивое изображение, представленное как личное пережитое. Намерение говорящего связано с желанием вызвать в восприятии собеседника живую картину прошлого, поделиться с ним образными впечатлениями, сохранившимися в памяти. В этом аспекте актуальны следующие языковые средства: лексика с предметным значением, служащая опорой зрительного образа: *тележка с газированной водой, крющон, самокаты, носильщик*; лексика, конкретизирующая наглядные представления: *фанерный чемодан, гремящие самокаты, сухое, обтянутое кожей лицо, высоченные кроны чинар сплетаются над головой в зеленый солнечный тоннель*.

В) Отношение говорящего проявляется к самому себе, военному времени, городу Ташкенту, людям. Модальный аспект речи также участвует в формировании откровенности общения и проявляется в том, что говорящий открывает свои чувства, свои оценки, своё отношение и переживания, которыми он делится с адресатом. Это проявляется в использовании следующих языковых средств, *создающих эмоциональную тональность речи*: оценочная лексика, передающая отношение говорящего к изображаемому: *горемычные толпы, краснорожий, остервенело, страшно*; экспрессивные конструкции: *А ворья сколько! Так дружно, так остервенело били! Сколько за плечами осталось!*

Эти языковые средства формируют эмотивность текста, его эмоциональную окраску, которая передается и Слушающему и читателю текста. Через слуховые и зрительные образы коммуникантов предстает перед читателем образ Ташкента. В этом случае стоит говорить об «индивидуальных образах пространства», где «пространственность» проявляется и в структуре мышления, и в «сцеплении мыслей», и в «составе и устройстве языка» [Топоров, 1995: 448, 450]. Авторский взгляд на образ города выводит на символическую метафору романа и интерпретацию заглавия, потому что «именно в зрительной и слуховой памяти зарождается метафора города-солнца» [Алексеева, 2010: 126].

2.2. Диалог, проявляющий откровенность как правду о собеседнике

2.2.1. Консентный тип. Доверительная беседа

Предпочтение коммуникативной координации речевого поведения по *консентному типу* отражается в стремлении к гармонизации, унисонности общения, в установке на позитивный психологический и коммуникативный эффект. Гармоничное общение предполагает баланс «я»-темы и «ты»-темы в диалоге коммуникантов. Откровенность в этих условиях проявляет свои особенности. Рассмотрим на примере.

Ситуативный контекст: у героини, двенадцатилетней Веры (А.) спала температура, и ей разрешили выходить гулять. Ее навещает в больнице отчим, дядя Миша (В.). В один из таких дней они гуляют по парку и, сидя в беседке, разговаривают. Откровенность в данном типе проявляется через выдвижение «ты»-темы в прямом разговоре о будущем девочки, а также в языковых средствах, демонстрирующих взаимные теплые отношения к собеседнику.

33. (стр. 268)

Она могла часами рассматривать вещество цвета на любой поверхности.

(А.1) — ...и фиолетовый... — пробормотала себе...

(Б.1) — Веруня, — сказал он однажды задумчиво, — нужен английский.

(А.2) — Кому? — спросила Вера. С прошлого года она проходила этот мерзкий мяукающий сидаунплиз, который выучить было невозможно и незачем. И вообще, он что, с ума сошел — тут каждый день трясется земля, и дома приплясывают как пьяные...

(Б.2) — Тебе, — ответил он. — Когда-нибудь очень пригодится, и вообще, когда-нибудь, когда все мы станем свободными, будет просто неприличным не знать языков.

Она внимательно присмотрелась к нему... Свободными? Да что он, словно не вышел еще из лагеря... Вроде как трезвый... Обычно, когда он начинал нести такую вот ахинею, она подозревала, что он где-то уже добыл и наклюкался.

(Б.3) — Будем учить, — сказал он. — Мы с тобой каждый день будем запоминать одну фразу, хорошо?

Одну, подумала она, это еще ничего. Лишь бы он приходил, и никуда не делся, и в запой не ушел в этом каждодневном трясушем ужасе.

(Б.4) — I'm happy, Vera, that I have met you in my life...

По его высокому лбу метались солнечные зайчики. И вся беседка, с дощатой прохудившейся крышей, была исхлестана мечущимся сквозь листву деревьев разноцветным солнцем.

(Б.5) — Я счастлив, Вера, что повстречал вас в своей жизни... — проговорил он. — Повтори...

В этом диалоге двух близких людей установка на готовность к деятельностному и коммуникативному сотрудничеству поддерживается ощущением личной ответственности за пространство «своих». Это выражается в речевых поступках совета, просьбы дяди Миши. В диалоге мы не можем расценивать их как нарушение «приватности», так как видно из речевой партии дяди Миши, что в его коммуникативные намерения входит дать совет (наставление) Вере (*нужен английский*), с последующим обоснованием интенции (*когда все мы станем свободными, будет просто неприличным не знать языков*). Доверительность по отношению к собеседнику проявляется в том, что дядя Миша открыто характеризует советское общество как несвободное, вызывая удивление Веры (*Свободными? Да что он, словно не вышел еще из лагеря*). Однако мысленные реакции девочки являются принадлежностью внутренней и несобственно-прямой речи, не эксплицируются автором в непосредственные диалогические реплики, сохраняя лидерство в диалоге за старшим.

В приведенном фрагменте установка на кооперацию расценивается собеседниками как норма близких дружеских отношений (*Веруня / Мы с тобой / Одну, подумала она, это еще ничего. Лишь бы он приходил, и никуда не делся, и в запой не ушел в этом каждодневном трясушем ужасе*).

Отметим, что диктумное содержание речевой партии дяди Миши и мыслей Веры в ходе коммуникации значимо для их семьи. Со стороны дяди Миши – тема отражает заботу о будущем Веры, необходимость её обучения; со стороны Веры – ее психологическое состояние и настроение, а также события жизни отчима. В этом эпизоде оба участника диалога проявляют характерную для семейного общения интенцию заботы и участия, в случае героя – посредством тактики совета и предложения изучать английский язык, в случае героини – выражением беспокойства о здоровье отчима (и тревоге за его возможное возвращение к пьянству). Данные тактики служат проявлением откровенности в этом случае, допускающем большую степень близости.

Разработка темы обусловлена эмоциональной потребностью дяди Миши. Тональность речевой партии Б. может быть охарактеризована как тональность озабоченности и соучастия. Тональность зафиксирована в ремарке (*задумчиво*), а также паралингвистически аранжированными эмоционально-экспрессивными речевыми поступками: многоточиях, вопросительных предложениях, в повторах «*когда-нибудь*».

Предмет речи (необходимость изучения Верой английского языка) сначала расходится в оценке коммуникантов и может быть расценен как несолидарная реакция, однако потом модально-оценочные смыслы уравниваются путем придания своих смыслов Веры к изучению языка (*Лишь бы он приходил, и никуда не делся, и в запой не ушел в этом каждодневном трясушем ужасе*). Таким образом, негативные оценки в мыслях сферы «чужого» (*этот мерзкий мяукающий сиддаунлиз, который выучить было невозможно и незачем*), самого собеседника (*он что, с ума сошел*) и угрозы землетрясения (*тут каждый день трясется земля, и дома приплясывают как пьяные...*) не нарушают консентности взаимодействия: позитивная подстройка в интеррелятивной модальности значительно весомее.

В данном диалоге ведущая роль в разговоре принадлежит дяде Мише и его коммуникативный гедонизм реализуется в языковой игре, даже в некоей поликодовости (*I'm happy, Vera, that I have met you in my life...<...> Я счастлив, Вера, что повстречал вас в своей жизни... — проговорил он. — Повтори...*). Смена языков, суть которой кроется в интенции признания, направлена на то, что коммуникант сначала (на английском), как бы проговаривает себе (= признается себе), а потом (при переводе) свое признание транслирует на собеседника. С целью удостоверения, что адресат воспринял информацию, адресант просит ее повторить. В этом и кроется откровенность, правда от лица дяди Миши: какую огромную ценность представляет Вера для его жизни.

Рассматривая этот диалог с установкой коммуникантов на гармоничное

общение, мы уже отметили, что оно не в полной мере соответствует «идеальной» коммуникативной координации. Поэтому дядя Миша, как инициатор разговора, предпринимает мягкие регулятивные усилия по вовлечению Веры в разговор, стимулируя ее речевые реакции.

Коммуникативная тактика дяди Миши – вызвать желаемое действие (*Мы с тобой каждый день будем запоминать одну фразу, хорошо? / Я счастлив, Вера, что повстречал вас в своей жизни... — проговорил он. — Повтори...*). Речевая интенция, в которой она реализуется, информативный вопрос и просьба. Верина ответная реплика сосредоточена в ремарках, в которых мы понимаем, что она согласна.

В нашем примере диалога в реплике Веры первый речевой поступок (*Кому?*) является реакцией на совет дяди Миши, далее согласованность коммуникативных интенций речевых поступков в интеракции выражается через «просьба – мысленный анализ, выражающий согласие».

Отметим, что если правда о собеседнике дядя Миша раскрывает не мотивированно, исходя из внутренней потребности признаться, то со стороны Веры правда о дяде Мише это мысленные реплики-реакции на реплики-акции собеседника. При его характеристике героиня прибегает к сравнению (*словно не вышел еще из лагеря*), частице, выражающей неуверенность (*вроде как трезвый*), фразеологизму (*нести ахинею, уйти в запой*), глаголам (*добыл, наклюкался*). При этом, думая о дяде Мише, Вера надеется, что отрицательная черта, присущая ему (пьянство), не повторится. Об этом свидетельствуют частицы (*лишь бы, не, да*), наречия (*никуда, вроде, обычно*).

Таким образом, в данном диалоге мы увидели, как сочетаются нефатические макроинтенции речевых поступков (совет, вопрос, ответ), маскирующие фатику под информатику, и фатическая интенция (признание), которые в свою очередь могут раскрыть правду о собеседнике.

Вывод по трем исследуемым аспектам можно сделать следующий:

А) Фатическая сторона откровенности общения проявляется в унисонности тональности общения, создаваемой согласованностью реплик-

акций и их восприятием собеседником, использованием ласкательных обращений (*Веруня*), местоимений (*мы с тобой*), использованием в авторской речи слов, характеризующих общение (*задумчиво, внимательно, присмотрелась*), введением деталей, сопровождающих общение (*метались солнечные зайчики, разноцветное солнце*). Средствами выражения доверия собеседнику выступает в диалоге разговорный стиль (*ахинея, наклюкался*), эмоционально окрашенные языковые средства (*трясучий ужас*). Реплики-акции поддерживают контакт, демонстрируют заинтересованность в собеседнике (*Хорошо?*).

Б) Содержание речи обоих собеседников отражает установку на заботу и участие, понимание ценности близкого человека, через собственное восприятие «нужности», востребованности человека. На «я»-тему и «ты»-тему нанизываются предметные темы. Политематичность обнаруживает бытийные оценки, склонности и сферу интересов собеседников. Откровенность проявляется как свобода в выражении совета, предложений (*Тебе нужен английский*) как свобода мыслей в проявлении беспокойства и заботы о близком человеке (*Лишь бы он приходил, и никуда не делся...*). В содержании речи реализуется семантика откровенности как правда о собеседнике, которая выражается имплицитно.

В) Модальный аспект речи участвует в формировании откровенности, отражая эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения. К модальным проявлениям откровенности относятся средства, передающие оценочное отношение, характеризующие внешние обстоятельства и поведение собеседника. В данном эпизоде – серьезность, задумчивость, внимание, сопровождающие речевое поведение дяди Миши, и вместе с тем волнение и тревога, которые передаются вопросительными предложениями и прерывистостью речи Веры.

Откровенность в диалогах Веры и дяди Миши служит средством характеристики по-настоящему близкого родства душ этих героев, которые, не являясь кровными родственниками, чувствуют друг другу бескорыстную

любовь, доброту, проявляя искреннюю заботу, привязанность. Образы этих героев в откровенных разговорах раскрывают свои настоящие личные качества – отзывчивость, добросердечие, верность, самоотверженность – в содержании /темах речи через взаимодействие согласованных по доброжелательной тональности реплик.

2.2.2 Конфликтный тип. Речевая агрессия

Непринужденное общение переходит из сферы доброжелательного взаимодействия в область конфликтного при коммуникативном напряжении. Несоответствие коммуникативных установок говорящего, межличностной пресуппозиции вызывает коммуникативное сопротивление у адресата, которое выражается в речевых формах замечания, иронии, колкости, отказа от общения, ссоры и т.д. до разрыва отношений.

При конфликтном взаимодействии коммуникантов характерно негативно-оценочное развитие «ты»-темы, которое воспроизводится в речевой форме через личное восприятие собеседника говорящим.

Ситуативный контекст: Вернувшаяся из тюрьмы Катя (Б.), мать Веры, устроила ей войну за квартиру. Вера (А.) решила разрешить конфликт. Отношения между матерью и дочерью враждебные, в данном эпизоде их взаимное неприятие получает максимально открытый характер и прямо эксплицируется в речи.

3. (стр. 16)

Вечером она сказала матери:

(А.1) – *Значит, вот так: судиться и сволочиться с тобой я не буду. На это нужны время и вдохновение, а мне все это пригодится для другого дела... Не хочешь жить нормально – давай размениваться.*

(Б.1) – *Еще чего! – мать возбужденно улыбалась. – Я не для того квартиру зарабатывала, чтоб по ветру ее размотать!*

<...>

- Ты у меня отсюда бесплатно вылетишь, вместе с картинками, ветер в ушах запоет!

(А.2) *«Портрет бы с тебя, стервы, писать, - подумала Вера. – Уж больно живописна в яркой косыночке на рыжей завивке, в оранжевой этой кофте... Посадить у окна, чтобы свет – слева, а фон приглушенный, пожалуй, серовато-синий... Тогда лицо приобретет сияющий зеленоватый оттенок, дополнительный к красному, яркому... Та-*

ак... Свет от окна освещенную часть лица сделает холоднее, чем затемненную... а на той будет рефлекс от теплых оттенков обоев... Хм... так-так... аккорды зеленого и красного повторить в одежде... да... и более глухими отголосками на спинке стула... и тогда среда наполнится энергией двух этих цветов, из которых возникнет живописная ткань портрета...»

Ну, чего не жить как люди?

Вслух она сказала:

(А.3) - *Ну, смотри, не обижайся...*

Мать театрально захохотала.

В данном диалоге можно рассмотреть две бытовые предметные темы: 1) обмен квартирой (ведущая тема), 2) поведение матери – реакция Веры, отраженная в форме внутренней речи, не проявленный эксплицитно портрет-характеристика матери. Обмен квартирой становится полем предъявления бытийных оценочных смыслов, лично значимых для Кати. Это выражается в речевом поступке (Б.1), содержащем интенции категорического отказа и угрозы. Тональность речевой партии матери Веры может быть охарактеризована как упрекающая, угрожающая. Тональность зафиксирована в ремарке (*возбужденно улыбалась*), а также паралингвистически – в предложениях с восклицательными знаками. Переход из одной тональности в другую в одном спектре вызван напряжением и интенцией возражения на реплику-акцию (А.1). В первой реплике-реакции отражена значимость квартиры для Кати (она ее заработала), во второй отношении к дочери и ее деятельности. При этом угроза высказана в виде предупреждения-запугивания (*Ты у меня отсюда бесплатно вылетишь, вместе с картинками, ветер в ушах запоет!*). Грубое возражение (*Еще чего!*) это коммуникативное противодействие, вызванное меной коммуникативно-ролевых ожиданий. Таким образом, откровенность Кати по отношению к Вере выражена в модальном ключе. В реакции матери на предложение дочери (*Не хочешь жить нормально – давай размениваться*) прослеживается агрессивность, характеризующая говорящего как человека холодного, манипулирующего, не идущим на контакт. Эти черты служат ярким средством создания образа Кати в романе.

Речевая реакция на состояние матери выражена во внутренней речи

Веры, откровенность мыслей и её оценок матери остаётся таким образом доступной читателю, но не непосредственному собеседнику (Кате) и не усугубляет речевую агрессию в этом диалоге. Это своего рода предречевая санкция отказа развития темы на интенцию о угрозе. Тональное ироническое фокусирование инициирует реакцию Веры-художника в цветовой гамме (*лицо приобретет сияющий зеленоватый оттенок, дополнительный к красному, яркому... / аккорды зеленого и красного повторить в одежде... / среда наполнится энергией двух этих цветов*) на недопустимость, неожиданность тона и поведения, обусловлено вниманием к тональности собеседника и психологической динамике отношений, меной с бытовой конкретики на её осмысление в художественном ключе. Мысленная откровенность Веры характеризует собеседника внешне (*в яркой косыночке на рыжей завивке, в оранжевой этой кофте*) и через личное восприятие адресата (*стерва*). Многочисленные многоточия и междометия дают понять, что это не просто импульсивная характеристика, а обдуманное иронизирование.

Речевой поступок (А.3) свидетельствует о нежелании тематического развития конфликта. Речевая санкция, вызванная отклонением от гармоничного развития взаимодействия, выражена предупреждением и не соответствует ее ожиданиям (*Ну, смотри, не обижайся...*).

В данном диалоге откровенность не предусматривает близость отношений между коммуникантами, отношение друг к другу проявляется через тональное оформление речевых поступков.

Таким образом, фатическая сторона откровенности общения в конфликтном диалоге проявляется в тональности речи: на фоне сдержанно-нейтрального тона эмоционально-окрашенные, стилистически грубые языковые средства маркируют откровенность враждебного отношения к собеседнику. Агрессия может быть упрекающей, угрожающей, предупреждающей, ироничной. Это обусловлено намерениями говорящего: желанием поддержать, развить диалог в определенном эмоциональном ключе или прекратить разговор. При характеристике собеседника используются

негативно-оценочные слова и идиомы.

Тема проявляется через реплики, содержащие негативно-оценочные реализации «ты»-темы коммуникантов. Тема становится полем для личностно-значимых бытийных оценочных смыслов коммуникантов. Избегание внешних речевых проявлений откровенных оценок и негативных суждений выводит их в художественном тексте в сферу внутренней речи персонажа, что служит средством его образной характеристики.

Модальность в конфликтном диалоге проявляется через эмоциональную окраску речи, которая характеризует собеседников, тему разговора, а также через синтаксические паралингвистические средства (восклицательные знаки, многоточия). Таким образом, негативно-оценочные языковые средства в этом случае служат главным средством выражения откровенности общения.

Интерпретируемая собеседником и читателем речевая агрессия выводит представление о говорящем (герое романа) как человеке враждебном, опасном, безжалостном. Героиня романа Катя раскрывает эти личностные качества в своем речевом поведении, в частности, и в общении с дочерью.

2.3. Диалог, проявляющий откровенность как правду о 3-м лице и событии

В этом типе диалога актуально значение откровенности как «Открытие тайного, скрытого, ранее никому не известного», т.е. откровенность соотносится с внешним событием, фактом, человеком.

Рассмотрим один из значимых эпизодов романа.

Ситуативный контекст: Отчим – дядя Миша (А.) и Вера (Б.). Между коммуникантами доверительные теплые отношения. Дядя Миша лежит в больнице с ножевым ранением, нанесенным супругой Катей. Она пошла на этот шаг, чтобы сесть в тюрьму за нанесение тяжких увечий и скрыться от ареста за наркоторговлю. Дядя Миша открывает Вере свое истинное отношение к Кате, своей жене. Собирается объяснить Вере настоящие причины преступного поведения Кати, из-за которого она села в тюрьму.

8 (стр. 48)

Он только растревлял душу себе и ей.

(А.1) - *Поверь, Веруня, - говорил он. – Это воплощение зла в женской оболочке... Ревность ее тут ни при чем!*

(Б.1) - *Дядь Миш, - перебивала она, как обычно одержимая установлением справедливости, - но ведь с Анютой ты действительно крутил?*

(А.2) - *Никогда не употребляй этого пошлого слова, когда говоришь об отношениях мужчины и женщины, - строго сипел он и заходилась в кашле.*

Близость и доверительность общения проявляется в общих пресуппозициях коммуникантов, хорошо знакомых с ситуацией, что позволяет говорить, пользуясь «сокращенным кодом», и при этом понимать друг друга. В этом диалоге реплики героев отражают редукцию речи, возможную в ситуации очень тесного совместного жизненного опыта, позволяющего использовать лишь некоторые отсылки к хорошо знакомой обоим ситуации (*это, ревность, Анюта, крутил*).

Эта особенность диалогического взаимодействия подкрепляется интимизацией общения и демонстрацией близости за счет использования ласкательных и дружески-фамильярных обращений (*Веруня, дядь Миш*), а также метатекстового средства призыва к откровенности (*Поверь, Веруня...*).

Маркером откровенности служит использование в авторской речи языковых средств, интерпретирующих и называющих эмоциональное воздействие разговора на собеседников (*растравлял душу себе и ей*), а также включение в авторские ремарки средств, называющих невербальные особенности общения, которые указывают на глубину эмоционального переживания (*строго сипел он и заходился в кашле*).

Сама интеракция представляет собой заявку на откровенность (А.1), пресечение откровенности (Б.1) и уход от откровенности (А.2).

Реплика дяди Миши (А.1): выражает интенцию сообщения о его истинном отношении к Кате (матери Веры) посредством прямой негативной оценочной характеристики – «*Это воплощение зла в женской оболочке*» – максимально интенсивное языковое средство выражения негативного признака героини (ср. *недобрая - злая – воплощение зла*). Следующее высказывание содержит интенцию раскрытия правды и осуществляется через сообщение мнения об истинной трактовке события, открытии правды о поступке Кати: «*Ревность тут ни при чем!*».

Наличие свидетелей считается помехой для откровенного разговора. В примере нет свидетелей, но откровенность в диалоге не складывается. Может при наличии свидетелей разговора, на негативной волне речи, откровенность бы сложилась в диалоге, может быть, коммуникатор речи наоборот закрылся бы и откровенность была бы свернута. Но в данном примере мы видим разговор о событии, которое произошло, и каждый интерпретирует его по-своему. Несмотря на недоверие дядя Миша настроен на правду, хочет открыть глаза на истину, он откровенен. Объяснение про «*ревность*» – отнесенность к событию, скрытый смысл поступка Кати.

Таким образом, в этом случае содержание реплики героя реализует откровенность как раскрытие тайного, представление истинной сути события или человека (с позиции говорящего) и передается посредством правдивого (с точки зрения говорящего) сообщения, направленного собеседнику, мнение и отношение которого говорящий хочет изменить.

Откровенность здесь актуализирует следующее значение, отмеченное в гл. 1: 1. Сообщение, открывающее тайну. 2. То, что внезапно объясняет остававшееся непонятным, открывает какую-либо истину, дает новое понимание чего-либо.

Признание дяди Миши о своем переживании выражено через рассказ о том, что его жена «*воплощение зла*». Он доносит истину до Веры за счет желания вызвать доверие, чтобы его откровенности поверили (*Поверь, Веруня*). Это своего рода признание дяди Миши в причине, которая заставила совершить ошибку, объяснить, почему он «*крутил с Анютой*».

Откровенность со стороны дяди Миши воспринята Верой с сомнением, недоверием, её интенция - добиться истинно правдивого знания, которое реализуется через выражение уточнения: «*...но ведь с Анютой ты действительно крутил?*». Эта реплика-реакция свидетельствует о желании получить откровенное признание, правдивость которого у героини вызывает сомнение, выраженное в форме вопроса, что подводит к оценке откровенности – ее нет. Ведь адресат уходит от ответа, переключая разговор в другое русло: «*Никогда не употребляй этого пошлого слова, когда говоришь об отношениях мужчины и женщины*» – это не ответ, а попытка скрыть правду, которая в подтексте показывает ответ на заданный вопрос «*Да, с Анютой, крутил*». Это то, что прочитает читатель в данном отрывке. Интенция достижения правды подкрепляется в авторской ремарке: «*перебывала она, как обычно одержимая установлением справедливости*». Таким образом, весь диалог, интерактивное взаимодействие собеседников в нем может быть представлено как: попытка откровенности – недоверие – досада, возмущение и недопонимание друг друга. В межличностном взаимодействии сообщение правды в инициальной реплике может развиваться выражением недоверия в реплике-реакции, что нарушает откровенность общения.

Данный диалог соответствует в целом параметрам речевого жанра Разговор по душам (РпД), выступающим речевым фреймом, с которым в

русском языковом сознании связано представление о коммуникативном идеале в рамках повседневной коммуникации. Ключевое положение РпД в русской лингвокультуре косвенно подтверждается противоречивым отношением, ведь он может быть кооперативным и конфликтным; пониматься как национальное достижение или как нечто непонятное и неприятное для того, кто желает получить эту откровенность; осмысляться как позитивный по результату (поняли друг друга) или бесполезный, нарушающий дистанцию, как естественный и откровенный или как безнравственный.

В данном диалоге мы видим, что откровенного разговора по душам не получилось, но была попытка, она была прервана сомнением, недоверием, провокационным вопросом, неправильно подобранным глаголом «*крутил*», который перебил доверительную тональность. Уход от ответа поддерживается в авторской ремарке «...*строго сипел он и заходился в кашле*». В данном диалоге мы видим, что откровенность не получает развития, прерывается. Есть посыл, запрос на нее, но ответа нет, именно прямого. Зато есть косвенный результат получения откровенности в действиях адресатов диалога.

Роль откровенности в формировании образа дяди Миши и Веры важна, она позволяет сформировать мнение об их взаимоотношениях. Речевое поведение в желании откровенно признаться о причинах побудивших сделать «плохой» поступок в жизни дяди Миши для Веры важен, ведь ее цель получить эту откровенность, а значит понять причины поступков дяди Миши и его жены. Доверительный диалог несет смысловую нагрузку показа эмоциональной близости героев.

Общим признаком, выделяющим откровенный разговор в доверительном повседневном общении, является тематика сообщения (референт) или характер информации – события частной жизни, признание и объяснение мотивов неблагоприятных поступков, раскаяние, раскрытие сокровенных мыслей и чувств. В рассматриваемом отрывке как раз

происходит раскрытие тайны, показ причины происходящего в кульминационных моментах сюжета. Что касается интенций коммуникантов, то целеустановка героя не всегда направлена на искреннее самораскрытие, «обнажение души». Роль конфиданта в ситуации откровенного общения в дискурсе более пассивна, в отличие от активной роли Веры, желающей добиться справедливости и выяснить все до конца.

Разберем ещё один диалог, чтобы выяснить, как проявляется в нем откровенность в аспекте открытия правды о 3-м лице.

Представляется, что откровенность не противоречит искренности, а дополняет её, определяя тематическое развитие (искренность больше связана с тональностью общения) и задавая установку на открытие себя в диалоге (ср.: о том, что каждого из нас по-настоящему волнует).

Ситуативный контекст: Роман Григорьевич, в прошлом – подполковник уголовного розыска МВД Узбекистана (А.), Лёня, второй муж Веры (Б.) и Вера (В.). Роман Григорьевич раскрывает собеседникам некоторые профессиональные секреты, рассказывает правду о раскрытых / нераскрытых его коллегами, сотрудниками милиции, делах наркоторговцев. Диалог реализуется в жанре дружеской беседы.

40. (стр. 315)

(А.1) — Ну, и не забудьте о наших садоводах-любителях, — сказал бывший подполковник... — *Добрая половина нашей деятельности была посвящена наркотикам — гашишу, опиум...*

(Б.1) — *И что, многих ловили?* — спросил хозяин дома.

(А.2) — *Многих, — уверенно ответил гость. — Тут ведь, в этом деле, особенно справедлива поговорка насчет веревочки, которой, сколько ни виться... Безумие порока, знаете, ослабляет осторожность... Хотя, были и провалы — наши провалы, я имею в виду. Например, в семидесятых так и не удалось поймать одного, как говорят теперь, наркобарона, личность таинственную, очень опытную, и даже талантливую... Схема организации была составлена так хитроумно, что, похоже, только один старик знал хозяина лично. Но когда на него вышли и уже должны были брать, его нашли задушенным в пустой квартире, где-то на Тезиковке. И ниточка оборвалась... А потом она как сквозь землю провалилась.*

(В.1) — *«Она»?* — спросила Вера. — *Так это была женщина?*

(А.3) — *Вот именно!* — подтвердил гость. — *Но мы знали только кличку: Артистка...*

Первая реплика (А.1) вводит в тему, информирует собеседников о ситуации: *«Ну, и не забудьте о наших садоводах-любителях, — сказал бывший подполковник... — Добрая половина нашей деятельности была посвящена наркотикам — гашиш, опиум...»*. Высказывание работника милиции содержит номинацию не очень понятную для собеседника-неспециалиста - *«садовод-любитель»*, связанную с деятельностью по выявлению посредников в дилерской сети по распространению наркотиков.

Как правило, дружеская беседа – искренний, открытый, откровенный, честный, спокойный, вдумчивый, доброжелательный разговор, в нём нет места строгому тематическому отбору, нет запрета на открытие той или иной темы, есть установка на повышенную эмоциональность, которая здесь не очень проявлена, но отражает любопытство, выраженное вопросом (Б.1): *«И что, многих ловили? — спросил хозяин дома»*.

Развернутая реплика (А.2) отражает несколько интенций говорящего: поделиться с друзьями своими профессиональными достижениями через сообщение о своей деятельности (поимке наркодельцов), признаться в промахах и ошибках (*...были и провалы — наши провалы, я имею в виду; и не удалось поймать одного, как говорят теперь, наркобарона*). Откровенность общения проявлена не только как «открытие тайны», сообщение закрытой профессиональной информации, но, в частности, и в уверенности ответа как модальной окраске реплики, вызывающей представление о честности говорящего.

«...А потом она как сквозь землю провалилась.

(В. 1) — «Она»? — спросила Вера. — Так это была женщина?

(А.3) — Вот именно! — подтвердил гость. — Но мы знали только кличку: Артистка...»

Интенция признания в профессиональной неудаче, реализованная в этом диалоге, соответствует доверительному тону общения, принятому в кругу близких знакомых или друзей.

Прототипическая коммуникативная ситуация откровенного разговора в бытовом межличностном общении может быть охарактеризована следующим

образом. По количеству участников откровенный разговор является закрытым коммуникативным событием с ограниченным числом коммуникантов. В данном примере это как раз закрытое коммуникативное событие, так как в разговоре участвует трое собеседников, муж Веры Лёня, Вера и гость.

С точки зрения степени знакомства коммуникантов откровенный разговор происходит между очень близкими или хорошо знакомыми людьми. Базовой мотивационно-целевой интенцией адресанта (полковника) является максимально искренний рассказ о событиях, вызвавших переживания. Тема разговора - личная, касающаяся сугубо адресанта и его работы. По типу общения откровенный разговор реализуется в неофициальной обстановке и по признаку «наличие или отсутствие наблюдателей» является непубличным типом коммуникации. По способу общения откровенный разговор в рассматриваемом примере представляет собой непосредственный, контактный вид взаимодействия с использованием языковых средств разговорной речи. Откровенный разговор не ограничен во времени, но не имеет тенденции к повторению. Частая мена ролей «говорящий-слушающий» для данного типа коммуникации не характерна, поскольку адресант, имея острое желание выговориться, излить душу, солирует в коммуникативном пространстве откровенного разговора. Данные ключевые компоненты и обуславливают специфику откровенного разговора и особенности его вербальной и невербальной организации в рассматриваемом примере.

Речь работника милиции (А.2) имеет достаточно развернутый характер, пресуппозиции участников разговора не равны, поэтому его намерения реализуются за счет сообщений, содержащих конкретные факты, профессионально ориентированную лексику (*гашиши, опиум, многих ловил, наркобарон*), неконфликтно преодолевает разнотолкувание глагольной формы «*ослабляет*», даёт профессиональную интерпретацию поведения преступников (*Безумие порока, знаете, ослабляет осторожность...*), вводит

экспрессивы с целью воздействия на адресата (поговорка насчет *веревочки, которой, сколько ни виться, безумие порока, ниточка оборвалась*).

Вера (В.1) практически ничего этого не делает, кроме того, не углубляется ни в своё, ни в чужое положение дел, выступает, скорее, риторически, с развёрнутой поддержкой (установка на взаимность доминирует над искренностью и откровенностью). Краткость коммуникативного фрагмента, отсутствие равной вовлечённости в диалог, демонстрация принятия одобряемого аудиторией стереотипа, а не познание / раскрытие себя и другого, с одной стороны, мешает не критически воспринимать предложенный материал, с другой – формирует представления о некоторых, может быть и факультативных, но важных чертах данного жанра: это развернутый и неторопливый диалог, коммуниканты взаимно откровенны и внимательны, им интересен собеседник; ход его мысли, оформление речи воспринимается через принятие спонтанности, искренности общения.

«Тайное» вводится не столько в информативном, сколько в фатическом ключе, интенция говорящего заключается больше в поиске поддержки, гармонии, связывается именно с установкой на названные выше доминанты. Характерно, что речевой акт Веры в реплике-реакции обходится без подробностей, без фактической детализации, которая была бы естественна в случае информативного общения. На первый план выходит раскрытие несоответствий гендерному шаблону:

««Она»? — спросила Вера. — Так это была женщина?»

Реплика-реакция на сообщение отражает удивление от того, что наркобарон – женщина, проявляя стереотип гендерной принадлежности, существующей в общественном сознании. Тем не менее, синтаксис – два вопросительных предложения – отражают интонацию удивления, передают в этих репликах-реакциях эмоциональный отклик на сообщение, которое является знаком психологического сближения с собеседником.

Следует отметить, что данный диалог несет важную нагрузку в сюжете романа, фактически главная тайна открывается в нем не столько для Веры, сколько для читателя, который узнаёт, кем была на самом деле Катя, мать Веры, имевшая кличку «Артистка». Детали-указания на зловещий род занятий одной из главных героинь сходятся и получают завершение в этом диалоге, поэтому в коммуникативной ситуации «автор – читатель» откровенность связана с «открытием тайны», удерживающей сюжет романа.

Итак, откровенность организует дружескую беседу в целом ряде аспектов. Во-первых, высказанное в разговоре становится важной частью коммуникативного опыта собеседников и не подлежит разглашению, даже если ничего тайного не обсуждалось. К такому выводу мы пришли, исходя из подчеркнута личностных установок в подаче информации (характерно, *«Безумие порока, знаете, ослабляет осторожность... Хотя, были и провалы — наши провалы, я имею в виду»* акт откровенности в признании своих ошибок).

Во-вторых, бывший подполковник активно говорит о себе, в ситуации спонтанного общения ретроспективно осмысляет собственное поведение, тем самым поддерживает тему ответной откровенностью. Кроме того, бывший подполковник, сталкиваясь с волнующей его темой, открывает себя путём честной характеристики, которая дорабатывается и меняется по ходу диалога, последовательное вмешательство собеседника необязательно (Вера в диалоге участвует не активно, но своим вопросом провоцирует на откровенность).

Таким образом, вывод по трем исследуемым аспектам можно сделать следующий:

А) Установление доверия собеседника является одной из важных интенций в дружеском разговоре. Способом её реализации является формирование дружеской тональности общения, которая создается синтаксическими средствами разговорного синтаксиса, а также использованием эмоционально-окрашенных экспрессивных средств языка.

Средствами выражения доверия собеседнику выступает в диалогах разговорный стиль, эмоциональная составляющая. Реплики-реакции поддерживают контакт, демонстрируют эмоциональный отклик и заинтересованность собеседника. К средствам интимизации общения, установления доверия относятся: ласкательно-фамильярные формы обращения, метатекстовые средства призыва к откровенности.

Б) В содержании речи реализуется семантика откровенности как открытие тайны, правды о лице или событии. Диалогическое взаимодействие проявляется в желании узнать правду, вызвать откровенность или открыть правду в процессе дружеской беседы. Использование разговорных слов и синтаксических конструкций, передающих разговорный рисунок речи, формирует дружескую тональность общения. Использование экспрессивных средств языка подчеркивает желание открыть тайну, поделиться ею, быть откровенным.

В) Модальный аспект речи также участвует в формировании откровенности, отражая эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения. К модальным средствам откровенности относятся - средства субъективной модальности, передающие оценочное отношение, характеризующие внешнее поведение и невербальные средства общения, передающие эмоциональное состояние говорящего и адресата.

2.4. Диалог, проявляющий правду отношений в подтексте («избегание откровенности»)

В ещё большей степени роль читателя/исследователя проявляется в тех ситуациях, когда правда, истинный характер отношений героев выражен в подтексте, противоречащем внешнему поверхностному общению, что улавливается читателем/исследователем и интерпретируется как «избегание откровенности», намеренное утаивание своего истинного отношения к другому персонажу. Такая намеренно скрытая, сдерживаемая откровенность создаёт психологизм изображения, формирует подтекст.

В романе любовная линия Веры складывается из взаимоотношений трёх героев – Стасика, Лёни и Дитера. Все три героя влюблены в главную героиню-художницу Веру, однако не проявляют своих чувств открыто на протяжении долгого времени. В речи повествователя изображается их внешнее поведение, которое дает возможность читателю понять их настоящие чувства и отношения, в то время как в их собственной речи в диалогическом общении наблюдается избегание откровенных проявлений.

Ситуативный контекст: Стасик (А.) – друг Веры (Б), художник, которого Вера подселила у себя в квартире по просьбе соседки. Образ кентавра, которого Вера видит на репродукции, вызывает у нее ассоциации двоякого рода: Стасик был инвалидом, однако во снах героини он являлся к ней со здоровыми ногами. Кроме того, образ кентавра преследует Веру с детства как некое смутное воспоминание, мифический образ на лугу среди высоких трав и солнца. Действительно, позже она узнает место, и Стасик объяснит, что она наблюдала всадника и «охоту за гашишем», а детское воображение запечатлело в памяти мифический образ.

14. (стр. 74)

(А.1) — *Над чем ты тут зависла? — спросил Стасик, склонившись над ее плечом. Она помолчала, подняла на него глаза и тихо проговорила: «... а я видела тоже...»*

(Б.1)

(А.2) — *Что?*

Она погладила мелованный лист репродукции и сказала: «Вот, его...» (Б.2)

(А.3) — *Кентавра? — с серьезным любопытством в глазах спросил Стасик. —*

Где?

(Б.3) — *В горах... — пробормотала она, — ты не знаешь... неважно...*

Он взъерошил ее короткие волосы, проговорил, улыбаясь:

(А.4) — *Верка! Правильно! Вот это и должно стать твоей манерой!*

(Б.4) — *Что? — удивилась она. Не поняла — что он хочет этим сказать... И, главное, уже тогда ей не нравилось, что он играет с ней, как с мальчиком-подростком.*

(А.5) — *А вот этот... легкий налет безумия... — разъяснил он весело.*

В данном эпизоде внешне – в диалоге – герои обсуждают содержание рисунка с кентавром, но авторская речь содержит указание на личные взаимоотношения героев, психологические детали формируют подтекст, намекающий на рождающуюся любовь (*взъерошил ее короткие волосы; ей не нравилось, что он играет с ней, как с мальчиком-подростком*). Явное содержание, выраженное в прямой речи героев, не открывает внутреннего переживания, истинного отношения, которое герои намеренно замалчивают. Жест, демонстрирующий взрослую снисходительность, не соответствует эмоциональным ожиданиям героини.

Отсроченная во времени метакоммуникативная деятельность представлена в качестве реакции на состоявшийся в прошлом откровенный разговор, при этом отсроченная рефлексия на откровенность присуща в большей степени доверителю, сожалеющему о своей откровенности и адресующему свои сожаления непосредственно конфиденту: *ты не знаешь... неважно....*

Данный пример демонстрирует обмен компрессированными нарративными репликами в разговоре. В отличие от развёрнутого нарратива (рассказа и повествования), компрессированный нарратив выполняет информативную, а не фатическую функцию в общении. Для него также характерна событийность, изложение действий во временной последовательности, но он лишён нарративной рамки, в нём отсутствует или минимально выражены компоненты нарратива (Экспозиция, Осложнение, Развязка и оценочный компонент); здесь в диалоге мы видим обмен репликами, быструю, дробную передачу хода.

зависла (картина) – погладила (полотно) – его (кентавра) – не знаешь (не важно); стать (манерой) – не поняла (удивилась) – не нравилось (отношение Стаса) – играет (как с мальчиком-подростком).

Приведённый выше пример характеризуется размытостью осложнения: его ослабленные элементы входят в Экспозицию:

«— Над чем ты тут зависла?», «... а я видела тоже...», «Что?», «Вот, его...», «Кентавра?», «Где?», «ты не знаешь... неважно...».

Пример объединяется акцентуацией категории действия и временной последовательности действий при минимальной речевой разработке оценочности и характеристики (места, персонажей, их состояний, внешности).

Модель укладывается в схему: Экспозиция с элементом Осложнения: *«Не поняла — что он хочет этим сказать...».* Но также показывает уход от откровенности, *«не поняла»*, наталкивает на мысль, что Вера не будет откровенной.

Максимальная компрессия нарратива сводит его к вырожденным формам, каковыми являются констатирующее сообщение о событии или факте его существования в отнесенности к его участникам и пространственно-временным координатам: *«И, главное, уже тогда ей не нравилось, что он играет с ней, как с мальчиком-подростком».* Таким образом, и специфика развертывания нарратива в данном эпизоде способствует ситуации «избегания откровенности».

Рассмотрим эпизод, в котором также истинные эмоциональные отношения не получают выражения во внешней речи героев, и откровенность не эксплицируется в их речевом поведении.

Ситуативный контекст: Лёня, единственно близкий друг – «после смерти Стасика», (А.) пришел в гости к Вере (Б.) на новую Верину квартиру. Лёня любит Веру, но не открывает ей свои чувства. Ситуация демонстрирует «избегание откровенности», он принёс подарок, значение которого всячески приуменьшает, не желая выдать истинное чувство.

6. (стр. 45)

«Ну, и картины стояли вдоль стен штабелями, и открытый этюдник у окна.

(А.1)— *Вот... — сказала Вера, — потихоньку мебелируюсь с помойки. Леня, если бы вы знали, как я уже люблю эту комнату, и какая я счастливая!*

(Б.1)— *В пустой квартире тоже есть своя эстетика, — заметил он, — ожидание новой жизни. Какой интенсивный цвет на желтом дереве! Это концептуально? Это такой цветовой камертон?*

(А.2)— *Да нет, это... — отмахнулась она, — некий талисман, на удачу... У этой ленты есть своя история... Потом, потом как-нибудь...*

Он сделал три больших шага от окна к табурету, сел на него, сказал, ворочая на острых коленях сверток:

(Б.2)— *Господи, куда ж эту штуковину девать? Подержите-ка, Вера, я очки протру!*

Вера взяла у него сверток, неожиданно оказавшийся легким и пружинистым. Леня протирал очки платком, вечно сохраняющим у него белизну и острие складки, и обводил стены рассеянным своим, близоруким взглядом.

(Б.3)— *Да бросьте это куда-нибудь, — посоветовал он.*

(А.3)— *Куда? — спросила Вера. — А что там?*

— ...так, по хозяйству. Вообще, это вам.

(А.4)— *Мне? — настороженно переспросила она, заранее пугаясь размеров свертка.*

В этом диалоге откровенность соответствует ожиданиям читателя, поскольку вписывается в прототипическую ситуацию: это закрытое коммуникативное событие, разговор близких людей, которые знают друг друга достаточно хорошо; ожидания читателя настроены на то, что «базовой мотивационно-целевой интенцией адресанта является максимально искренний рассказ о личных переживаниях», но в тексте диалога этого нет. Говорящие выражают интенции, связанные с поддержанием контакта посредством обмена сообщениями о новой квартире Веры (А.1-Б.1). Запрос информации в реплике Б.1 (*А что это за синяя лента, вот здесь, на мольберте завязана?*) отражает интенцию выхода на более откровенный уровень общения, однако Вера в реплике А.2 (*У этой ленты есть своя история... Потом, потом как-нибудь...*) фактически уклоняется от этого призыва к откровенности, избегает перехода разговора в более близкую тональность общения.

Этот диалог довольно далёк от близкого, дружеского, откровенного. Откровенный разговор представляет тип общения неофициальный, контактный, непосредственный «с использованием языковых средств

разговорной речи»; «откровенный разговор не ограничен во времени, но не имеет тенденции к повторению» [Наумова, 2012: 128]. Этих характеристик в данном диалоге нет. Однако есть указания на внешние проявления эмоций персонажей, скрываемых за особенностями поведения, отраженными в репликах. В речи Лёни выражена интенция приуменьшения значения подарка (*Господи, куда ж эту штуковину девать? Да бросьте это куда-нибудь, ...так, по хозяйству. Вообще, это вам*) через представление вещи как чего-то малозначительного. При этом скрываемое смущение, растерянность как психологические детали, которые выдают внутреннее волнение, поддерживаются в авторской речи: *сел на него, сказал, ворочая на острых коленях сверток; Леня протирал очки платком... обводил стены рассеянным своим, близоруким взглядом.*

Наш материал показывает, что высказывания в откровенном разговоре могут быть весьма объёмными, сближающимися с монологической речью, а в диалоге мы видим короткие неполные вопросительные предложения: «Куда?», «Что там?», «Это концептуально?», «Мне?» и т.д.

Избегание откровенности невозможно в соотношении конфидант / доверитель, где адресант имеет «острое желание выговориться, излить душу, солирует в коммуникативном пространстве откровенного разговора». Стереотип «откровенность за откровенность», который не реализуется в явно конфликтном диалоге. Нежелание Веры принять сверток, у которого подтекст «подарок», даже взрыв возмущения и явный отказ от такого подношения. Натянутость, сложность ситуации – один хочет вручить подарок, другой – хочет этого избежать.

Таким образом, в диалоге нет откровенности, есть скрытые смыслы, сокрытие явного отношения, неловкость и напряжение в поведении, которые указывают на *избегание откровенности.*

Психологические мотивы ухода от откровенности подчеркивают художественно важные смыслы в структуре романа, создают смысловую глубину, динамика отношений между героями, зарождение и укрепление

любви выражено преимущественно в авторской речи через описание их поведения и эмоционального состояния, и лишь значительно позднее в композиции романа откровенность как «открытие подлинных чувств» проявляется в диалоге-признании.

Вывод по трем исследуемым аспектам можно сделать следующий:

А) Фатический аспект определяет избегание откровенности и проявляется в следующих языковых средствах: этикетные формы, во втором диалоге, когда Вера обращается на «вы», а ее собеседник на «ты», разговорные обороты речи, эмоциональные (для выражения эмоций и передачи раздражения, или ухода от ответа).

Б) Содержание речи героев в составе диалога контрастирует с внутренним эмоциональным состоянием. В прямой речи говорящих выражены интенции поддержания контакта, запроса и сообщения информации, уклонения от искреннего ответа и избегания откровенного общения, в то время как в авторской речи присутствуют детали, указывающие на истинное внутреннее состояние, что формирует подтекст. Тема проявляется в избегании откровенности, в быстрых сменах реплик, вопросах, остающихся без ответов. В двух диалогах Вера уходит от откровенности, хотя ее собеседники подводят ее к этой необходимости.

В) Отношение говорящего проявляется двумя моментами: вывод на откровенность, уход от откровенности. Модальный аспект речи также участвует в формировании отношения говорящего к высказываемой мысли с точки зрения её отношения к ситуации откровенности и нежелания ее проявлять.

Выводы

Диалоги в романе, отражающие откровенность общения дали возможность их систематизации по трем типам: 1) диалог, проявляющий откровенность как правду о себе, 2) диалог, проявляющий откровенность как правду о собеседнике, 3) диалог, проявляющий откровенность по отношению к 3-ему лицу или событию. В первом случае откровенность связана с открытием личной сферы говорящего, во втором – оценками и мнением о собеседнике, в третьем – с открытием тайного, ранее скрываемого.

Проведенная типология позволила выделить соотносимые с каждым типом речевой жанр: 1) исповедь, признание, нарратив-воспоминание 2) доверительная беседа, конфликтный диалог - ссора, 3) признание, открытие тайны. Отдельно рассмотрены ситуации «избегания откровенности», выявлена их функция в формировании подтекста романа.

Особенность реализации откровенности состоит в том, что она не имеет однозначных языковых маркеров и является результатом интерпретации речевого поведения говорящего, т.е. вывод об откровенности/её отсутствии/сдержанности/лживости/лицемерии делается собеседником непосредственно в диалоге или наблюдателем/читателем, воспринимающим и квалифицирующим речь и невербальное поведение говорящего. Поэтому откровенность выражается чаще всего не прямым, а косвенным способом, т.е. имплицитна по своей природе и требует знания ситуативного контекста. Имеющиеся в языковой системе буквальны средства обозначения откровенности общения (*по правде говоря, откровенно говоря, признаюсь, если честно* и т.д.) в нашем материале встречались крайне редко.

Для каждого из названных речевых жанров в рамках исследуемого материала были выделены актуальные языковые средства, которые в определенных коммуникативных условиях служат маркером откровенности:

Откровенность затрагивает 3 аспекта общения:

А) *фатическую сторону*, который проявляется в языковых средствах, устанавливающих и поддерживающих доверительный, открытый, прямой характер общения (*я говорю это тебе, потому что ты близкий мне человек и я тебе доверяю*);

Б) *содержательно-тематический аспект*, который отражает установки, интенции и их интерпретацию говорящими, а также предметные темы диалога (*я говорю это тебе, потому что это правда, это действительно то, что я знаю, и думаю, и хочу, чтобы ты тоже знал правду*);

В) *модальный аспект*, демонстрирующий оценки и отношение к содержанию речи, и показывающий эмоциональное состояние говорящих (*я говорю тебе это и при этом чувствую волнение, облегчение, радость, гнев*).

При рассмотрении откровенности общения во внимание нужно брать ситуативный и контекстуальный характер речевых проявлений откровенности в межличностном общении. Высказывание, нейтральное по признаку *откровенный* вне контекста и коммуникативной ситуации, в конкретном разговоре может быть квалифицировано адресатом/читателем как маркированный в аспекте *откровенный* речевой поступок, поэтому оценка «откровенное общение/неоткровенное общение» носит субъективный характер.

Откровенность реализуется широким репертуаром языковых средств и незамкнутыми границами. Выражена в высказываниях, которые интерпретируются воспринимающим лицом (собеседником и читателем) как откровенные в контексте ситуации с учетом пресуппозиций, знаний ситуативного контекста. В роли таких средств, актуальных для откровенного общения могут выступать *эмоционально-окрашенные формы обращения, средства установления и поддержания интимизации общения, использование эмоционально-окрашенных единиц языка разного уровня* (лексики, грамматических форм, синтаксических конструкций). Такие единицы устанавливают близость, доверие в общении. Сниженная лексика в

откровенности общения имеет потенциал, потому что выравнивает статусы собеседников во время конфликтных ситуаций.

Ситуативные факторы: доверие к («своему») близкому собеседнику, потребность выразить себя, эмоциональное напряжение и волнение в условиях разрешения острой жизненной ситуации (болезни, риска, опасения) требует преодоления каких-то внутренних барьеров.

Откровенность сопровождается эмоциями, находящими выражение в невербальном поведении, в авторской речи, ремарках.

Откровенность в художественном тексте играет роль в развитии сюжета, сохранении интриги. Откровенность героев и автора выводит на смысловые понятия романа: смысл заглавия, поднимаемые темы, роль структуры, интертекстуальные связи (Достоевский, Чехов).

Откровенность общения, проявляющаяся в диалогах романа, раскрывает характер героя, развертывает сюжет и выводит на темы произведения, поднимаемые проблемы и позволяет найти черты поэтики «новой искренности».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Множество словарных определений, оттенков откровенности – 26 – анализ диалогов, проявляющих откровенность общения, позволяет вывести 3 основных случая:

Откровенность – *доверительность* отношения к собеседнику.

Откровенность – как *открытие правды* о событии, себе, собеседнике.

Откровенность – как *сообщение сведений о себе* личного характера, личной информации.

3 случая откровенности общения соотносятся с нашим «треугольником», который мы вывели в первой главе: *чистосердечие – правдивость – открытость*. Отметим, что в разных ситуациях один из случаев откровенности становится ведущим, при том, что все остальное присутствует, но отходит на второй план. Специфика вариативности откровенности в разных видах межличностного общения обусловлена различной степенью самораскрытия, сообщения информации о 3-м лице, предмете. Диапазон сообщения можно представить как *«избегание откровенности» – частичная откровенность – исповедальная откровенность*.

В художественном тексте, в романе и для стиля Д. Рубиной важна психология, драматургия взаимоотношений персонажей и средство формирования образа героя. («Поэтика искренности» как тенденция современной литературы). Откровенность как черта стиля Д. Рубиной выводит на направление, в русле которого написан роман: «новая искренность». В романе представлены не только вымышленные образы, но и реальные сведения очевидцев, жителей Ташкента.

Текст Д. Рубиной с «голосами» романа бывших ташкентцев и родителей можно использовать в обучении РКИ в рамках страноведения и лингвокультурологии, так как нарративы и диалоги отражают реалии военного и послевоенного Ташкента. Также на уроках русского языка и

литературы в общеобразовательных учреждениях.

В романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» откровенность межличностного общения является сюжетообразующим фактором, играет важную роль в формировании образов героев как средство речевой характеристики, участвует в формировании смысла произведения.

Речевые жанры (признание, исповедь, разговор по душам), представленные в романе, можно использовать в рамках обучения РКИ, с целью понимания структуры написания и умения выявлять языковые средства.

Откровенность является существенной константой речевого поведения в семейном и дружеском общении, поэтому требует междисциплинарного исследования. Для полного понимания откровенности общения не хватает исследования в коммуникативно-прагматическом подходе, нужны также исследования психолингвистического характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исследовательская литература

1. Авакимян, С. С. О лингво-когнитивном подходе к феномену «искренность» / С. С. Авакимян // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 92. – С. 177–185.
2. Авакимян, С. С. О понятии «искренность» и его трактовке в гуманитарных науках / С. С. Авакимян // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 37. – С. 5–9.
3. Авакимян, С. С. О лингвистических аспектах искренности / С. С. Авакимян // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 1. – С. 161–167.
4. Алексеева, Н. В. «Ташкентский роман» Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»: социокультурный феномен города, рожденного «Ветрами исторических потрясений» / Н. В. Алексеева // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3 (33). – С. 124–127.
5. Алексеева, Н. В. Хронотопические «Поля» героя и автора в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» / Н. В. Алексеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 4 (1). – С. 316–320.
6. Андрюхина, Н. В. Особенности актуального членения неискренних высказываний в англоязычных политических текстах / Н. В. Андрюхина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 9. – Т. 12. – С. 201–205.
7. Арутюнова, Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 52–79.

8. Арутюнова, Н. Д. О типах диалогического стимулирования : учеб. пособие / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1992. – 311 с.
9. Афанасьев, А. С. «Новый биографизм» в русской женской прозе конца 1980-х-начала 1990-х годов» / А. С. Афанасьев, Р. Ф. Мухаметшина // Филология и культура. Philology and Culture. – 2018. – № 4 (54). – С. 103–107.
10. Бабаева, А. А. Образ автора в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» / А. А. Бабаева // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (107). – С. 1067–1069.
11. Багронов, Э. Д. Изученность лингвокультурного концепта «искренность» в современном языкознании / Э. Д. Багронов // Профессиональная коммуникация: культурологические, лингвистические и дидактические аспекты исследования : сборник. – Тамбов : Министерство образования и науки РФ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 106–112.
12. Барковская, Н. В. Типы повествования и их анализ / Н. В. Барковская // Филологический класс. – 2004. – № 11. – С. 16–25.
13. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста / М. М. Бахтин. – Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. Москва, 1996. – 5 т.
14. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
15. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1990. – 541 с.
16. Бреева, Т. Н. «Новый биографизм» в современной русской литературе / Т. Н. Бреева // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 4 (30). – С. 14–17.
17. Верещагин, Е. М. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий

контрастивный подход / Е. М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82–93.

18. Винокур, Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 5–29.

19. Галлямова, Н. Ш. Первичный речевой жанр «объяснение, признание в любви»: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты / Н. Ш. Галлямова // Мир русского слова. – 2010. – № 4. – С. 29–35.

20. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.

21. Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 158–218.

22. Гусева, О. П. Поэт как центральная фигура романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» / О. П. Гусева // Вестник Вятского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 95–99.

23. Данилов, С. Ю. Принципиальный отказ в ключе откровенности / С. Ю. Данилов // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 261–269.

24. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – М. : Глобал Ком, 2013. – 336 с.

25. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.

26. Закота, Е. В. Формы речи: диалогическая и монологическая речь / Е. В. Закота // Язык: категории, функции, речевое действие : Материалы X юбилейной международной научной конференции к 75-летию Валерия Степановича Борисова. – М. : Коломна, 2017. – С. 90–93.

27. Зуева, Г. С. Тип женщины-художницы в изображении Д. Рубиной и А. Гавальда / Г. С. Зуева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2015. – № 1. – С. 89–96.
28. Кожевникова, Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. / Н. А. Кожевникова, Рос. АН, Ин-т рус. яз. – М. : ИРЯ, 1994. – 333 с.
29. Корман, Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Теоретическая поэтика: Понятия и определения / Б. О. Корман. – Хрестоматия. – М., 2001. – 237 с.
30. Кузнецова, С. В. Искренность/неискренность в сфере общения (на материале русских художественных текстов) / С. В. Кузнецова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 83–89.
31. Курбатов, В. Время жизни [Электронный ресурс] / В. Курбатов // Дружба народов. – 2007. – № 11. – С. 199–204. – Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/druzhba/2007/11/vremya-zhizni.html> (дата обращения : 10.04.2021).
32. Лесонен, Н. В. Семантика вынужденности в различных речевых жанрах / Н. В. Лесонен // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 168–172.
33. Муратханов, В. Диктанты памяти [Электронный ресурс] / В. Муратханов // Октябрь. – 2008. – № 2. – С. 177–179. – Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/october/2008/2/diktanty-pamyati.html> (дата обращения : 10.04.2021).
34. Наумова, М. М. Коммуникативная ситуация «откровенный разговор» / М. М. Наумова // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2015. – № 1. – Ч. 1. – С. 127–129.
35. Наумова, М. М. Коммуникативная ситуация «доверие» в межличностном общении / М. М. Наумова // Международная научно-методическая

конференция «Личность, речь и юридическая практика». – Ростов н/Д., 2012. – С. 128–130.

36. Наумова, М. М. Откровенность в межличностной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. М. Наумова. – Волгоград, 2015. – 200 с.

37. Наумова, М. М. Откровенность и откровенный разговор в русской лингвокультуре / М. М. Наумова // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2012. – № 7. – С. 154–159.

38. Орлова, Е. И. Формы присутствия автора в литературном произведении: учеб. пособие / Е. И. Орлова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Фак. журн. МГУ, 2017. – 48 с.

39. Панченко, Н. Н. Исповедь как жанр доверительного общения / Н. Н. Панченко // Жанры речи. – 2011. – № 7. – С. 254–261.

40. Панченко, Н. Н. Категория «откровенность» в масмедийном дискурсе / Н. Н. Панченко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел : Орловский государственный институт культуры. – 2011. – С. 45–53.

41. Панченко, Н. Н. Коммуникативная категория «Откровенность»: лингвоэкологический аспект / Н. Н. Панченко, М. М. Наумова // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2012. – №1(21). – С. 98–103.

42. Панченко, Н. Н. Особенности коммуникативного поведения конфиденанта в ситуации откровенного разговора / Н. Н. Панченко, М. М. Наумова // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 106–111.

43. Почепцов, О. Г. Основы прагматического описания предложения : дис. ... д-а филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Почепцов. – Киев, 1989. – 480 с.

44. Ракова, И. В. Речевые черты жанра литературной исповеди второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Ракова. – СПб., 2003. – 235 с.

45. Русское повседневное общение: прагматика, культурология : монография / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, И. В.

Шалина ; под науч. ред. проф. И. Н. Борисовой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2018. – 442 с.

46. Светлана, С. В. О диалогизации монолога / С.В. Светлана // Филологические науки. – Москва, 1985. – № 4. – С. 45–49.

47. Сергеева, Ю. М. Внутренняя речь: психологический и лингвистический аспекты : монография / Ю. М. Сергеева. – М. : Флинта, 2016. – 309 с.

48. Степанов, В. Н. Два полюса массовой коммуникации: провокативные жанры заботы и признания / В. Н. Степанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 8 (63). – С. 73–81.

49. Томогашева, О. В. Теоретические подходы к проблеме диалогической речи / О. В. Томогашева // Международный научный журнал «Иновационная наука». – 2015. – № 4. – С. 75–77.

50. Топоров, В. Н. Об индивидуальных образах пространства («Феномен» Батенькова) / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. – М. : Прогресс ; Культура, 1995. – 624 с.

51. Трощинская-Степушина, Т. Е. Внутренняя речь как отражение эмоционально-мыслительной деятельности героя / Т. Е. Трощинская-Степушина // Материалы XVIII (65) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов «Наука – образованию, производству, экономике / глав. ред. А. П. Солодков. – Витебск, 2013. – С. 264–266.

52. Трунов, Д. Г. Роль Другого в самопознании / Д. Г. Трунов // Философия социальных коммуникаций. – 2008. – № 6. – С. 29–40.

53. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

54. Формановская, Н. И. Соотношение интенционального и пропозиционального компонентов в высказывании / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 3. – С. 42–47.

55. Цепелева, Н. В. Синонимическая сеть как фрагмент семантического и ассоциативного полей (на материале лексем «откровенность – чистосердечность – искренность») / Н. В. Цепелева // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3 (22). – С. 13–17.
56. Черняк, М. А. На солнечной стороне современной прозы: случай Дины Рубиной / М. А. Черняк // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2007. – № 3 (22). – С. 75–78.
57. Шаронов, И. А. Вводные слова как маркеры и модификаторы речевых актов: бытовые признания / И. А. Шаронов // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2019. – Т. 20. – С. 309–323.
58. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелева // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 88–98. – Режим доступа : http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2013/11/27/shmeleva_1.zip#overlay-context=structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1 (дата обращения : 20.03.2020).
59. Шушарина Г. А. Речевой жанр «признание» как жанр устной речи / Г. А. Шушарина, Н. А. Матвеев // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2017. – Т.2. – № 1 (29). – С. 20–23.
60. Якубинский, Л. П. Язык и его функционирование / Л. П. Якубинский. – М. : Наука, 1986. – 208 с.

Словари

61. Гаврилова, А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / А. С. Гаврилова. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
62. Горбачевич, К. С. Словарь синонимов русского языка / К. С. Горбачевич. – М. : Эксмо, 2012. – 608 с.

63. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание : в. 4 т. Т. 2. И–О / В. И. Даль. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Издательство Астрель», 2001. – 1280 с.
64. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Т. 1: А–О. – 1209 с.
65. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Т. 2: П–Я. – 1088 с.
66. Иванов, Л. Интенция [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет : [сайт]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTENTSIYA.html (дата обращения : 20.04.2021).
67. Кутина, Л. Л. Словарь русского языка XVIII века / Л. Л. Кутина, Ю. С. Сорокин. – СПб. : Наука, 2007. – Вып. 17. – 256 с.
68. Львов, М. Р. Толковый словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – М. : Аст-пресс книга, 2012. – 512 с.
69. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2013. – 783 с. – Режим доступа : <https://www.twirpx.com/file/222426/> (дата обращения : 13.10.2020).
70. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академ. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Эллис, 2003. – 944 с.
71. Орлова, Н. В. Признание / Н. В. Орлова, Т. В. Шмелева // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник. – М. : Флинта, 2003. – С. 509–510.

72. Роднянская, И. Б. Литературный энциклопедический словарь / И. Б. Роднянская. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 13–14.

73. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : (82 000 слов и фразеологических выражений) / Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин ; отв. ред. Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2008. – 1175 с.

Источники

74. Дина Рубина «На солнечной стороне улицы». Документальный фильм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=2319251049201507682&from=tabbar&parent-reqid=1620754314537942-1609196830769664921500213-production-app-host-man-web-yp-245&text=74.+Дина+Рубина+«На+солнечной+стороне+улицы».+Документальный+фильм> (дата обращения : 15.02.2021).

75. Мы так в детстве говорили [Электронный ресурс] : [сайт]. – Режим доступа : <https://hodor.lol/post/24610/> (дата обращения : 5.04.2020).

76. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/index.html>, свободный (дата обращения : 20.03.2020). – Загл. с экрана.

77. Рубина, Д. На солнечной стороне улицы : роман / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2020. – 432 с.

Приложение А. Роман «На солнечной стороне улицы»: особенности поэтики

Содержание Приложения А. может быть использовано при подготовке вводных замечаний лингвострановедческого характера, а также для составления комментариев, предваряющих работу с текстом

Дина Ильинична Рубина писала роман о городе своего детства и юности «На солнечной стороне улицы» на протяжении 26 лет с остановками. И роман, возможно, не вышел бы в свет, если «и вдруг поднимаясь в свой автобус иерусалимский где-нибудь в Кремлеше, я обратила внимание, что я даю двадцатку и говорю: “В Ташкент”. И я поняла, что этот роман должен быть написан» [Дина Рубина «На солнечной стороне улицы». Документальный фильм: электронный ресурс].

Автор вводит героев романа в пограничные ситуации: слом эпохи, граница культур, сословий. Отметим, что главным образом такие герои как художница Вера Щеглова, её мать Катя, дядя Миша, отчим Веры «играют роль не просто героев своего времени, но неких мостов, соединяющих конфессии, нации, поколения» [Муратханов, 2008: электронный ресурс].

Ташкентский роман по жанру В. Курбатова определяет романом «по хороводу судеб и по тому, какой живописный ковер выткан из них» [Курбатов, 2007: электронный ресурс] и мемуаром. В. Муратханов считает произведение поэмой.

Дину Рубину считают одной из основательниц женской литературы, однако она против подобного деления. Тем не менее в романе «На солнечной стороне улицы» прослеживается проблема «взаимоотношения женщины и Большой истории» [Афанасьев, 2018: 103], которая решается также через мифологизацию и «новый биографизм», реализующийся в романе через авторскую маску и формируемый ею «авторский сюжет».

Композиционно в романе две параллельно развивающиеся сюжетные линии: одна связана с девальвацией автобиографической модели (квазибиографическая часть) – воспоминания автора о Ташкенте и разговоры с героиней Верой, другая собственно романная – повествование о судьбе двух героинь, матери и дочери (героини Катя и Вера). Дополняет роман еще одна сюжетная линия – квазидокументальная, представленная воспоминаниями бывших жителей Ташкента. Взаимоотношение авторской маски с героиней Верой построены как реально существующей личностью и сюжетные линии неоднократно пересекаются. Т. Н. Бреева объясняет включение в роман «авторского сюжета» с решением «комплекса» самоидентификации [Бреева, 2012: 15]. По мнению исследователя авторская маска складывается из обыгрывания авторской модели, предполагающей «соотнесение позиций взрослого повествователя и персонажа-ребенка. Отражением этого становится появление в квазибиографических частях своеобразных «реплик в сторону» [Бреева, 2012: 15] и активного включения творческого «я», акцентирующего «совпадение повествовательной позиции и позиции героя» [Бреева, 2012: 15]. В. Муратханов также отмечает, что стилизация под документальную прозу – «свидетельства очевидцев, стенограммы аудиозаписей, авторские отступления» – «сокращают дистанцию между автором и ее героиней» [Муратханов, 2008: электронный ресурс].

«Авторский сюжет» самоидентификации реализуется через ташкентский текст, представленный романе через воспоминания бывших ташкентцев, детского «я» повествователя (обыгрывание этапов взросления) и картин Веры Щегловой.

Мы видим, что роману свойственна также «перекодировка уже сложившихся культурных мифов и архетипов» [Афанасьев, 2018: 104]. Например, сравнение Ташкента с Атлантидой и Вавилоном, мифологема рождения художника, древнегреческий хор в виде «голосов» бывших жителей Ташкента, образ дяди Миши-бедоносца. Антисемитская тема «деление на евреев и не евреев» [Курбатов, 2007: электронный ресурс] знакома

писателю и связана в романе с детством, которое, по мнению Рубиной, не может быть счастливым.

Приложение Б.

Картотека отрывков из романа, проявляющих откровенность общения

1. (стр. 5)

Автор называет себя второстепенным лицом в 8 стр. (во 2 главе автор о себе пишет, в эпилоге встречается с персонажем)

Я позабыла тот город, он заштрихован моей угрюмой памятью, как пейзаж – дождевыми каплями на стекле.

Не помню названия улиц. Впрочем, их все равно переименовали. И не люблю, никогда не любила глинобитных этих заборов, саманных переулков Старого города, ханского великолепия новых мраморных дворцов, имперского размаха проспектов. Моя юность проплутала этими переулками, просвистела этими проспектами и – сгинула.

Иногда во сне, оказавшись на смутно знакомом перекрестке и тоскливо догадываясь о местонахождении, я тщетно пытаюсь припомнить дорогу к рынку, где ждет меня спасение от позора.

Я не помню лиц соучеников, и когда на моем выступлении в Сан-Франциско или Ганновере ко мне подходит некто незнакомый и, улыбаясь слишком ровной, слишком белозубой улыбкой, говорит: «Вспомни-ка школу Успенского», – я не помню, не помню, не помню!

...Тогда почему все чаще, возвращаясь из Хайфы или Ашкелона домой, поднимаясь в свой иерусалимский автобус и рассеянно вручая водителю мятую двадцатку, я глухо говорю:

– ...В Ташкент?...

2. (стр. 7)

Мать, между тем, оглядела кухню уже другим, своим прихватывающим взглядом, поддала носком стоптанной босоножки обломок угольного карандаша на полу:

- Все малюешь... Я в твои годы горбила вовсю.

- А, здравствуй, мама! – словно узнав ее наконец, воскликнула дочь. И согнала с губ улыбку. – В мои годы ты вовсю спекулировала.

Та подняла на нее светлые рысьи глаза: видали верзилу? – стоит, жердь тощая, старая майка краской заляпана, взгляд угрюмый, насмешливый... Выросла. Самостоятельная!

3. (стр. 16)

Вечером она сказала матери:

– Значит, вот так: судиться и сволочиться с тобой я не буду. На это нужны время и вдохновение, а мне все это пригодится для другого дела... Не хочешь жить нормально – давай размениваться.

- Еще чего!– мать возбужденно улыбалась. – Я не для того квартиру зарабатывала, чтоб по ветру ее размотать!

<...>

- Ты у меня отсюда бесплатно вылетишь, вместе с картинками, ветер в ушах запоет!

«Портрет бы с тебя, стервы, писать, - подумала Вера. – Уж больно живописна в яркой косыночке на рыжей завивке, в оранжевой этой кофте... Посадить у окна, чтобы свет – слева, а фон приглушенный, пожалуй, серовато-синий... Тогда лицо приобретет сияющий зеленоватый оттенок, дополнительный к красному, яркому... Та-ак... Свет от окна освещенную часть лица сделает холоднее, чем затемненную... а на той будет рефлекс от теплых оттенков обоев... Хм... так-так... аккорды зеленого и красного

повторить в одежде... да... и более глухими отголосками на спинке стула... и тогда среда наполнится энергией двух этих цветов, из которых возникнет живописная ткань портрета...»

Ну, чего не жить как люди?

Вслух она сказала:

- Ну, смотри, не обижайся...

Мать театрально захохотала.

4. (стр.17)

«— Да нет, милая вы моя, все не так скоро делалось! И вообще, делалось-то как бы и не людьми, а безумной воронкой эпохи, которая всасывала всех нас в какую-то гигантскую утробу оцепенелого ужаса, голода и хаоса войны...»

Вы извините, что я так сразу, и сразу — с критикой. Вы сказали, что собираете воспоминания бывших ташкентцев, как вы выразились — „голоса унесенных ветром“ — ну, и я обрадовался. И хотя в Ташкенте я был только в детстве, в эвакуации, а потом вернулся в Саратов, я все же считаю себя вправе тоже „подать голос“. Так что вот, посылаю запись...

...Я-то помню кое-что из того времени, хотя был совсем пацаном... — так, картинки отдельные. Представьте, что на некий азиатский город сваливается миллион вшивого, беглого оборванного люда... На вокзал прибывают эшелоны за эшелонами, город уже не принимает. И это разносится по вагонам, люди передают друг другу: „Город не принимает... не принимает... не дают пропуску“.

И все-таки горемычные толпы вываливались из поездов и оставались на привокзальной площади, расстилали одеяла на земле и садились, рассаживались целыми семьями в пыли под солнцем. Ступить уже было негде, приходилось высматривать — куда ногу поставить... А прибывали все новые, новые оборванцы... бродили по площади, встречали знакомых, спрашивали друг друга: „Вы сколько сидите?“ Узнавали новости о близких, приходили в отчаяние... И все-таки сидели...

И мы с мамой сидели, изо дня в день... потому что ехать дальше — означало гибель, а в Ташкенте выживали, цеплялись за какую-то работу, жизнь вытягивала соломинкой надежды.

Помню, на этой, залитой солнцем и застланной одеялами, площади лежала женщина в беспамятстве. У нее было сухое, обтянутое кожей лицо и губы, иссеченные глубокими кровавыми трещинами. Кто-то сжалился и смазал эти кровоточащие трещины постным маслом, и вдруг она, не открывая глаз, судорожно принялась слизывать масло с губ...

... А вот еще картинка: мы с мамой идем по улице, над головой — сплошная зеленая крона с узорными прорезами ослепительного солнца, у мамы в руке наш единственный фанерный чемодан... а вокруг на гремящих самокатах разъезжают мальчишки и кричат: „Жидовка, скажи „кукуруза!“... Я держу маму крепко за руку и, конечно, верю в ее силу... но все-таки немного страшно... На вокзале можно было взять носильщика — дюжего мужика, — он обвязывался ремнями-веревками и пешком тащил чемоданы по адресу, какой скажут... просто шел впереди тебя, сгибаясь под тяжестью баулов и тюков... С носильщиком было бы не так страшно идти по чужому городу... Но у нас ни тюков, ни денег не было, поэтому мама несла чемодан сама, только руки меняла. Останавливалась, говорила мне, тяжело дыша: „Подожди... зайди с другой руки“... и мы шли дальше... А самокаты сужают круги, все теснее кружат на своих гремящих подвизгивающих подшипниках: „Жидовка, скажи „кукуруза!“...»

Мама вдруг остановилась и в сердцах крикнула: „Холера тебе в пузо!!!“... И это так понравилось мучителям, что они отстали...

...Рынки, конечно, помню... Алайский рынок, знаменитый... это был какой-то... Вавилон! Вот уж действительно где смешались языки-наречья, пот, слезы, тряпье, тазы, ослы, арбы, люди... А ворья сколько! Вся страна беспризорная, голытьба окаянная

сползлась в город хлебный, теплый... Люди говорили: „Самара понаехала!“, почему-то считалось, что самарцы — сплошь ворюги... Когда в кинотеатрах стали крутить кино „Багдадский вор“, появилась присказка: „Пока смотрел „Багдадский вор“, ташкентский вор бумажник спер“...

Помню, на рынке однажды поймали вора. И кто-то уже стал звать милицию, а один дядька — краснорожий, однорукий, сказал: „Не надо, сами справимся!“

Несколько мужиков сгрудились над пойманным, и только слышно: уханье и — хрясть, хрясть! Так дружно, так остервенело били!.. И только потом я догадался, что били-то его свои и что однорукий краснорожий был, наверное, главарем шайки, а того, пойманного, била вся его шобла, била до полусмерти — таким образом спасая...

Шестьдесят пять лет прошло, а эти картины у меня перед глазами, как вчерашний день... И вообще, сколько за плечами осталось — Саратов, Москва, десятки городов... Вот сейчас и до конца уже — Марбург, а я до сих пор, стоит только закрыть глаза, так ясно представляю себе эту улочку, по которой мы с мамой идем, — высоченные кроны чинар сплетаются над головою в зеленый солнечный тоннель...»

5. (стр. 22)

«— ...Это вы замечательно решили — писать роман о Ташкенте! Такой город не должен быть забыт... И, знаете, здорово придумано — собирать „голоса“. Каждый такой голос — а нас, бывших ташкентцев, по всему свету разбросано немало, — может вам отдельный роман наговорить, роман своей жизни. И я с удовольствием наговорю, что помню...

Я тут недавно набрел в Интернете на сайт под названием „Алайский“... и там переключка наших земляков: „Кто учился в мужской средней школе им. Сталина, Хорезмская, 8, - откликнитесь!“... „Кто с Тезиковки, ребята, — отзовитесь!“... Какой-то местный парень берет заказы на фотографии. Ты называешь объект: главпочтамт, например... — помните каменных львов на его угловом, вечно заколоченном парадном? Говорили, что это единственные каменные львы в городе. У меня они ассоциируются с детством, потому что няня разрешала посидеть верхом то на одном, то на другом — они в разные стороны смотрели, словно торчали на шухере... Или, например, консерватория... или памятник в парке Тельмана... Так, значит, этот парень фотографирует за сущие копейки и присылает — все-таки память... Очень удобно! Вот живешь ты у себя в Солт-Лейк-Сити лет эдак тридцать, а снится тебе ночами Шейхантаур, сине-лазурный орнамент на мавзолее шейха Хавенди Тохура... кладбище, мечеть... Площадь, где проходили гуляния на узбекских праздниках, особенно после уразы — религиозного поста. Да, Шейхан-таур... это был город в городе, знаете... Такой Багдад: путанный бесконечный лабиринт переулков, тупиков, бесчисленного множества узбекских дворов... А что такое узбекский двор? Это комплекс полного жизнеобеспечения. Сам дом, наверху — балхана... Не знаете? Ну как бы объяснить вам... это балкон — не балкон... не антресоль... а нечто вроде пристройки наверху... так что дом тогда казался двухэтажным... А крыши... они земляными были, поэтому весной на них прорастала трава, трепетали нежным пламенем первые маки под еще свежим ветерком...

По двору протекал арык, над ним строили такой квадратный деревянный помост — айван, или супу... бросали на него множество курпачей — небольших, простеганных вручную, ватных одеял. От них всегда пахло прелым человеческим духом, стирать их не стирали, а вывешивали на солнце — сушили, проветривали... На айване спали, принимали гостей, чай распивали... От арыка шла прохлада в жаркий день, и звук бегущей воды успокаивал, расслаблял...

Во дворе всегда была пристройка, кухня, и низкая кирпичная, обмазанная глиной, печь — тандыр, в ней пекли лепешки, самсу... Дух горячей узбекской лепешки забыть невозможно, он снится мне здесь, в штате Юта, по ночам... Снится, как молодой узбек палкой поддевает ее, вынимает, — круглую, в подпалинах на бугорках, с обожженными

зернышками тмина, а посередке у нее вдавленный такой, жесткий, хрусткий пяточок, за который можно душу дьяволу продать! И от нее волна горячего запаха... как бы это объяснить... материнского запаха, знаете... вот, слов не хватает!.. Да мир на этом запахе стоит!

А в самих домах были низкие такие, как кофейные столики, печки — не помню принцип, по которому они работали, врать не стану... а только сидел ты на полу, на курпачах, ноги засовывал под этот столик и чувствовал тепло... Было замечательно! А стряпали многие во время войны на чем? На мангалке! Я, знаете, за свою жизнь бывал во многих местах, поездил по командировкам, но нигде больше такой народный агрегат не встречал. Сейчас опишу... Берется старое ведро и из него делается печка. Дырявятся по бокам два отверстия — одно для дров, другое — золу выгребать. Поверху — решетка из толстой проволоки. Чтоб железо не прогорело, изнутри ведро выложено обломками кирпича и обмазано глиной. На мангалках половина Ташкента всю войну варила и кипятила...

Вот что озадачивало у них с непривычки — туалет. Обычная пристройка в углу двора, с дыркой, чтоб сидеть на корточках, а у стенки — ведро, полное круглых глиняных камней. Если у русских в туалетах на гвоздике висели обрывки газет или листки из школьных тетрадей, то у узбеков, вот, камни использовались для этой нужды... Интересно, правда?... Мы, конечно, притаскивали свой материал для такого ответственного дела. Помню, в туалете мне попался лист из какого-то старого журнала, там была напечатана вредная белогвардейская поэма, называлась „Драма руссаго офицерства“, и внизу страницы: „Типография Г.А. Ицкина, въ Ташкента“. Взрослые не обращали внимания — чем подтирались, хозяева-узбеки тем более... А я просек что-то необычное, запретное... пацана запретным только помани! Приволок лист домой... И так мне отец за него по ушам навесил!.. Лично сжег на свечке! Да только поздно, поздно... память детская, само все в нее влетает... я уже наизусть много строчек знал, хотя не все. Представляете — даже сейчас начало помню. Там так:

«Ея превосходительству Наталіи <...>»

Ну и так далее, дальше уже не помню... Что за народ? Каких таких своих офицеров он убил? Когда все это стряслось? Взрослых я спрашивать опасался: шла наша собственная война, где героями были и солдаты, и офицеры... И долго мне смысл этой поэмы казался темным...

Да, так, Шейхантаур... там все было свое — парикмахерские, школы, Юридический институт, зубоврачебный кабинет, рынок... Даже кинофабрика — в ней еще немые фильмы снимались! И все жили скопом, как в кучу наваленные... По соседним дворам у нас много лепилось раскулаченных русских, старообрядцев, были татары, армяне, евреи... Во время войны эвакуированные жили даже в мечети, позже она была складом, а с возрождением национальной независимости... но этого я уже не знаю, это уже не при мне...

Ну и чайханы на каждом шагу... Узбекский мужчина без чайханы не может никак — это как для англичанина его клуб. Узбеки сидят в чайхане в чапанах — полосатых и синих ватных халатах, в чалмах, в тюбетейках... и весь день пьют чай, потеют... — им пот служит вентилятором, а чапан удерживает температуру тела в течение всего дня... Вековые народные традиции — так спасаются от жары... Но еще — и это тоже, никуда не деться, вековые традиции! — из темной глубины помещения всегда потягивает характерным запахом гашиша, по-ихнему — анаши... Восток без дурмана, говорил мой отец, что скупой без кармана.

Лет пять назад приезжал я уже отсюда, из Солт-Лейк-Сити, в Ташкент — взглянуть на свою первую школу... Ничего не узнал! Все перестроили; вместо милых ташкентских особнячков — какие-то циклопические сооружения псевдо-мавританского шика: купола, арки, мраморные гигантские площади под нещадным солнцем... Идешь к такому издали, думаешь — ну, это, наверное... парламент? Величественный, инопланетный,

нечеловеческих пропорций... Театр на двадцать тысяч мест? Подходишь ближе, выясняется: какой-нибудь Дом моделей.

А от Шейхантаура, моего Шейхантаура, который я избегал босыми ногами вдоль и поперек, и кругом, и петлями, так что моей „стезей“ уличной можно бы, наверное, обернуть экватор... — от Шейхантаура осталась только изразцовая мечеть. Стоит, как ворота в никуда — в город, которого нет больше ни на одной карте...».

6. (стр. 30)

«... — Тебе когда-нибудь снится военный Ташкент, мам?

— Так, иногда... если голодная на ночь лягу... А ты к чему спрашиваешь, я для тебя тоже — «голос в романе»?

— Почему бы и нет. Ты ведь не чужая этому городу...

— Знаешь, что снится? Наша студенческая столовка возле Воскресенского базара... как я мухлюю там с талонами!

— Как это — мухлюешь?

— А так, на них на каждом стояла дата, проставленная карандашом. Надо было стереть ее резинкой и встать в другое окошко.

— Тогда можно было взять вторую порцию? А чем кормили?

— Да там только одно блюдо и было в меню: затируха. Такой не суп, и не каша... а что-то жидкое... бурда такая, на муке... Ты должен был являться со своей миской и своей ложкой, тебе наливали порцию... Причем, к этой столовке прикреплены были и студенты, и профессорский состав. У меня однажды случай смешной произошел... Я случайно поменялась портфелями (они одинаковые были, клеенчатые) со знаменитым московским профессором по фамилии Хайтун, он читал у нас курс истории древних веков по собственному учебнику. Сам Хайтун был страшно уродлив, но необыкновенно остроумен. Помню, впервые войдя в аудиторию, сказал: заниматься будем по моему учебнику с моим портретом — и поднял его над головой: на обложке был нарисован неандерталец. Так вот, я, понимаешь, сидела за первым столом, чтобы не заснуть после заводского дежурства. Наши портфели лежали рядом. Прозвенел звонок, он схватил мой и пошел. Я вспомнила — что там у меня в портфеле... чуть со стыда не умерла... Догоняю его в коридоре, говорю: «Профессор, вы по ошибке взяли мой портфель!». Он ахнул, мы обменялись своими клеенчатыми кошелками... и я, осмелев, говорю: «Мне ужасно стыдно: если б вы его открыли, то обнаружили бы только миску и ложку для «затирухи»! Он расхохотался, и в ответ мне: «Дитя мое, если бы вы открыли мой, то увидели бы то же самое»...

Они, бедные, голодали пуще нашего. Особенно зимами — а я тебе рассказывала, какие страшные зимы на войну выпали? Университет не отапливался... Боже, в каких обмотках и тряпье они ходили, наши профессора! Была преподавательница одноногая, она курила, ее мальчики наши угощали «Беломором»... — так одна из наших дур на курсе, с обмороженными ногами, как-то сказала ей: «Вам хорошо, у вас только одна нога!»... И еще одна преподавательница Московского университета — Кирова, Кира Эммануиловна — вот надо же, помню! — жутко была одета... Она эвакуировалась в одночасье, понимаешь, времени не было собраться. Так и ходила — в митенках разного цвета, чулки и носки разные... Но! Входила в аудиторию и начинала лекцию с того слова, которым закончила предыдущую!.. Бедняги, они совсем доходили... Не могли же они, как мы, подрабатывать... Вот я — отлично жила!

— Отлично?! Ты говорила, что подвязывала веревками картонные подошвы туфель.

— Ну и что? Ну и подвязывала! Но я ж на заводе еще 800 граммов хлеба получала, шутка ли? Я его продавала, и ходила на спектакли. Знаешь, какая театральная жизнь была в военном Ташкенте!

— Что за спектакли?

— Ну, разные... В ГОСЕТе, например, шли «Тевье-молочник», «Фрейлахс» с Михоэлсом и Зускиным... Помню, рядом сидели какие-то офицеры, вовсе не евреи, — в

Ташкент же было эвакуировано несколько военных академий, — ничего на идиш не понимали. Услышали, что я гогочу, сели вокруг и потребовали, чтобы я переводила... ну, я и переводила весь спектакль... Не знаю — то ли время было такое, военное, то ли нравы почище, но только мы что-то не слышали о каких-то бытовых преступлениях... Я после спектаклей всегда шла пешком до общежития...

— А где было общежитие?

— На Лобзаке, по десятому трамваю... Общежитие, кстати, тоже всю войну не отапливалось. Мы как согревались? Сдвигали по две кровати, укладывались вместе по трое девчонок, и накрывались тремя одеялами... Эх, а какой мы однажды устроили картофельный бал! Картошка была недостижимой мечтой, 50 рублей кило. И однажды мы сбросились со стипендии, — целый месяц мечтали, копили! — накупили картошки, наварили ее, и... обожрались, как целый полк Гаргантюа — до отвала! И все, как одна, блевали потом всю ночь... Организм, понимаешь, отвык от такой еды... Хотя вот, знаешь, что у нас варили в заводской столовой? Черепаший суп! Столовую можно было опознать по горе панцирей на заднем дворе... Целые грузовики черепах гнали из Голодной степи... Мы сначала поеживались, не знали, что это французский деликатес... Потом — ничего, особенно, когда постоишь на морозе на посту, на вышке... А морозы по ночам до 30-ти градусов доходили... За счет чего еще держались, хотя и не подозревали о полезности: на улице Навои сидели в ряд узбечки, продавали орехи. Мисочка — рубль. В нее штук десять орехов входило. А еще покупали в «дорихоне», в аптеке, бутылку сладкой жижи, тягучей, как смола, называлась «Холосас». Вытяжка из шиповника. И пили так чай: положишь три ложки в стакан — вкусно! Понятия не имели: витамины, калорийность, то, се... но именно это помогало выжить... Мы и на хлопок первое время ездили с большой охотой. Еще бы — в день полагались на рыло три лепешки и похлебка! Еду узбеки готовили, казалось бы — что там в этой похлебке, а — пальчики оближешь! С нами и профессора выезжали. Помню, профессор Сарымсаков — ректор наш, математик, крупный ученый, входил в студенческий барак утром — огромный фартук на брюхе, лицо и руки сажей перемазаны — и кричал: — «Самовара подана!»... Понимаешь, мы были молоды, такая вот банальность... Сейчас я себе представить не могу, как зимой, бывало, в телогрейке, стояла с винтовкой на вышке...

— Погоди, а ты же говорила, что работала в цеху, обтачивала корпуса для мин...

— ... это уже потом, по благу меня устроили. Понимаешь, однажды мерзавец-нарядчик забыл меня сменить, и я на морозе четыре часа проторчала на вышке. Но ведь не уйдешь, нельзя... и я доковыляла до цеха утром, на рассвете, — стою, плачу, пальцы обморожены, не разгибаются... Меня увидел замначальника 2-го цеха, подозвал, разговорился со мной (оказывается, я ему напомнила его девушку, которую он потерял, не спрашивала уж — как)... ну и поставил меня на станок... Там многие работали, второй цех был большой. Дети несовершеннолетние тоже... Некоторым приставляли ящики, чтоб до станка доставали... У меня были ночные смены.

— Постой, днем — университет, ночами — завод... Когда же ты спала?

— Ну, это уж как где прихватишь... У меня в жизни самый сладкий сон знаешь — когда был? С четырех до пяти утра. Это самое страшное время, когда можно задремать и угодить ненароком в станок. Мы по очереди ходили спать в туалет, он отапливался... Сядешь вот так, прямо на цементный пол, коленки обхватишь, к стенке спиной привалишься, и минут двадцать дремлешь... Это и есть самый сладкий сон на свете... Такого уж никогда больше в жизни не было... Так и напиши в своем романе...».

7. (стр. 45)

«Ну, и картины стояли вдоль стен штабелями, и открытый этюдник у окна.

— Вот... — сказала Вера, — потихоньку мебелируюсь с помойки. Леня, если б вы знали, как я уже люблю эту комнату, и какая я счастливая!

— В пустой квартире тоже есть своя эстетика, — заметил он, — ожидание новой жизни. А что это за синяя лента, вот здесь, на мольберте завязана? Какой интенсивный цвет на желтом дереве! Это концептуально? Это такой цветовой камертон?

— Да нет, это... — отмахнулась она, — некий талисман, на удачу... У этой ленты есть своя история... Потом, потом как-нибудь...

Он сделал три больших шага от окна к табурету, сел на него, сказал, ворочая на острых коленях сверток:

— Господи, куда ж эту штуковину девать? Подержите-ка, Вера, я очки протру!

Вера взяла у него сверток, неожиданно оказавшийся легким и пружинистым. Леня протирал очки платком, вечно сохраняющим у него белизну и острое складки, и обводил стены рассеянным своим, близоруким взглядом.

— Да бросьте это куда-нибудь, — посоветовал он.

— Куда? — спросила Вера. — А что там?

— ...так, по хозяйству. Вообще, это вам.

— Мне? — настороженно переспросила она, заранее пугаясь размеров свертка.

И развернула его.

В бумаге лежал сложенный плед из шотландской шерсти, золотисто-шоколадный, в крупную темно-вишневую клетку, невысказанно роскошный для этой комнаты и, конечно, невысказанно дорогой. У Веры даже дыхание перехватило от возмущения.

— Леня, вы сумасшедший человек! — расстроено сказала она, заворачивая плед в бумагу. — Вы спятили совсем! Что за дикие подарки? Забирайте немедленно!

— Вера, прекратите скандалить, — привычно возразил он. — Это полезная хозяйственная вещь, и вы... будете укрываться этой тряпкой... и больше ничего!

— Я прекрасно укрываюсь своим пальто, еще не хватало, чтоб вы на меня сотни выбрасывали! — воскликнула она, как всегда, заводясь и заранее зная, что перешибить его невозможно. — Заберете как миленький!

— Чепуха! Не устраивайте сцен.

— Заберете! — бессильно выкрикнула она, чуть не плача.

— Чепуха, я сказал.

— Да идите к черту!

Он пошел... на кухню, зажег газ, поставил на плиту чайник, стал доставать из портфеля свертки с едой. То есть вторая часть скандала ожидала его на кухне. Но он привык. Он, как и Вера, до известной степени был человеком ритуала. Поэтому они никогда не ссорились. Только ругались.

Леня — если не считать угасающего, выхаркивающего душу отчима — был, в сущности, единственно близким другом. Единственно близким — после смерти Стасика. Служил он в вычислительном центре Института ядерной физики, где-то в поселке Улугбек, и занимался какими-то модульными базами данных, что-то в них закладывал или, наоборот, выкладывал, неважно! Она ничего в этом не смыслила, да и не торопилась разобраться. Знакомы они были тысячу лет — года четыре, наверное...

8. (стр. 48)

Он (отчим) только растревлял душу себе и ей.

- Поверь, Веруня, - говорил он. - Это воплощение зла в женской оболочке... Ревность ее тут ни при чем!

- Дядь Миш, - перебивала она, как обычно одержимая установлением справедливости, - но ведь с Анютой ты действительно крутил?

- Никогда не употребляй этого пошлого слова, когда говоришь об отношениях мужчины и женщины, - строго сипел он и находился в кашле.

9. (стр. 53)

А тут как-то вечером постучалась соседка Фая, — смуглая и верткая, как угорь, — втолкнула Веру в прихожую, сама вошла, оглянувшись, притворила дверь и заговорила быстрым шепотом:

— Верка, жизнь-та какая пошла! Дороговизны-та какая! Сегодня на базаре пятнадцать рублей оставила, а спроси, что купила?

— Денег, что ли, одолжить? — спросила Вера, ничего не понимая.

— При чем одолжить! — обиделась Фая. — Одолжить не к тебе пойду, ты сама бедная. Я с хорошим делом: на квартиру человека непустишь?

— А почему шепотом? — недоумевая, спросила Вера.

— Ты дура совсем, да? Зачем разглашать? Чтобы эта сука Когтева из шестой квартиры бумаги в ЖЭК писала? Скажешь — брат из Янгиюля приехал... Да ты не бойся, он калека, на костылях. Приставать не будет.

— А зачем мне все это?

Месяца три уже Вера жила одна, боясь поверить, что этот покой и простор — надолго, на целых пять лет; что мать не заявится, как обычно, после своих коммерческих экспедиций — с привычными угрозами, бранью, погоняловкой и мордобоем...

Вечерами она часто пропускала занятия в школе, могла часами лежать на диване, не зажигая света, перебирая лица, увиденные за день, за неделю, за эту осень. Размышлять о матери, о дяде Мише.

Сдать кому бы то ни было комнату, значило — впустить неизвестного человека в медленные текущие вечера при свете уличного фонаря за окном; значило добровольно разрушить возведенные вокруг себя высокие светлые стены.

<...>

— А двадцать рублей тебе валяются каждый месяц? — спросила Фая.

— На фиг, — кратко ответила девочка.

— Слушай, больного человека совсем не жалко, да? На костылях, калека... Из хорошей семьи человек, моей подруги племянник. Думаешь, безродный какой-нибудь? У них с отцом в Янгиюле домина в шесть комнат. А отец — ветеринар такой, что к нему со всех совхозов подарки возят на грузовиках. Грузовик дынь! — клянусь, сама видала, Цой послал, председатель колхоза «Политотдел». Герман Алексеич, он немец высланный, вдовец, культурный человек. И сын такой хороший мальчик, да вот, беда с ногами, с детства. Ему трудно в институт с Янгиюля добираться. Каждый день туда-сюда автобус, на костылях, а? Да еще эту возить — ящик этот, с красками...

— Этюдник? — встрепенулась Вера. — Он художник?

— Ну, а я что тебе говорю! — обрадовалась та. По всей видимости, она вовсе не рассчитывала на этот козырь, и за козырь его не держала, хоть и знала, что Вера рисует: карандашный набросок — вихрастая головка ее младшенького, Рашидика, — красовался у Фаи в кухне. — Он и тебя научит что-нибудь, а?

10. (стр. 59)

— Шутки в сторону, — наконец сказал он. — Дело плохо... — и заметив, как разом побелели скулы девочки: — Ничего не умеешь, ничего не знаешь, а времени осталось с гулькиным нос, за полгода нужно подготовиться к училищу.

Вера перевела дыхание. Она ничего не поняла, но ясно было одно — ее помиловали, и жизнь продолжается. Главное же, произнесено слово из заоблачных сфер — широкое и сводчатое, как врата храма.

Она все еще не могла прийти в себя, чувствуя, как толчками бьется освобожденное сердце, а Стасик уже кричал откуда-то из кухни: — Где?! Что-нибудь! Есть что-нибудь в этом доме для натюрморта? — и что-то падало, звякало, стучала дверца буфета.

Наконец, после оголтелых поисков и тарарама, соорудили натюрморт: на табурете расстелили синюю Верину майку, установили горшок из-под засохшего цветка, два яблока и картофелину.

Стасик долго менял местами эти незамысловатые предметы, сопя и приговаривая: «А мы вас вот эдак... нет, балда, тебя мы вот сюда... а тебя во-о-от... сюда!» — Складывал ладонь трубочкой, смотрел в нее, отскакивая назад... Костыль поскрипывал и побрякивал, как терпеливый и многострадальный старик.

Вера, приоткрыв рот, не отрываясь, смотрела на действия Стасика.

— Завтра воскресенье... вот с утра и начнем, — сказал он наконец.

— Сейчас! — пробовала возразить она... — Только набросаю... контуром.

— Запомни, несчастная: его величество дневной свет! — весело и строго крикнул Стасик. — Раз и на всю жизнь вбей себе это в башку — живописи противопоказано электрическое освещение! Оно искажает цвет. Только дневной божеский свет! — костыль взмыл и ткнулся резиновым наконечником в сторону темного окна, — и никакого кроме... Твое настроение будет зависеть от погоды, привыкай к этому. И еще, — он усмехнулся, — привыкай к одиночеству. Это надолго, на всю жизнь.

— Почему? — тихо удивилась Вера. Удивилась потому, что и раньше об этом догадывалась.

— Потому что, как всякий художник, ты будешь невыносима. Ты и так не сахар, а будет и хуже. Профессия эта не галантная, с годами вырабатывает тяжелый характер... думаешь и говоришь только о своей работе, а это скучно, — кому такая баба нужна, и кто тебя, такую, вытерпит? Это я обязан тебе сказать. Так что выбирай, еще не поздно.

Вера засмеялась с облегчением, и он ее понял. И сам расхохотался:

— Правильно! Поздно...

11. (стр. 64)

Увидев мое ошеломленное лицо, подруга спокойно спросила:

— Ты чего? Чего у тебя такая физия? — проследила глазами направление моего взгляда и протянула: — А-а... ну, это же Тамарка... Соседка наша...

— Она что... больна? — спросила я.

— Почему больна? Просто, голос такой... от рождения... Ну, и там что-то надо было оперировать в самом детстве, да родители прозевали, а сейчас уже поздно...

— Бедная... — пробормотала я. Моя подруга усмехнулась:

— Кто — бедный? Тамарка? Ты за нее не переживай. У нее знаешь, сколько мужиков? Чуть не каждую неделю новый... Так что давай, отключись от проблемы...

12. (стр.65)

— Ну... брось, дядь Миш, не думай о ней! — взмолилась Вера, всегда с паническим суеверием пресекавшая эти разговоры, как дикарь опасается произносить вслух имя злого духа, дабы не вызвать его, не материализовать ненароком грозную сущность. Да и то сказать — сидит себе мать за решеткой, как ей и положено... и можно жить спокойно еще года четыре, если амнистии ей не выйдет... что воду-то переливать? Не вернешь ничего...

13. (стр. 69)

И в ответ опять его так же скрипуче-гнусаво передразнили...

— Кто это был? — удивленно спросила Вера, когда Стасик вышел из будки.

— Одна знакомая... Ты не знаешь...

— Это — девушка? Какой у нее...

— Да... — поколебавшись, сказал он... — необычный голос... больные связки и... особенность строения носоглотки.

— А почему ты ее никогда не приводил к нам?

— Зачем? Она... из другой оперы...

— Еще бы, — согласилась Вера, приотстав от него на полшага и ощущая непонятную духоту в области диафрагмы... — такое чудное сопрано...

— Зверек! — удивленно проговорил он, обернувшись и легонько съездив лапой по ее запущенной, «дикой», как говорил он, стрижке. — Тебя эти темы никак не должны касаться!

14. (стр.74)

— Над чем ты тут зависла? — спросил Стасик, склонившись над ее плечом. Она помолчала, подняла на него глаза и тихо проговорила: «... а я видела тоже...»
— Что?
Она погладила мелованный лист репродукции и сказала: «Вот, его...»
— Кентавра? — с серьезным любопытством в глазах спросил Стасик. — Где?
— В горах... — пробормотала она, — ты не знаешь... неважно...
Он взъерошил ее короткие волосы, проговорил, улыбаясь:
— Верка! Правильно! Вот это и должно стать твоей манерой!
— Что? — удивилась она. Не поняла — что он хочет этим сказать... И, главное, уже тогда ей не нравилось, что он играет с ней, как с мальчиком-подростком.
— А вот этот... легкий налет безумия... — разъяснил он весело.

15. (стр.76)

Вдруг грохнуло в ванной, покатилося... — жестяная кружка, в которой стояли зубные щетки и расчески. Пение оборвалось. Вера прислушалась... вскочила и бросилась в коридор:

— Стасик! В чем дело? — тревожно крикнула она.
Он не отозвался. Ничего нельзя было услышать сквозь шум льющейся воды.
Она стучала кулаком в дверь:
— Стасик! Стасик! Ты меня слышишь?! Что случилось?
Он не отзывался. Упал, поняла она, уронил костыль! не может до него дотянуться! ударился головой... потерял сознание!.. Захлебнулся?!
Обезумев от ужаса, навалилась на запертую дверь, заколотила в нее, заорала. Колотила и колотила, бросалась на дверь дикой овчаркой — плечом, спиной, выла, визжала...

Вдруг он открыл — бледный, совершенно мокрый, в наброшенном на тело халате. Вода струилась по лицу и волосам... Значит, все-таки дотянулся до костылей. Вера зарыдала и бросилась к нему, обхватила обеими руками. С его волос вода лилась на ее лицо.

— Ты что, дура, спятила? — спросил он. — Я ей кричу, а она дверь ломает.
— Я... я... не слышала... я испугалась, что ты упал... умер... — дрожа, задыхаясь, вцепившись в него, бормотала она.

Он сердито обнял ее, чмокнул в макушку. — Перестань трястись... Ну грохнулся, подумаешь!.. Хватит реветь, дура, — со мной никогда ничего не случится... Ну... довольно уже! Иди... я оденусь...

Но она по-прежнему, упрямо, как ребенок, обхватив обеими руками, не выпускала его из тесного закутка между ванной и раковиной, притиснувшись щекой к его груди, словно пыталась непосредственно из сердца расслышать ответ, который ждала. Дрожала странной, неостановимой дрожью... И оба молчали...

— ...Ну? — наконец выговорил он, обеими ладонями пытаясь отклонить ее голову.
— Я же опоздаю, дурочка...

Тогда она выпрямилась, прямо взглянула в его смятенное мокрое лицо...
— Не пущу!.. — глухо сказала она, чувствуя, как учащенно бьется и его сердце тоже... — Не пущу... к ней... Никогда больше! — и медленно, обеими ладонями раздвинув — как занавес — халат на его груди, пробормотала в его, уже ищущие, губы:
— *Кентавр...*

... И всю жизнь потом для нее наиболее притягательным в мужчине были плечи и мощный разлет мышц груди (два коротких, бесцветных романа с натурщиками: красота торса попутала, кентавр поманил с вершины холма и исчез... — Стасик, Стасик!..), словно верхняя, духовная половина тела даже в плотской любви была для нее важнее остального... Словно образ кентавра только и мог возбудить, взбаламутить глубинный ветер, уносящий ее в поле дурмана.

16. (стр.77)

Появился долговязый после смерти Стасика. Буквально недели через три.

— Здравствуйте, Вера. Вы меня, наверное, не помните, я приходил к вам... Я — Леонид Волошин... — и, в замешательстве, видя, что Вера молча стоит в дверях, не приглашая: — Я только сегодня вернулся из командировки, а мы договаривались со Стасом... Он дома?

Вера и прежде-то была немногословна, а после этой смерти совсем замолчала, онемела. Она вообще замолчала — внутренне умолкла. В те дни казалось — навсегда.

— Мне бы повидать его...

Он глядел своими чуть выпуклыми глазами за стеклами очков в большой роговой оправе и ждал ответа. Вера разлепила губы и шевельнула ими.

Он подался к ней, наклонился:

— Простите?

— Стасик погиб. — Сухо и тихо повторила она, как отвечала всей этой орде, которая хлынула на нее и отхлынула, наткнувшись на бесслезное молчание.

Он не отпрянул, не ахнул, не вскрикнул, не стал забрасывать вопросами, вытягивать подробности, не цокал языком, не качал головой. Так и стоял, в полнаклона, вглядываясь в ее лицо. Смотрел с минуту, потом спросил:

— Вы остались одна?

Она пожала плечами. Он прошел мимо нее в квартиру, походил по комнате, мельком оглядывая работы Стасика на стенах. Потом обернулся к Вере:

— На что вы живете, Вера, извините за бестактность? Вам деньги не нужны?

Она мотнула головой и нахмурилась, потому что вдруг ощутила, как загнулось дыхание и сдавило что-то в горле, и на глаза набежала влага.

Сглотнула и, опустив голову, хмурясь и сосредоточенно расстегивая и застегивая рукав рубашки, впервые торопливо и тихо стала рассказывать о смерти Стасика.

Он попал под машину, опаздывал на зачет по истории искусства. Знаете, тот поворот с проспекта Ленина на улицу Германа Лопатина? В акте написано: «Перебегал дорогу в неполюженном месте».

— Перебегал? — повторил Леня, недоуменно подняв брови.

— Да, «перебегал»...

Так, в милицейском отчете, Стасик восторжествовал над своими костылями после смерти.

17. (стр.84)

Вера обернулась и вдруг увидела выгнутую ледяным парусом, ополоснутую марганцевым уходящим светом, гору, которая прежде была под облачным колпаком...

Она стояла и глядела на этот, взрезавший небо, алый парус ее сна...

— Вон там... — сказала она, указывая рукой, — внизу, на склоне холма... поле с высокими-высокими травами... Помнишь, я говорила тебе?

Стасик удивленно смотрел на лунатическое выражение ее глаз...

— Давно, в детстве... Как сон... Голый всадник на потном коне... въезжал с одного края поля и выезжал на другом, разворачивал коня и снова въезжал, как в море... Волны над головой... Желтый платок на зеленых волнах... — Она морщилась, силясь вытянуть реальность за кончик хоть какой-нибудь приметы. — Или мне снилось?

— Так вот оно что... — медленно проговорил он. — Вот он откуда взялся, твой кентавр...

Обнял, тихо, томительно ощупывая губами ее, влажные от дождя, губы... И долго они стояли так, озябшие, среди мокрой травы, осторожно грея друг друга губами, словно вызывая, продлевая удивленную нежность того вечера, случившегося всего три месяца назад...

— Знаешь, что ты видела? — спросил он, наконец оторвавшись от нее. И в глазах его было то самое, любимое ею, выражение веселого любопытства:

— Охоту за гашишем...

Тем вечером их подобрал на шоссе и пустил переночевать к себе — он жил в соседнем кишлаке, — молодой уйгур на побитом и замызганном «москвиче».

18. (стр. 86)

Тем первым вечером без Стаса Леня сидел недолго, больше молчал, рывком поднимался с табурета и молча мерил длинными своими ногами комнату.

— А это чьи работы? — вдруг спросил он, как очнулся, перед двумя небольшими натюрмортами: две картонки были записаны утром и днем, когда свет по-разному перебирал складки платка на спинке стула и, как опытный сладострастник, ласкал керамический чайник то справа, то слева...

— Мои... — отозвалась она...

— Ваши?! — быстро обернулся на нее, озадаченно долго смотрел на вихрастую «дикую» стрижку, на клетчатую, мешком висящую на ее тощих плечах, рубаху Стасика... С нажимом переспросил: — Ваши?

И она поняла его вопрос, и совсем не обиделась. Просто объяснила:

— Стасик никогда не лезет в чужой холст...

Уходя, он не обещал прийти снова. Но этим вечером Вере уже не было так тяжело: словно вены отворили, давая выход скорбной бурой крови...

Леня появился на другой день. Стоял на пороге, улыбаясь, придерживая за отворотом пиджака что-то копошащееся.

— Вера, извините, ради бога, если некстати. Вот, подобрал тут одно погибающее насекомое...

Достал и протянул на ладони дрожащего слепого пискуна-котенка.

— Ой, комарик какой, — удивилась Вера. — Что с ним делать?

— Для начала — подарить жизнь...

19. (стр. 87)

«... — Вот ты говоришь — послевоенный Ташкент... Кто что, а я первым делом вспоминаю тележки с газированной водой: примитивные тачки на колесах, с небольшим навесом... они спасали в летнее время от жары и жажды тысячи ташкентцев... Там еще была забавная система мытья стаканов: легкий поворот рычага, перевернутый стакан полощется под сильной струей воды... Затем в него из стеклянного цилиндра цедают немного сиропу, того, что ты выбираешь, и сразу вслед — просто чистая вода под газом... И это так весело шипело, вскипало к краям... Помнишь эти тачки? В детстве ты выбирала всегда „крюшон“ — темно-красный сироп...»

— Слушай, пап, а это правда было, или только моя фантазия: за этими лотками сидели еврейские старики, причем одного типа, причем парой, он и она?...

— Да-да, точно: она, одетая в какие-то шматы, и поверх белый фартук, обычно отпускала. Он молча сидел на табурете чуть в стороне...

— Сейчас бы их назвали еврейской мафией...

— Тогда тоже изгалялись, кто как мог... Обычно эти старички почти не разговаривали. Спросит тебя — какой сироп, даст сдачи, пей и иди своей дорогой... Иногда между собой пробрасывали несколько слов на идиш... пока кто-нибудь не

подходил...тогда умолкали... Где они качали эту воду для полоскания стаканов целыми днями, откуда брали лед — ума не приложу! И стаканы, заметь, были чистыми, и заразы никакой не прилипало... Да... Потом эти будки постепенно исчезли с улиц. Их заменили автоматы, которыми редко можно было пользоваться, — из них всегда пропадали стаканы...»

20. (стр. 90)

Однажды Циля заметила, небрежно оглядев Катю с ног до головы:

— Иметь под боком Семипалого и носить такие босоножки?... Катя, мне смешно и больно это видеть.

— При чем ко мне Семипалый? — Катя пожала плечами. Циля усмехнулась и сказала загадочно:

— При чем мужчина к женщине...

Будто знала наперед, чертовка. Да что — Циля! Это часовой механизм судьбы сработал так точно, словно Семипалый собственноручно отладил его своею клешней.

21. (стр. 106)

На крыльце сидела большая рыжая псина и остервенело выкусывала блох у себя в паху.

— А'тистка, п'оснись! — окликнул Пинц с заднего сиденья.

Катя нахмурилась и сказала Сливе:

— Крути к Семипалому.

Слива изумленно воззрился на нее:

— Чего это?

— Он поделит.

Повернувшись к ней всем корпусом, Слива несколько секунд ее разглядывал.

— Не мудри, девка. Пусть все по-хорошему, дребаный шарик!

— Семипалый делить будет. По-настоящему.

— Это как — по-настоящему? — тихо и опасно спросил он.

— А так, что ваша доля с моей не ровнится, — спокойно ответила она.

— Это почему же не ровнится? — вкрадчиво уточнил он.

— Потому что она с Семипалым спит! — ехидно выпалил Пинц сзади.

Снег под собакой на крыльце растаял, подтек. Солнце прыгало по сосулькам, свисающим ледяной гроздью из раструба ржавой водосточной трубы.

— Верно, Пинц. И ты запомни это, — сказала Катя и повторила насмешливо: — К'епко запомни.

— Слушай, артистка... С одним таким, что сильно просил и допросился, уже договорились. Он тоже шутить любил.

— Слива, — перебила она, хмурясь. — Нет охоты слушать твои гнусные песни...

— Добра не помнишь! — с сердцем продолжал он. — Давай поговорим, дребаный шарик... — видно было, что Слива крепился из последних сил. — Забыла, какую тебя подобрала!..

— Ты подобрал? — жестко улыбнувшись, спросила она, глядя в отечные, припухшие глазки Сливы. — Ты бы рад подобрать, дребаный шарик, да нос перерос.

И словно не замечая, как наливается багровым лицо барыги, добавила спокойно:

— Ну, ладно сердить меня! Вези, Семипалый нас поделит.

22. (стр.113)

Семипалый открыл шкаф, достал тарелки и какие-то свертки.

— Знаешь, — сказал он, — сладости люблю. Даже стыдно — взрослый мужик к конфеткам тянется.

И высыпал на тарелку слипшиеся кубики мармелада, фигурные печенья, фунтик соленого миндаля.

— Проходи в комнату, я чайник поставлю.

Катя перед порогом скинула туфли, как принято было в Ташкенте в домах.

23. (стр. 118)

(Семипалый) Отсмеявшись, сказал:

- А ты актриса, волчонок. Нет, правда! У тебя большие способности. Тебе учиться надо... - Помолчал и добавил задумчиво:

- Да и я способен на большее, чем в будке торчать.

Она прыжком забралась к нему на кровать, растопырила пальцы, будто сейчас задушит.

- Да и не торчи, - сказала она. - Денег у тебя и так навалом.

Он засмеялся невесело:

- А я больше хочу... И тебе не советую деньги мои считать. Ясно?

Она отпрянула, спрыгнула с кровати и, напевая, пошла по комнате кружить...

- Я-а-асна, а как же! - выговорила аккуратненько, улыбаясь своим оскалом.

24. (стр. 118)

Единственно что - любила, когда Семипалый вспоминал боевых товарищей. О дяде Леше просила рассказывать несколько раз, с подробностями.

- Не пропускай! - просила... - Отец, значит, был из казаков...

- Но опальный! Из казаков его выгнали в 1905 году, за то, что он отказался рубить студентов на демонстрации. Когда искореняли нэпманов и кулаков, его взяли за то, что в Ростове владел двумя акатывкто же! Леше тогда было тринадцать лет, он как сын врага народа тоже загремел в лагерь. Сидел в женской зоне, с уголовницами... Они шили рукавицы, телогрейки, ватники... ну и разыгрывали Лешу в карты на ночь.

- Бабы?! - ахала она, - мальчишку?!

- Кать, ну я же тебе рассказывал... Потом, когда вышел из лагеря, его направили в военное училище. Ну, началась война, попал он на фронт в звании старшего лейтенанта разведроты. Чуть ли не в первом бою - тяжелый был бой, много людей погибло - его контузило. Он по госпиталям валялся, лечился, опять на фронт попал, но до конца так и звенело в ушах... и бешенство вдруг накатывало - мы уже знали, старались в такие минуты подальше держаться... И вот, сидит дядь Леша в окопе, чистит автомат, тот на коленях лежит... Вдруг - капитан Несольцев, как черт из табакерки: пойдешь, говорит, со своими людьми опять таким-то коридором. Леша ему: там же немцы все держат. Дай мне другой коридор!

- Нет, пойдешь, куда я сказал!

Этому Несольцеву, понимаешь, карьеристу, сукину сыну, никого не было жаль.

- Не пошлю я ребят, зазря погибнут!

- Пойдешь, как твою перетак! - выхватывает в злобе пистолет, вскинул его... А у Леша-то автомат на коленях лежал, он его только что чистил. Ну и успел раньше Несольцева. Просто успел! Прошил его насквозь... Потом мучился... «Знаешь, - говорил, - понимаю, что был он подлец, мерзавец, все бойцы его ненавидели. Понимаю, что он-то меня точно порешил бы, не успею я... Все понимаю... Но: ведь сколько я немцев ухлопал! Без счету... Ни один никогда не снился... А этот - что значит свой! - каждые полгода снится»...

25. (стр. 120)

«-... Мам, а ты послевоенный Ташкент хорошо помнишь?

- Спрашиваешь!..

-... а как одевались, что было в моде, прически, танцы-шманцы?...

– А как же, помню, конечно! В те годы вся жизнь в Ташкенте проходила на улице. Особенно по вечерам, особенно в теплое время года... Неторопливо так прогуливались по центральной, Карла Маркса, пары и компании; мужчины выходили в льняных белых брюках-клеваш, дамы – под китайскими зонтиками... Как раз снесли Воскресенский базар – его еще называли в народе „Пьян-базар“, – действительно средоточие всякой пьяни, и начали строить театр оперы и балета имени Навои – ты его хорошо помнишь? Имперского величия здание! Архитектор – Щусев, тот самый, автор Мавзолея... Строили его пленные немцы и японцы, причем пленные немцы ходили без конвоя, а пленные японцы – под конвоем. Кстати, один из прорабов, наш сосед, посмеиваясь, говорил, что японцы возмущаются качеством строительства и материалов, чуть ли не с ужасом говорят: „Это здание не простоит и двухсот лет!“

– Слушай, а что носили в то время?

– Девушки – легкие платья из крепдешина, креп-жоржета, набивного шелка и ситца... А, да, еще были в моде шелковые юбки фасона „солнце“, с подтяжками, и платья фасона „кимоно“, под горло, с открытыми руками, ну, и надставные плечи, так, чтобы к ушам задирались...

– А душились чем?

– Смотря – кто... Я, по бедности, – духами „Ландыш“. „Огни Москвы“ были очень популярны, но подороже, шли в синем таком флаконе. Позже появились „Красная Москва“, „Красный мак“, „Пиковая дама“...

– А косметика? Прически?

– Тогда не было принято... девушки не красились... Замужние, те могли пройтись по носу пудрой „Лебедь белая“, ну, губы тронуть помадой... А прически... Многие зачесывали волосы наверх, да еще запихивали их в какую-то сеточку, это очень старило...

Да, так – улица Карла Маркса... На ней всех знакомых можно было встретить; останавливались, обсуждали новости, сидели на скамейках вдоль бульвара – крепкие такие скамейки с приземистыми чугунными ножками, с выгнутыми спинками... Тут же зарождались и рушились романы, вспыхивали семейные сцены, в Сквере собирался кружок болельщиков футбола, оттуда несло оживленное обсуждение очередного матча: спортивные термины вперемешку с матом.

– А танцы-шманцы?

– Ну, в ОДО, в Окружном Доме Офицеров, трижды в неделю работала танцплощадка – в среду, в субботу и воскресенье, с 9 утра до позднего вечера... Плати рубль и танцуй себе, сколько влезет – танго, фокстроты, вальсы... Ты что, не помнишь парк при ОДО? Он огромным был, очень зеленым, с экзотическими растениями, розарием, клумбами...

– Там ведь и летний кинотеатр был, и эстрадные артисты с концертами выступали?...

–...а по вечерам у входа в парк играл духовой оркестр ОДО. Обстановка была страшно романтичная: звездное, прекрасное ташкентское небо, все напоено любовью... Замечательная музыка издали кружила, – например, вальс „На сопках Манчжурии“... Так молодежь зазывалась в парк: офицеры, солдаты, студенты... Понимаешь, время еще было довольно тяжелым, те, кто вернулся с фронта, – наше поколение, – учились, работали, все еще недоедали и недосыпали... но как-то все же по-своему были счастливы. Многие были уверены, что мы живем в самой прекрасной стране, которая победила мировое зло фашизма, ну и так далее...

– А вы что, все идейные были?

– Как тебе сказать... Те, кто умел думать, обобщать... да просто – видеть, понимаешь, просто видеть – это ведь тоже надо уметь... Например, судьба Нины Закржевской, моей сокурсницы: ее отца – он был начальником Среднеазиатской железной дороги – арестовали в тридцать седьмом и сразу расстреляли. А мать взяли через месяц. Остались девочки – Нина, ей было двенадцать, и старшая Наташа, четырнадцати лет. От них шарахнулись все родственники, за свои шкуры испугались. Квартиру отобрали,

девочки оказались на улице... Взяла их к себе узбечка, молочница. И сестры прожили у нее на балхане год, пока Наташа не пошла работать. Она и Нину вытащила, заставила поступать в университет... А мать их нашла, еще когда сидела. Выжила – знаешь за счет чего? Она закончила Бестужевские курсы, а бестужевки учили стенографию. Так что в лагере она оказалась единственной стенографисткой. Этим подонкам, лагерному начальству, надо было стенографировать все их сходки. Так вот, она выжила благодаря стенографии... Смешной в этой истории эпизод: старшая ее дочь, Наташа, вышла замуж за хорошего парня. Ну и зять написал незнакомой своей, заочной лагерной теще письмо – как, мол, любит ее дочь и все силы приложит... и так далее. В ответ мать присылает настоящий разнос: „Наташа! Обращаю твое внимание на то, что в письме твоего мужа допущены две синтаксические ошибки! Это недопустимо! Поработай с ним!“... А освободилась она, когда мы учились на четвертом курсе... И это тоже, скажу тебе, история... Она просто написала дочерям, что, мол, скоро приеду... но не назвала точной даты. Когда поезд подъезжал к Ташкенту, продала на какой-то станции пальто и на эти деньги – прямо на вокзальной площади – зашла в парикмахерскую, сделала завивку, маникюр... И только тогда поехала к дочерям. А?!

– Вот это женщина!

–... а на другой день мы, сокурсницы Нины, купили огромный букет бульдонежей, помнишь, белые такие шары-цветы, весной продавались в ведрах на каждом углу... и пошли к ней с цветами...

–...ну, это, знаешь, тоже поступок нехилый...

– Да нет, в Ташкенте как-то было... легче жить... Мы меньше боялись... Может, солнца было много, а в нем ведь, как теперь выясняется – серотонин содержится, да? – ну, тот гормон, что лечит страх, облегчает сердце... Так вот, это солнце, эти платаны в парке ОДО... листья величиной с тарелку... музыка танго...

– Мам, а под что еще вы танцевали?

– Под „Брызги шампанского“, „Утомленное солнце“, „Дождь идет“... Под „Рио-Риту“... Еще пели: „Если любишь – приди, если хочешь – найди, этот день не пройдет без следа, если нету любви, ты меня не зови, все равно не найдешь никогда“... А заканчивался вечер танцев таким фокстротом, он назывался „Вышибальный – по благу“. Никто не знал его настоящих слов. Кто-то из пошляков сочинил что-то эдакое: „По благу, по благу, сестра пульнула брату, а мама – адвокату, и все пошло по благу. А папа сердится и все ворчит, а мама лыбится и все молчит“... Такую вот белиберду напевали себе под нос в заключение вечера...

– А я помню, у соседей была радиола и футляр веером, там лежали пластинки...

–...ну, ты-то все время пела! Уже в три года ты исполняла „Бэса мэ мучо“ очень музыкально...

– А еще, помню, однажды вы взяли меня на последний сеанс в летний кинотеатр при ОДО, на фильм... – не помню названия... – там играла страшно популярная Симона Синьоре!..

– „Путь в высшее общество“ назывался... Да, были сумасшедшие очереди, с милицией... А ты что, правда все это помнишь?

–...еще помню фильм с концертом Ива Монтана; я сидела между вами на длинной скамейке, болтала ногами и, задрвав голову в открытое небо с обалденными звездами, слушала, как он поет эту, твою любимую – „Опавшие листья“...

– О-о, да-а-а... „Листья летя-ат, сад облета-ая, низко к земле-е прислонился ду-уб“...

– „...слова любви не замира-ают, они готовы сорвать-ся с губ“

26. (стр. 126)

Катя, между тем, оделась и, судя по всему, собиралась куда-то основательно — раскрыла свой черный фанерный чемодан и складывала в него вещи стопкой.

— Ты куда? — насторожился Семипалый.

Она подняла голову, скинула с лица прядь пепельных волос и сказала мягко, почти благодушно:

— Я ж тебе сказала — надоел. Тошно с тобой... Командуй вон Сливой... Пинцем... А то вели Жабе убить меня, как вы того, возле будки, убили.

— Заткнись! — он отшвырнул простыню и вскочил на ноги. Сказал вразтяжечку, как тогда, у будки:

— Не горячись, Катя... уйдешь, когда захочешь, как человек. И шмотки все забереешь... Кольцо тебе куплю с камушком... Только уговор — ребенка отсюда не унесешь...

Катя глядела на него с изумленной, застилающей глаза ненавистью. Ах ты, Юрькондратьич, тварь семипалая! Как же ты, между тем, боишься меня! Да и не меня, вернее, а свое же семя! Нет, дружок, и живот от тебя унесу, и оберу, и заложу весь твой гадюшник... Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, от могилы на Пискаревке... от подвала эвакогоспиталя... А от тебя, сука семипалая, подавно уйду...

Он осторожно подвигался к ней, протягивал правую руку, говорил что-то, уговаривал... Хотел по-хорошему? Нет, было в его говорке что-то страшненькое.

— Боишься меня? — хрипло спросила она и оскалила гладкие свои белые зубы в улыбке. Отступила, оглянулась мельком — близко ли дверь, — подобралась вся, как для прыжка, и сказала:

— Правильно, бойся! Подпалю я тебя. Не обижайся!.. Вот что хотела сказать.

И прежде чем он кинулся на нее, успела вертким обманным движением, подавшись вправо, ринуться назад, мимоходом лягнув стул в живот Семипалому, шибануть дверь ногою и вылететь на улицу...

27. (стр. 133)

Тащил на себе Слива большущий узел, и по этому узлу Катя поняла, что пришел он «по-хорошему».

— Здравствуй, Катя! — приветливо воскликнул он, подмигивая красноватыми отечными глазками...

Она молчала. Страху не было, вот что удивительно. Наверное, отбоялась, вычерпала страх до доньшка, когда барахталась в тоскливых парных туманах горячки.

Она смотрела на тщедушного Сливу и понимала, что этого Семипалый на мокрое дело не стал бы посылать. Вот разве — черную метку принести. Значит, есть еще время...

— В дом не зовешь? — спросил он, криво улыбаясь.

Катя молча поднялась с лавочки и, толкнув дверь, вошла в барак. Слива — за ней, с узлом за плечами.

В комнате он присел на краешек табурета, словно показывая, что он — так, на минутку присел, и сказал, поглаживая колени растопыренными ладонями:

— Ну, Катя, погостевала у чужих и будет. Собирайся домой.

— Это куда — домой? — ровно спросила она с непроницаемым лицом.

— Как — куда? К Юрькондратьичу... дребаный шарик...

— А что за тюк ты принес?

— А!.. Так это ж... — он сбросил на пол узел и торопливо подпихнул его Кате. — Вещи твои... Катя... Шуба, платья, там, кофты-мофты всякие...

И пока она развязывала узел, разворачивала его, — все там было; внизу, под шубой, лежал завернутый в бумагу паспорт, — говорил торопливо:

— Юрькондратьич послал... Беспокойся — как ты, мол. Без вещей, разута-раздета... Деньги велел передать... — Он полез в карман пиджака. — Вот... Полкуска...

Катя сказала насмешливо:

— Деньги, это хорошо. Давай сюда...

Забрала пачку и спросила, следя за его лицом, за суетливо шныряющими отечными

глазками:

— А это как же получается, Слива... — вроде и зовет он, а тут же вещи отсылает. Хитрая какая-то штука. Деньги-то зачем, если назад зовет?

— Так это... дребанный шарик... — он таращил глазки, отдуваясь и старательно играя задушевное беспокойство Катиным положением. (Плохо играл. Эх, Семипалый, дрянцо твои порученцы!)

— Это уж... как тебе вожжа попадет... — он засмеялся натужно... — Юрькондратьич так и сказал — мол, неизвестно, захочет ли вернуться, а вещи все равно отдай, потому что не намерен Юрькондратьич мелочиться с тобой, Катя...

Он даже вспотел, исполняя обязанности парламентаря.

— Только ты, Кать, пойдем! Очень он просит. Истомился... Катя молчала, переводя взгляд с узла на Сливу, на его руки, поглаживающие колени.

Все поняла вдруг, в секунду. Вдохновение какое-то накатило, или черт его знает, как это назвать. Молчала, потому что мысленно проверяла еще раз план Семипалого, и удивлялась себе — что сразу разгадала. Неужели она умнее Семипалого?

— А что, Жаба вернулся? — наконец спросила она кротко, не глядя на Сливу.

— Вернулся Жаба, — кивнул тот. Расслабился, старый болван. Решил, что дело готово, ну и болтанул лишнее. Запнулся, вскинулся настороженно:

— А чего ты — про Жабу? Чего тебе — Жаба? Ты, Кать, не бери худое-то в голову. Ошалела ты совсем, Кать! Чего ты?!

— А то, — сказала она спокойно, проводя языком по растянутым в полуулыбке губам, — что пойду я с тобой к Семипалому, а там меня Жаба дожидается. Он же у вас заплечных дел мастер?

Слива оторопел, кровь кинулась в лицо. Дьявол-девка!

— Тьфу, дура! — крикнул он. — Чего выдумала, дура!

— А ночью на огороде закопаете, — продолжала Катя. Лицо ее было совершенно спокойным. — Или в уборную спустите — вот это уж точно не скажу... А сунется милиция — так он в полном порядке: расстался с Катей по-хорошему и вещи отослал, и деньги она взяла... и Циля подтвердит, что деньги — вот они... А Жаба опять на год сквозь землю провалится... Придумано складно...

— Психованная ты, Катька!

— Складно придумано... — медленно повторила она... Ярость поднималась в ней, как газировка в откупоренной бутылке. — Только передай Семипалому, чтоб Гегеля хорошенько учил.

— Кого? — нервно спросил Слива, напрягаясь запомнить незнакомую еврейскую, как он понял, фамилию и думая, что для дела это очень важно.

— Или еще кого-нибудь с его этажерки.

Взгляд ее упал на узел, оттуда торчала голубая ляжка бюстгальтера. Она вдруг хохотнула, дико, озорно:

— Слива! — крикнула, смеясь, — ты же лысый, Слива! Что ж ты без головного убора ходишь, голову же напечет! На тебе чепчик!

Вскочила, выхватила из развороченного узла лифчик и с размаху нацепила его Сливе на голову.

— На память! Чтоб помнил меня!

Тот от неожиданности не сразу стянул с лысины эту срамоту. И когда снимал, запутался ушами в ляжках и застежках. Встал с табурета, остервенелый, и перед дверью пробормотал, трясаясь от злобы:

— Ну, повеселись, повеселись чуток...

Она подскочила к нему и еще громче захохотала, истерически, в его красные свинячьи глазки, и хохотала долго, топоча ногами до изнеможения, чтобы Слива слышал ее веселье, пока идет по двору.

Потом смолкла на мгновение, прислушиваясь к тому, как шумно разгоняется кровь

по венам, стучит в висках, бухает в сердце.

Отерла слезы.

— Все! — приказала себе шепотом. — Быстро! Быстро-быстро-быстро!

В ее распоряжении были минуты. Сейчас Слива побежит и доложит, что дома она одна.

28. (стр. 146)

— Здравствуй, баб Лена, — сказала мать прищурившись. Старуха так и осталась стоять на стуле, молча глядя на вошедших.

— Что-то... не признала... — пробормотала она. — Катерина, что ли?

— Ну-ну, признавай скорей, — усмехнулась та, опуская ребенка на пол. — Горю нетерпением обняться.

Старуха, судя по всему, не горела нетерпением. Она, кряхтя, слезла со стула и подошла ближе, искоса поглядывая на толстенькую румяную Верку.

— Ну, здравствуй, — сухо проговорила она. — А я уж думала, ты насовсем уехала...

— А вот это беспричинные мечты, — едко засмеялась мать. — Куда мне насовсем уезжать? У меня нигде никого нету. Кроме вас! — добавила она жестко. Бабка Лена пропустила последние слова, бросила на стол мухобойку и сделала озабоченное лицо.

— А Юра-то уехал, Катерина, вот какие дела... И не сказал даже — куда...

— Ой! — притворно испуганно воскликнула мать, — Ой, ну надо же, беда какая — и не сказал куда! — она оборвала причитания и добавила спокойно: — В Харьков он уехал, баба Лена, и хрен с ним. Скатертью дорога, не это важно. Важно, что комната его не уехала. Верно? Будет где жить нам с Веркой. Все-таки дочь его. Внучка, между прочим, твоя, баб Лена. Глянь, ваша порода, исподлюбников.

Она наклонилась и, шлепнув Верку по заду, подтолкнула ее к незнакомой бабке. Но Верка заупрявилась, сунулась мордочкой в подол материнского платья и обняла ее колени.

— Не испугала. У меня таких внуков пол-Ташкента бегают, — возразила бабка Лена.

— Возможно, — с ласковой злостью согласилась мать. — Возможно, бегают. Только от этой ты никуда не убежишь.

Бабка Лена аж зашлась от такой наглости.

Хотела она казаться спокойной и уверенной. Хотела дать понять этой бесстыжей девке, что не на тех напала, нет: на тебе родню! на тебе комнату! на тебе порог! Суровое достоинство — вот что должно было противостоять наглým притязаниям Катьки. Но это суровое достоинство как-то осыпалось, крошилось, выдувалось, словно ветром, той силой, незыблемой правотой матери и ребенка, с которой явилась сюда Катерина.

Девчонка обнимала крепкое материно колено, запрокинув светлую крупную головку с выпуклым лбом, тянулась вверх, пытаясь карабкаться по Катиной ноге.

Мать нетерпеливо отцепила руки дочери, легонько отодвинула ее коленом.

— Давай договариваться по-хорошему, — предложила она взбешенной бабке. — Чего нам собачиться? Комната все равно пустая стоит.

Эта ее уверенность совсем взбесила бабку:

— Стоит. Пустая! Только не про тебя.

— А про кого?

— А ни про кого! Уехал хозяин. И ключа не оставил. И точка в разговоре.

— Нет, — тихо сказала Катерина, шагнув к ней, — нет... — и было что-то в ее голосе, от чего бабку мороз по коже продрал, и вдруг вспомнила она, что одна дома, совсем одна. — погоди, старая сволочь, точки ставить.

Она мягко подалась к столу и так же легко, словно невзначай, схватила мухобойку.

— Хорошая мухобойка, — сказала она вроде бы задумчиво. — Это не Юрькондратьич ли мастерил, случаем?

— Да нет у меня ключа, нет! Чего привязалась?! — пронзительно и испуганно крикнула бабка, не сводя глаз с мухобойки в налитой, крепкой Катиной руке.

— А я вот сейчас погляжу, — миролюбиво сказала Катерина и со всего размаху хрястнула добротным домашним изделием по стеклянным дверцам буфета. Посыпалось разбитое стекло, зазвенела битая посуда.

— Спасите... — пробормотала бабка Лена, хватая воздух трясущимися руками.

— Бог спасет, — откликнулась Катя и с холодной яростью долбанула еще пару разочков, что под руку попало из бьющегося.

Бабка Лена обмякла и села на пол. Ей уже было не до посуды. Правую половину тела она вдруг перестала чувствовать, а также померкла и половина комнаты, справа. Сердце оборвалось и вдруг сильно стукнуло в ушах, и еще, и еще раз... Она смутно, издали слышала звон и треск, и видела, как встала над ней громадная Катерина и спросила далеким задушевым голосом:

— Дашь ключ? Или огладить тебя разок?

Бабка Лена хотела сказать ей, чтоб не била, что ключа и вправду нет, не оставил, мол, сын ключа-то, но не успела — всхрапнула, задергала головой и завалилась за угол буфета...

...Выронив мухобойку, Катерина стояла над бабкой.

В летней теплой, зудящей мухами тишине возникали и таяли какие-то шумы продолжавшейся жизни — проехал по переулку грузовик, залаяла чья-то собака, хлопнула калитка в соседнем дворе...

— Тетя упай, — вдруг сказала Верка серьезно, и мать вздрогнула от ее голоса. — Бо-бо тетя...

Между тем достаточно было одного взгляда на старуху, чтобы понять — никогда уже ей не будет «бо-бо».

Она лежала неподвижно на боку, багровым отечным лицом уткнувшись в стенку буфета.

29. (стр. 159)

Года через полтора Катя столкнулась в гастрономе с Лидией Кондратьевной. Вернее та окликнула ее сама и даже вышла из очереди в кассу. Катя сначала отшатнулась, словно от удара, ощутила жар в сердце и обреченную тоску... Но Лидия Кондратьева выглядела очень обрадованной встрече, обняла Катю, сказала:

— А у меня, Катя, мама умерла.

— От... чего? — натужно спросила та, цепenea от тошнотворного ужаса.

— Инсульт. Мгновенно! Я на работе была, а она одна дома. Видно, забралась на стул, мух бить, ну и не удержалась, упала. Да прямо на буфет. Посуда вся вдребезги... Знаешь, прихожу — кругом осколки, черепки, а в углу мама лежит... Вот так... ужасно. Ужасно, что в последнюю минуту с ней никого не оказалось. Может, что сказать хотела, передать...

«Хотела она, как же, — подумала Катя. — Ее и удар шарахнул от ненависти, что я имущество попорчу...»

И Катя проглотила комок ужаса в горле и понемногу разговорилась тоже, хотя и весьма осторожно. Как там Коля и Толя? Спасибо, занимаются оба в техникуме, стали серьезнее и в общем выправляются...

— Катя, — с задушевной интонацией продолжала Лидия Кондратьевна (не притворялась, Катя всегда это чувствовала), — ты же хочешь о Юре спросить? Он, знаешь, подумывает вернуться из Харькова в Ташкент, все-таки, — тебе-то известно! — у него здесь были дела налажены... А там никого почти не осталось... Трудно жизнь строить заново... Но... — Она взглянула прямо Кате в глаза: — Я тебе как женщина женщине, Катя: не жалею о нем. Он дурной человек, хоть и брат мне. Дурной, злобный... Да ты и сама помнишь, как он ко мне, — к родной сестре! — относится. Все не может мое

замужество простить. Я же, Катя, вышла замуж за его лютого врага. Вернее за того, кому он сам лютым врагом сделался. И причина-то какая смехотворная: оба они теннисистами были, в одной студенческой команде... То ли на соревнованиях что-то не поделили, то ли еще какая-то чепуха... Вот уже сколько лет, как мужа нет в живых, а братец все счета со мной сводит... Не стану вдаваться, но бога благодарю, что ты от него избавлена!

Катя кивала с сочувствующим бабьим лицом, поднимала брови, ахала, качала головой...

Внутри закаменела вся...

О Верке не сказала ни слова.

Ни слова.

30. (стр.173)

«...О Ташкенте? Погодите... Вы меня врасплох застали... Да и странно, ей-богу, там ведь полжизни моей прошло, как я могу — в двух словах? Давайте я напишу, ладно? Я сочинения в школе писала неплохо, даже учительница зачитывала. И потом, это мысли организует... Ну, и все-таки я какой-никакой издатель, пусть маленького, частного, как говорят здесь — русскоязычного, но уже много лет выживающего издательства... Так что:

„...Лично я родилась в самом центре Ташкента.

Когда расширяли Аллею парадов, местную Красную площадь, мой роддом снесли и поставили на этом месте памятник Ленину. Потом, уже после моего отъезда в Израиль, свежие ветра политических перемен смели и памятник, а на пьедестале установили большой стеклянный шар — ташкентцы, естественно, съязвили: „Ленин снес яичко!“

Жили мы на маленькой улице Северной, недалеко от Театрально-художественного института. Архитектурой эти окрестности не блистали: дома — глиняные мазанки... Но было какое-то обаяние в нашей улочке, укрытой зеленью, тихо звенящей арыками...

На плоских крышах спали в жару целыми семьями... А на исходе лета пацаны поднимались на крыши — собирать виноград с тех плетей, которые туда взобрались... Самым вкусным было получить полуподсохшую кисточку уже заизюмившегося винограда из рук сборщиков.

А вообще фруктовые деревья сажались не только во дворах. На улицах тоже высаживали вишневые, урюковые, миндальные или сливовые деревья. Особенно красиво было весной, когда все цвело белым, розовым, лиловым цветом, и осенью было красиво: повсюду красно-желтые листья шуршат... Дворники сметали их в кучи и разжигали на рассвете костры...

Но главная особенность ташкентских улиц — чего ни в одном городе я больше не встречала — это арыки. Они разделяли проезжую часть и тротуар. На центральных улицах их бетонировали, а на всех других — просто бежала вода в глиняных бережках. И поливали улицу этой водой, и прохлада от нее шла. И конечно, в ней играли дети. В жаркий летний день подоткнешь юбку или закатаешь штаны выше колен — и броди босиком по прохладной воде сколько влезет. А еще в арыке можно было набрать глины и поиграть в туляй — это лепешка из влажной глины, ее бросали о тротуар. Если в твоём туляе возникла дырка, можно отщипнуть кусок от соседского и дырку заделать. У кого в итоге получался самый большой туляй, тот и побеждал.

...Вспоминаю наших соседей — кто на этой маленькой улице только не жил, кого там только не было: по официальной переписи населения в Ташкенте обитали девяносто восемь наций и народностей! Стихийный интернационал, „Ноев ковчег“... Удивить кого-то тем, что ты армянин, айсор, еврей, грек, татарин, уйгур или кореец, было трудно.

Молочница, носившая нам козье молоко, была украинкой. К ней однажды приехала в гости дочь с маленьким ребенком. Еврейка бы тут же заявила, что это лучшее дитя на свете. А украинка выразилась откровенно: „Ой, Лыду, яке ж воно в тэбэ дур-нэ!“ Стоявшие рядом узбечки тут же закачали головами и сказали, что ребенок выправится. „А я говорю — дурнэ!“ — припечатала бабушка.

Как-то мы общались на всех языках понемножку. До сих пор помню, как с соседкой, татаркой по имени Венера, мы убегали от здорового гусака и во все горло кричали по-татарски:

„Ани! Карагын!“ („Бабушка! Погляди!“) Иногда меня „подкидывали“ на вечер соседке, узбечке Каят. Та только посмеивалась: „Менга бара-бир — олтитами бола, еттитами!“ („Мне все равно — шесть детей или семь!“) Несколько фраз каждый из нас знал на фарси, идишскими ругательствами щеголяли на улице с особым шиком; выражение — „Шоб тоби, бисова дытына!“ тоже вошло в мой лексикон с детства. В общем, те еще были полиглоты...

Евреи о политике при детях старались не говорить („Ша, здесь ребенок!“). А греки-политэмигранты о политике могли говорить везде и всегда. Если два грека вцеплялись друг другу в лацканы пиджаков и громко кричали, это не значило, что один оскорбил другого. Это так они говорили „при политики“ (о политике). Им было хуже: дети греков понимали все, о чем говорят родители. А еврейские бабушки и мамы для конспирации переходили на идиш. Из чистой вредности я выучилась кое-что понимать. Во всяком случае, когда однажды бабушка принялась мыть косточки соседке Гале (мне было лет тринадцать): „Са ене Галька! Зи шлофт мит цвей мужчине!“; я с лукавым удовольствием поправила: „Бабуля, мит цвей менчн!“ — „А ты откуда знаешь?“...

И уж евреи в Ташкенте были всех мастей: ашкеназские, бухарские, горские, крымские. Моя подружка, „крымчачка“ Хана, спросила однажды: „А вы какие евреи? Русские?“ — „Да, а что?“ — „Вы русские, а мы — настоящие“. — „Так и мы не игрушечные!“ — я никогда не оставляла за кем-то последнего слова.

Когда мною овладевала охота к поездке в трамвае, я начинала канючить: „Бабуль, поехали на Воскресенский!“ Так коренные ташкентцы называли место, где когда-то был Воскресенский базар (около Воскресенской церкви, в здании которой разместился кукольный театр). На площади уже давно бил фонтан в форме хлопковой коробочки, и стоял построенный пленными японцами по проекту Щусева театр оперы и балета имени Алишера Навои, а старое название еще жило.

Чего только не было там, на Воскресенском! Петушки на палочках! Разноцветные блестящие прыгучие шарики на резинке!

Вертушки! Соленый и сладкий миндаль в фунтиках! Можно было обойти фонтан кругом, по барьеру, держась за бабушкину руку. Можно было опустить руки в воду и брызгаться. А чтение афиш чего стоило! — „Бабуль, кто такая Баядера?“ — „Это не из нашей жизни!“

Однажды моя бабушка — она всегда и всех жалела — подобрала на улице беспризорную бабульку, которая ушла от собственной дочери. Потом конфликт с детьми (опять же стараниями бабушки) был улажен, но какое-то время Зинаида Антоновна жила у нас. Оказалась выпускницей Смольного института и взялась прививать мне хорошие манеры. Это было необычайно забавно! Реверанс делать я выучилась с легкостью. А однажды, когда вернулась с улицы в перемазанных глиной трусах, она нахмурилась и послала меня немедленно помыться и переодеться: „Деточка, запомни: у дамы белье должно быть, как для свидания в Версале!“ Что такое свидание, а тем более Версаль, я спрашивать не стала, но фразу эту запомнила на всю жизнь.

Еще более причудливый тип представляла собой наша соседка в доме напротив — Вера Ильинична. Ее муж работал парикмахером, а она вела дом — пироги пекла чуть ли не каждый день. Половину готового пирога делила на кусочки и разносила соседям, умоляя попробовать: на блюдце — салфеточка, на салфетке — кусочек пирога. После землетрясения сын увез ее, уже овдовевшую, в Москву. И представляете? — она пыталась угощать своими пирогами угрюмых и замкнутых москвичей, жителей одной из многоэтажных башен на Проспекте Вернадского: звонила в дверь соседской квартиры и стояла на пороге: на блюдце — салфеточка, на салфетке — кусочек пирога. На нее

смотрели как на безумную. Но никакие увещевания сына, что в Москве так не принято, не помогали: соседей надо угощать.

Жили на нашей улице и узбеки.

Участковый милиционер Гафуров обитал неподалеку в своем каменном доме, и как не выглянешь на улицу, — на рассвете или в сумерках, — он идет походкой хозяина то по одной, то по другой стороне...

Напротив жила семья профессора Аскарова. Сам профессор к тому времени сбежал к молоденькой аспирантке, а его первая жена Каромат Исламовна с кучей детей остались в доме. Приходила к нам красавица Каромат, садилась на крыльцо, обмахивалась подолом широкого узбекского платья из хан-атласа, демонстрируя цветные шальвары, жаловалась бабушке на жизнь: „Полина Семеновна, как мне все это надоелся!“

Вообще взаимоотношения с узбеками были у нас в те времена самые душевные. Помню свою старшую сестру, одетую в узбекское платье с бархатной жилеткой, — она на утреннике должна была танцевать узбекский танец. А я обожала надеть платье с карманами и в праздник Навруз ходить с узбечатами по домам — песни петь, получая за это что-нибудь сладкое.

Или зайдешь к соседке, чтобы позвать ее дочку играть на улице, а она тебе — кусок лепешки в руки, или изюма горсть, или орехов. Или слышишь: „Чой ичамиз!“ („Чаю попьем!“) Гостеприимство — один из важнейших законов узбекской жизни. И в нас, в европейцев, или, как говорил один папин сослуживец — „колониальных белых“, — это тоже с годами въелось, так что стало общеташкентским стилем жизни.

Однажды посадили меня соседи за большой дастархан, плов есть. А я возьми да и попроси ложку. Моя подружка Насиба рассердилась: „Ты что, плов есть не умеешь?“ Плов полагалось есть руками, сложив пальцы горстью и подгребая помаленьку к себе. Освоить это искусство — не ронять ни рисинки — было не так-то просто, но необходимо: вдруг позовут на свадьбу или на угилтой — обрезание, а ты плов есть не умеешь! И брезгливость надо отбросить за ненадобностью, если хозяин решил угостить тебя со своей собственной руки. Как говорил наш сосед, дядя Рахматулла: „Кизимкя, кушай, мусульманский рука чи-и-истий!“

Хотя ради справедливости надо заметить, что восточная гибкость, какая-то восхитительная приемистость к перемене обстоятельств у мусульманских наших соседей поражала уже и тогда, когда этот советский интернационал казался самым прекрасным, незабываемым и единственно верным образом жизни. Одно из наших семейных преданий рассказывает, что в свое время, в 1952 году, когда Сталиным готовилось выселение евреев на Дальний Восток, к нам ночью через дувал перебралась соседка и пыталась выторговать у бабушки дом: „Полина, тебе вигонят и ни копейка денги не дадут. Лучше продай!“

А в хрущевские времена у тех же дувалов паслись бесхозные ослики. Вышел такой идиотский указ — запрет на содержание крупного скота в городских домах. Что делать? Коров прирезали, а ишаков куда? Просто повыгоняли...

А в хрущевские времена у тех же дувалов паслись бесхозные ослики. Вышел такой идиотский указ — запрет на содержание крупного скота в городских домах. Что делать? Коров прирезали, а ишаков куда? Просто повыгоняли...

Переломным моментом в истории Ташкента стало землетрясение 1966 года. Многие рассказывают, что были трещины в земле, — такого не припомню. А вот как гудела земля перед толчком — помню отчетливо. Бабушка, перед тем как выскочить во двор, аккуратно застелила кровать, и это годы спустя вспоминали в семье с неизменной улыбкой.

Говорили, что не такие уж тотальные были разрушения, чтобы с лица земли весь город снести, но, видно, где-то там, „наверху“, решили сделать из землетрясения образцово-показательное мероприятие, апофеоз дружбы народов, не понимая, что настоящая дружба народов — это и было то золотое равновесие, которое являл старый Ташкент, великий Ноев ковчег, в котором ругались, любили, дрались, воровали и праздновали — каждый свои, а заодно и чужие — праздники, и плыл он себе в океане

вечности, рассекая волны; плыл, неся на своих палубах всю свою живность, всех чистых и нечистых, равных и неравных, а главное, всех, кому в нем было хорошо и кто не помышлял покинуть его, палимые зноем, палубы...

Ну и навалились всей страной.

Целые кварталы типовых застроек вырастали на пустырях за считанные месяцы. В центре города поставили бронзовый памятник: мускулистый мужчина в тубетейке, а за его спиной — женщина с ребенком. Он протягивает руку жестом, как бы ограждающим от беды, но слишком уж похожим на отталкивающий.

Сей монумент тут же прозвали: „Памятник отцу-алиментщику“.

А к другому памятнику — Юрию Гагарину в одноименном сквере — сочинили эпиграмму: „Тебе, Ташкент, Москвой подарен огромный хрен, на ем — Гагарин“. Так-то: нам, ташкентцам, палец в рот не клади! Наш сосед дядя Гриша сходил посмотреть на этот памятник и вернулся недовольный: „Это ж безовкусица!“

Конечно, наша жизнь была не такой идиллической, какой издавна вспоминается. Молодые узбеки пытались приставать практически к любой „европейской“ девушке. Пойти, скажем, на ежегодный карнавал можно было только в большой компании, одной — ни в коем случае, замучают приставаниями. Вообще, в Ташкенте были места, куда женщине лучше было не соваться. В частности, в чайхану — это была мужская вотчина. В чайхане не только ели и пили чай. Там и травку покуривали... — вился, вился запашок, отпугивая чужих, — кого, может, и тянуло заглянуть в чайхану, выпить зеленого чаю в жаркий день.

В чайхане, кстати, часто устраивали состязания острословов — „аскию“. Один смешное слово скажет, другой подхватит — и все хохочут. А хохотали узбеки так смачно, что непривычные люди на улицах вздрагивали. Высмеять, подшутить — это было в народных традициях, обижаться при этом не полагалось, надо просто немедленно отбрызнуть задиру ответной шуткой. Словом, что-то вроде кавээновской разминки, только без тридцати секунд на обдумывание.

Недавно я вспоминала свои детские книжки издательства „Юлдуз“: герои русских сказок там были уморительно похожи на узбеков. До сих пор помню скуластую Марью-царевну с бровями „чайкой“ и слегка раскосыми глазами...

Мне часто Ташкент снится: платаны, карагачи, тополя... воздух его, вкусная вода... Светает, смеркается... — участковый милиционер Гафуров идет по улице...

И все снятся и снятся эти розовые корни деревьев, шепот арыков, нежный шелк струящихся в воде водорослей...

Наверное, человеку свойственна привязанность к местам своего детства и юности... Может, потому, что в них, как в зеркале, как на глади озера, запечатлен твой образ в те годы, когда ты был счастлив... А если и зеркала того уже нет? Если исчезли с лица земли те улицы и здания, деревья и люди, которые тебя помнили? Это неправильно, знаете... Города должны жить долго — дольше, чем люди. Они должны меняться постепенно и величаво, строиться основательно и не наспех, улицы и площади называться раз и навсегда, памятники — стоять незыблемо... Это плохо, когда человеческая память переживает память города, да еще такого обаятельного и милосердного города, каким был Ташкент, который всех нас берег и хранил, а вот мы его — не сохранили...“»

31. (стр. 260)

— Откуда ты все это знаешь?! — спрашивала она требовательно, пытаясь дознаться — уж не обманка ли все это, не бред ли, сочиненный в его пьяной голове... Но дядя Миша, во-первых, был в этот день «чист как слеза», во-вторых, голос его обладал такой спокойной убедительной властью, что она, как ни топорщилась, верила сразу всему! Например, когда, рассказывая о распаде империи Македонского, он добавил, что это — «удел всех империй, даже столь могучей, как наша...» — она не фыркнула сразу от такой глупости, а только спросила: «Это что, империя — наша Советская страна? Ты совсем

чокнулся?» — за что получила немедленно, прямо в кафе-мороженом, где они уселись после музея, заказав (она — впервые в жизни!) крем-брюле в широких стеклянных ладьях на тонких ножках, — целую лекцию о том, что можно назвать империей, и что такое колонии, и как они завоевываются, как контролируются, как отпадают от метро... метрополии... В процессе лекции на горизонте появилась и, обозначившись надутыми парусами, всплыла в окно забегаловки каравелла Колумба; конкистадоры обменивали бусы на слитки золота; пыхали огнем первые пушки (не такие, Верунь, как вот те, перед музеем; я потом тебе расскажу, как придумали огнестрельное оружие, но это надо с китайцев начинать)... и, наконец, с отборными отрядами русской армии появился здесь генерал Кауфман, расселся станом — в Тур-ке-ста-не, — проложил улицы, назвал их именами русских писателей и поэтов... даже оставил, среди прочего, название станции в Янги-юле — Кауфманская...

— Значит, мы — колония? — уточнила она. И он спокойно ответил:

— Еще какая! С плантациями, туземцами, белыми колонизаторами, которые забавным образом и сами стали рабами, и прочим таким, о чем я тебе когда-нибудь расскажу подробней. И будь уверена, что всему этому придет конец. Как и всем империям...

От Клары Нухимовны, которая со смиренным недоумением наблюдала новый поворот в Мишиной жизни, он вещи пока не приносил, но в воскресенье притащил шахматную доску, расставил фигуры и сказал:

— Веруня, оторвись от Атоса, он уже отдал тебе все лучшее, что имел за душой; и учти, среди порядочных людей все же не принято вешать женщин на деревьях, даже если у них случайно обнажилось плечо с клеймом воровки... Иди-ка сюда, я укажу тебе дверь в другие, пленительные сны... Вот это — король. Молчи! Все объясню... А это — королева...

32. (стр.264)

— ...дядь Миш, но ведь Мао Цзе-дун — наш друг? Он страдальчески морщится:

— Ну... да, Веруня... это — для школы... Но, конечно же, — нет, Веруня... какой он тебе друг? Бандит, негодяй, узурпатор... Так что теперь доживает Евгений Петрович здесь, где тепло и фрукты, со своей Данкой... И еще тут есть целая колония «китайцев», и у них, Веруня, надо бы тебе поучиться прекрасному строю русской речи. Обрати внимание, как красиво говорит Евгений Петрович: простые, удивительно пластичные фразы. Потом я тебе объясню — что такое «пластично»... А кстати, поселение Сегеди теперь — большой город Венгрии. И та советская дивизия, которая взяла во время войны этот город, так и названа — Сегединская гвардейская дивизия...

33. (стр. 268)

Она могла часами рассматривать вещество цвета на любой поверхности.

— ...и фиолетовый... — пробормотала себе...

— Веруня, — сказал он однажды задумчиво, — нужен английский.

— Кому? — спросила Вера. С прошлого года она проходила этот мерзкий мяукающий ситдаунплиз, который выучить было невозможно и незачем. И вообще, он что, с ума сошел — тут каждый день трясется земля, и дома приплясывают как пьяные...

— Тебе, — ответил он. — Когда-нибудь очень пригодится, и вообще, когда-нибудь, когда все мы станем свободными, будет просто неприличным не знать языков.

Она внимательно присмотрелась к нему... Свободными? Да что он, словно не вышел еще из лагеря... Вроде как трезвый... Обычно, когда он начинал нести такую вот ахиною, она подозревала, что он где-то уже добыл и наклюкался.

— Будем учить, — сказал он. — Мы с тобой каждый день будем запоминать одну фразу, хорошо?

Одну, подумала она, это еще ничего. Лишь бы он приходил, и никуда не делся, и в запой не ушел в этом каждодневном трясушем ужасе.

— I'm happy, Vera, that I have met you in my life...

По его высокому лбу метались солнечные зайчики. И вся беседка, с дощатой прохудившейся крышей, была исхлестана мечущимся сквозь листву деревьев разноцветным солнцем.

— Я счастлив, Вера, что повстречал вас в своей жизни... — проговорил он. — Повтори...

34. (стр.286)

Однажды он сказал:

— А знаешь, Веруня, здесь неплохо, правда... Здесь медсестра Анюта, например... очень славная девушка... Мы с ней калякаем о том о сем...

35. (стр. 292)

— Смотри на мать, когда тебя спрашивают! Вера отложила книгу:

— Ну?

— Я те понукаю! Дочь вздохнула.

— Мам. Чего ты хочешь?

— В психушке там... Какая-то душевная... разговорчивая, мол... Кто такая?

У Веры оборвалось сердце. Закружилось что-то. Как будто опрокинулось ведро, залившее холодной водой все внутри.

Интересно, что самому отчиму мать не сказала ни слова. И это тоже обеспокоило дочь.

Вечером, когда к матери заявился тот, ненавидимый ими обоими старик, с подслеповатыми воспаленными глазками, и мать ушла с ним в маленькую комнату — шептаться и править торг, Вера наклонилась к сидящему за починкой утюга дяде Мише и быстрым шепотом проговорила:

— Будь осторожен!

Она ожидала, что он удивится, станет расспрашивать... Но он как-то легко взглянул на нее и сказал:

— Я знаю! Она ко мне хвоста приставила... Вера так и осталась стоять с полуоткрытым ртом.

— Что... ко... кого?

Он хохотнул и мотнул головой в сторону маленькой комнаты:

— А вот, из этих... — и улыбнулся так же, как улыбался тогда, на Сквере, когда Маргоша-блядь разбегалась и била его ногой под дых, разбегалась и била...

— Да что ты придумала!

— ...он же сам рассказывал — душевная какая-то сестричка, заботливая... легкая рука...

— Ну и что?

— А то, что Файка, из пятой квартиры, вроде видала его с какой-то в городе...

— Да она спутала его с кем-то! Мать усмехнулась задумчиво:

— Его спу-утаешь...

И принялась затачивать ножницы...

Вера молча следила за точными мерными движениями ее руки... Отчего-то именно это мерное движение вызывало холодок в груди, хотя она отдавала отчет в том, что та еще и «представляет».

— Все это чепуха, сплетни! — проговорила она резко. — Дура твоя Файка! Человек, бывает, встречает кого-то на улице случайно...

— ...ну-ну... — отозвалась мать... — А то у меня-то рука не легкая...

36. (стр. 304)

Когда все разошлись и остались только Вера с Леной, Клара Нухимовна ушла к себе в спальню и сразу же вернулась, сжимая что-то в пухлом кулачке.

— Вот, — сказала она... — От Миши осталась одна вещица, Верочка. Я думаю, он хотел, чтоб она принадлежала вам, но как-то забыл... Вы ведь помните его состояние в последние годы...

И разжала ладонь, на которой лежал тускло-серый миниатюрный кулон-часики, обсыпанный по кайме циферблата мелкими стекляшками, на такой же серой, наверное металлической, цепочке...

— Не знаю уж, чего это стоит, думаю, для него это было просто памятью, маминой вещью... Правда, они не ходят... К сожалению, я ничего в этом не понимаю, знаю только, что Миша в детстве очень это берег, только за последние годы совсем забыл... Вот, лежит у меня в хохломской шкатулке уже много лет...

Вера взяла кулон в руки... Должно быть, старая вещь... вряд ли ценная, но есть в ней какое-то неприятное изящество...

— Да я ведь тоже ничего в этом не смыслю... — она пожала плечами. — И вряд ли дорогое украшение могло у него сохраниться. В военное-то время? Когда он, беспризорный, жил под мостом, на Саларе? Или потом, когда он вышел из лагеря и год болтался без работы?... Он бы пропил обязательно...

— ...Вот, представьте себе, в детстве, когда была опасность, Мишенька носил его за щекой, он мне рассказывал... И факт, что никто у ребенка не сумел отнять... Вернее, не догадался. А когда он сюда, ко мне, пришел впервые, то сразу и отдал. Пусть, говорит, тетя Клара, это будет у вас...

Леня взял в руки часики, повертел, снял очки и близко поднес к глазам...

— Здесь вроде есть какое-то клеймо. Надо показать специалисту... Я знаю одного человека, когда-то он занимался часовым промыслом... Договорюсь...

И опустил кулон в карман пиджака.

37. (стр.305)

Когда, уже поздно вечером, после поминок, Леня проводил ее до дома и они вошли в подъезд, Вера вдруг вспомнила, что утром-то он зашел к ней по пути на работу!

— Боже, — сказала она, — а ведь вы сегодня потеряли рабочий день! У вас будут неприятности, Леня! В конце концов вас выгонят из-за меня.

— Не выгонят, — успокоил он, — я отзвонил... К тому же я им там нужен до зарезу. Без меня они никуда...

И пока поднимались на четвертый этаж, и уже в квартире, пока она варила кофе, он рассказывал что-то о создании искусственного интеллекта какого-то там поколения... что-то о великих электронных горизонтах будущего, о том, что когда-нибудь любой человек сможет связаться с другим человеком в любой точке земного шара... Нет-нет, Верочка, не обычным телефонным образом... — Увлекся... Наверное, ему показалось, что она слушает (она никогда не вслушивалась ни во что из того, что не касалось сути ее жизни), а может, просто хотел ее развлечь... отвлечь... — в то время еще не догадываясь, что ее постоянно и интенсивно действующее воображение всегда безотказно и развлекает, и отвлекает ее, и ограждает от любых извержений мира.

...Она сняла джезву с огня, разлила по чашкам кофе...

— Как странно... — проговорила она, медленно доставая из пачки сигарету... — Не могу отвязаться от мысли, что если б тогда, на Сквере, я не подобрала его... он до сих пор был бы жив...

— Или не был... — вставил Леня, пододвигая ей блюдце...

— А я?... я без него уж точно оставалась бы дворовой маугли, и... вообще не знаю, где была бы сейчас...

— Да все тут же и была бы, — вздохнув, проговорил Леня... Вера, Вера... ничего вы о себе не понимаете...

38. (стр.307)

Несколько минут в комнате было тихо, потом раздался Ленин голос:

— Почему бы вам не купить приличную мебель, Вера? В конце концов, человеку свойственно стремиться к минимальному уюту... Я денег — и голосом подчеркнул: о-дол-жу! если уж не хотите так взять...

Она отозвалась из кухни:

— А зачем?

Он показался в дверях:

— Что — зачем?

— Стасику это было бы все равно... И дядя Миша никогда... Он с досадой дернулся — ответить, но промолчал. Вернее, решил обойти тему с другого боку:

— Вы, Верочка, вообще выбрасываете когда-нибудь на помойку барахло? Вот этот синий бант, экспонат трогательной истории детства, давно просится на...

— Это талисман, я же вам рассказывала... Я тогда, во дворе, мысленно приказала девочке отдать мне сумку и бант, и она отдала. Меня это потрясло... легкость совершения насилия потрясла. С тех пор берегу в назидание... Там еще была сумочка, мать отняла. Оставьте, пожалуйста, и не приставайте, хотя бы сегодня, с идеями преобразования моей жизни...

<...>

— Кто это? — спрашивал Леня над ее плечом.

— Стиляга один... — меланхолично отвечала она, добавляя большим пальцем правой руки немного красного в верхний левый угол холста. — Стиляга, Хасик Коган... Кок носил огромный...

— А что это у него, шляпа?

— М-м... — угу... А на шляпе — ворох сирени... Я и сама его сейчас только узнала...

Как ни смешно, это было правдой. Сначала на холстах ее возникала городская среда, которая порождала мельтешение воздуха, фигур, вибрировала оттенками солнечных пятен в глубокой тени... Лица же проявлялись сами, всплывая из колодца ее памяти... Иногда, только завершив работу, она с интересом опознавала — кому принадлежит лицо персонажа.

— А, вот это что-то новое!..

Она допила кофе, поставила окурком несколько черных точек на блюде, устало поднялась и вошла в комнату.

Он водрузил на мольберт еще не взятый в раму холст, и стоял напротив, то приближая лицо к картине и тогда снимая очки, то отходя шага на три...

— Я этого еще не видел... Очень здорово — такое напряжение цвета, нестерпимость, разлитая в воздухе... Просто какой-то алый сон! И этот странный черно-зеленый всадник, сросшийся с конем...

— Да это же кентавр... Я и назову так: «Кентавр на конопляном поле»... Здесь еще поработать надо... Запаха, запаха пока не слышно!..

— Это аллегория?

39. (стр. 309)

- Вот ты говоришь, что она тебя убивала с расчетом, а не из ревности... - начала она...

Дядя Миша вскинулся, взмахнул из гамака исхудалой рукой:

- Конечно! Ей нужно было скорее сесть за бытовуху, понимаешь? Иначе ей мог и вышак светить...

– За что? – с жадным интересом подалась она к нему.
– Ты меня сейчас опять будешь обрывать...
– Нет, не буду. Говори!
– Веруня! – просипел он торжественно и сразу закашлялся, зашелся в хрипах, а когда, минуты через три, успокоился, тускло проговорил, безжизненно глядя в парчовое, от густой листвы, небо над двориком:
– Твоя мать возглавляла сеть торговцев наркотиками...
На террасе Клара Нухимовна гремела кастрюлями, готовила обед на переносной газовой плитке... Одновременно в комнате ученица тарабанила в сотый раз заунывное упражнение на беглость пальцев. С соседней сливы на ветку яблони перескочила черная птичка майна, чиркнула головкой туда-сюда, осмотрелась...
– Непло-о-хо, – спокойно и насмешливо протянула Вера. – Я подозревала что-то в этом роде, но... такой размах? Все-таки мать – персонаж античных жанров... А ты уверен, что это не «фантазия в стиле блюз»? Ну, спокойно, спокойно, не кипятись! А то опять зайдешься в кашле...
– Послушай... – прошелестел он... – ты помнишь эти истории с выкидышами? Когда она возвращалась из своих таинственных поездок с приличным животом, а потом, в театральных корчах и муках, он куда-то девался?
– Но... погоди...
– Нет, это ты погоди! – он передохнул, достал платок, выхаркал в него с мучительным всхлипом что-то из глубины души... – Я, Веруня, бездетный... такие вот дела... А женщине перевезти на животе пару кило «пластилина» – это один из способов транспортировки гашиша, анаши... Она, конечно, не всегда ездила сама, так, в особо важных случаях... Когда речь шла о контроле над очень большими партиями... Судя по всему, в таких поездках «канала под „верблюда“» – простого перевозчика. В остальном на нее работали несколько ублюдков, которые, думаю, даже не догадывались – кто она. Знал только один – помнишь, иногда в доме появлялась странная личность, такой маленький сутулый старик с воспаленными глазками?... Она его называла почему-то «Сливой»... У меня было смутное чувство, что где-то я его раньше видел... Мы не могли понять – что ее связывает... думали, обычная ее деятельность: лифчики-колготки...
– Она тебе что, сама призналась? – недоверчиво спросила Вера...
Дядя Миша усмехнулся...
– Зачем же, я догадался... по некоторым признакам... Ну, и запах... Хотя они, производители, оборачивают пакет много раз... говорят, еще сухофрукты запах отбивают – курага, чернослив... И потом, я же, Веруня, химик все-таки... и столько лет с растениями связан. Так что, вот – *Cannabis sativa*, конопля обыкновенная... неприхотливое однолетнее растение... содержит каннабиновое масло, алкалоиды, мускарин... Произрастает в горах, и нужны ей большие перепады температур... И собирать смолу и пыльцу нужно в жаркий...
– Погоди! – воскликнула она вдруг с силой, хватая его за руку. – Пстой!.. В горах?!
– Она вскочила, быстро прошлась по кирпичной дорожке от гамака до двери во времянку, вернулась, нервно пританцовывая, щелкая пальцами.
– Значит, Стасик был прав, когда говорил об охоте за гашишем! Да я же видела это, видела своими глазами! В детстве... И все время считала, что это был сон. Она однажды взяла меня с собой в горы... Сначала мы ехали на машине, потом оставили ее во дворе одного дома, где-то в глухом кишлаке... Потом явился красивый, рослый – он мне тогда казался гигантом! – парень, дядя Садык... И – поле на склоне... с высоченными кустами...
– Да-да... конопля достигает больше двух метров в высоту...
– ...мне было года три-четыре, и я, видимо, устала, мать уложила меня спать на траве.

Просто расстелила свою кофту... А когда я проснулась, то увидела голого всадника на коне... Он скакал и хохотал...

–...Я только слышал, что есть такой экзотический способ сбора конопли... Обычно комбайнеры счищают с ковша своего экскаватора... Очевидно, в то время она только начинала... подручными средствами... Но смолу, как правило, собирают на кожаный пиджак или пальто – просто человек бегаёт по полю... потом скребками счищают...

– Да, да! – воскликнула Вера, опять, как маленькая, хватая его за руку, словно боялась потерять нить воспоминания, вернее, боялась, что дядя Миша исчезнет куда-то, увернется от разговора, который ей прежде никогда не был нужен, но от которого сейчас зависела новая картина...

– Он забыл пиджак, понимаешь?! Господи, вот сейчас все проявляется, как на фотографии... Ну да, он вроде забыл пиджак, или не отыскал его, что-то такое... – они ругались... Потом, когда уже оказались на месте... этот, молодой, дядя Садык... мылся над ручьем... и мать подошла, шлепнула его по голой спине и сказала: «А это чем не кожа!»...

И, знаешь, когда я проснулась... это было такое потрясение – багровое солнце, заливающее вершины снежных гор, блеск потного человеческого тела, единого, слитного с телом животного: полуконь-получеловек!.. Потом ужасно стонал, скрежетал зубами, когда с его спины и груди ножами счищали что-то вроде... пластилиновой корки... И между ладонями так, скатывали шарики... как курт...

Вера ошарашенно смотрела на дядю Мишу:

– Почему я это помню? Ведь я спала? Как я могу это помнить?

– Ты не спала... Просто запах конопли, дурман, – это ведь наркотическое вещество... А ты была очень мала... Да-а-а... – он покрутил головой, глухо пробормотал: «Из глубины взываю к тебе, Господи!»

– Что? – напряженно спросила она.

– Ничего... Это из Псалмов... – видно было, что дядя Миша устал от разговора. В последнее время он вообще очень быстро от всего уставал. – Она не учла твоей памяти и твоей впечатлительности... Впрочем, ты же тогда ничего не поняла...

– Но мне часто это снилось... – медленно проговорила Вера... – Моя память позаботилась о том, чтобы законсервировать картинку... до времени употребления...

Только я не понимаю – почему ты связываешь то убийство... (и она и дядя Миша – оба! – упорно продолжали называть тот кошмар убийством)... Ведь она все-таки любила тебя...

– Какая там любовь! – он поморщился, вяло махнул рукой, свисающей с борта гамака, как на давней пожелтелой открытке свисала с плетеного кресла рука художника Левитана... – Катя не способна любить... Просто она никогда не могла допустить, чтобы хоть что-то, ей принадлежащее, вдруг не оказалось на месте. Теперь уже я могу сказать тебе, – однажды она призналась, что не стала делать аборт, а родила тебя, только поэтому: ты принадлежала ей, была ее животной собственностью, а никому отнять ее собственность она бы не позволила... Выгрызть глотку посягателю – наиглавнейший ее рефлекс. А здесь все совпало: бизнес становился особенно опасным, она знала, что в любую минуту угры могут на нее выйти... Ну, и я стал отбиваться от рук... Ей надо было сесть на чуток, отсидеться, заодно проучить меня... вот и все! Она и не собиралась так уж меня калечить... Это у нее случайно, в процессе получилось... Я ведь не сопротивлялся – удивился очень... Известный феномен: покорность жертвы... Артистизм ее подвел, азарт... актерское вдохновение накатило...

Он опять закашлялся, изнемог от натуги, так что высокий лоб покрылся капельками пота... Наконец утих...

– Дядя Миша... – тихо позвала Вера... – ответь, ради бога... почему ты с нею жил?

Он долго молчал, прикрыв глаза... Ей даже показалось, что он заснул... и она с жадной исследовательской любовью смотрела на его, все еще густые, но с сильной

проседью, волнистые волосы, и совсем уже седую бороду... словно снимала прижизненную маску, поскольку посмертная ей была не нужна... Интересно, дожил ли до седой бороды великий русский пейзажист Исаак Левитан...

Вдруг он открыл глаза и сказал:

– Но ведь это был единственный способ остаться с тобой... Она положила ладонь ему на рубашку, туда, где вздымалось и опадало захлебывающееся сердце.

– Так ты... оставался с ней... ради меня?

– Помоги зайти в дом, что-то стало прохладно... – просипел он, приподнимаясь в гамаке... – И перестань плакать! Это просто жизнь, Веруня... Просто жизнь...

40. (стр. 315)

— Ну, и не забудьте о наших садоводах-любителях, — сказал бывший подполковник... — Добрая половина нашей деятельности была посвящена наркотикам — гашиш, опиум...

— И что, многих ловили? — спросил хозяин дома.

— Многих, — уверенно ответил гость. — Тут ведь, в этом деле, особенно справедлива поговорка насчет веревочки, которой, сколько ни виться... Безумие порока, знаете, ослабляет осторожность... Хотя, были и провалы — наши провалы, я имею в виду. Например, в семидесятых так и не удалось поймать одного, как говорят теперь, наркобарона, личность таинственную, очень опытную, и даже талантливую... Схема организации была составлена так хитроумно, что, похоже, только один старик знал хозяина лично. Но когда на него вышли и уже должны были брать, его нашли задушенным в пустой квартире, где-то на Тезиковке. И ниточка оборвалась... А потом она как сквозь землю провалилась.

— «Она»? — спросила Вера. — Так это была женщина?

— Вот именно! — подтвердил гость. — Но мы знали только кличку: Артистка...

41. (стр. 320)

«...и в сущности, странно, что ни маму, ни папу я отчетливо не помню — (правда, у тети Жени, покойницы, вытащил из альбома фотографию: все мы встречаем Новый, 34-й год у нас дома. Там все скопом за столом, мама — вполборота, но виден все же кулон на шее! А папу почти заслонила соседка наша, Елена Серафимовна...) — но почему-то прекрасно помню приехавшего из Ленинграда в гости хирурга, который принес с Алайского арбуз и сказал: „Сейчас мы его пропальпируем... Скальпель мне!“... И так смешно топорщил усы и жмурился, как большой кот... Помню и дядю Сашу, художника, дядю Сашу Волкова. Может, потому, что он так чудно всегда одевался, как испанский гранд — берет, короткие панталоны, короткий плащ... Кажется, мама втайне считала его немножко шутом. М-да... картины шута сейчас не укупишь. Интересно, куда канули наши, которые он дарил родителям? И на чьей стене, в каком доме висит сейчас папин портрет?... Да, вспомнил — на праздник в тот год еще приехал инженер Грабовский! Гениальный Грабовский, память о котором испарилась, словно его и не было! И никому сейчас неведомо, что здесь, в Ташкенте, — можно сказать, за углом, — проходило испытание „телефота“ — первой в мире телевизионной установки, им изобретенной... Кажется, он и крылья изобретал... — могучий Икар, сломленный болезнью позвоночника...

Таинственный лес человеческой памяти... Впрочем, моя память изрядно порушена зеленым змием... Что еще не заросло, не повалено? (Вспоминай, вспоминай, вот встретишься с ними совсем уже скоро, и надо будет узнавать-обнимать-привыкать заново... да наверное, как-то по-другому уже привыкать?)

Так вот, помню то, последнее, с папой, лето в кишлаке Гай-рат... Я гуляю один по крутым пыльным улочкам... а навстречу — незнакомый узбек, улыбается, берет меня за руку, открывает калитку. Это его сад... И бесконечно ласково, сладко журчит арык в

знойной тишине... Один этот звук способен унять жажду... Хозяин сада кладет мне за пазуху теплую кисть винограда, три яблока, горсть алычи, дает в руки только что выловленную из тандыра обжигающую лепешку, и я перекидываю ее из ладони в ладонь и дую, дую на нее, дую...

Сколько раз потом военными зимами я вспоминал эту горячую лепешку и кислую, но божественно ароматную алычу!.. А главное...»

42. (стр. 321)

«...война сразу почувствовалась. По Пушкинской проходили колонны красноармейцев, с песнями, под оркестр... Появились беженцы... ну, и наш брат, беспризорник... Помню, в парке Тельмана я познакомился с мальчишкой, казахом... Забыл как звали... что-то смешное, нежное... кажется, Олжасик? Ему, как и мне, было лет десять. Говорил, что приехал из Чимкента после смерти родителей... Единственной его одеждой была длинная, почти до пят, серая (туальденоровая, кажется?) рубашка. Купался он голым. Но недели через три, встретившись у „Лягушатника“, торжественно скинул рубашку и с гордостью продемонстрировал белые девчачьи трусики с оборками: украл с веревки...

Но летом было хорошо, летом можно на рынках тащить с прилавков еду, можно сбивать ивовыми прутьями летучих мышей и жарить их на костре — ей-богу, вкусно! Зимой же человеку — хана... Тем более такие страшные пришли холода... Генка ходил в материнских танкетках, — все, что ему осталось от матери, — а я украл на открытой террасе какого-то дома на Осакинской женские боты на высоких каблуках. Чтобы резиновые каблуки не подгибались, в них были вставлены деревянные... А еще мне повезло, и дядя Коля, сторож при театре, вынес мне почти целую, с одним рукавом, телогрейку, сказал: „Носи, босота! Эту телогрейку Михоэлс надевал!“ — а мне-то что за дело было — кто надевал? Я носил ее то так, то сяк, наизнанку. Чтобы руки грелись по очереди. Главное, правильно было жить, в куче. В куче и спать тепло. А одиночкам совсем худо... Мне запомнился один мальчишка с необыкновенно голубыми глазами. Он был совсем один и всех чурался. Ходил голым, завернутым в замызганное красное одеяло. Ночевал в подъезде трехэтажного дома на углу Пушкинской и Гоголя. Обычно сидел на тротуаре у консерватории, завернувшись в одеяло, просил милостыню. Раз прибегают Кокнар, айсор, говорит — пацаны, там этот, в одеяле, третий день сидит, голову уткнул в колени... А я как раз...»

43. (стр. 322)

«...ну, и Генка мне говорит — а пойдем к тебе в хату, позырим — может, там что осталось?

Я-то понимал, что дома у нас уже кто-то живет, так не бывает, чтобы комната пустой оставалась. Тем более беженцев понаехало... Но, с другой стороны... неужели, так вот, все наши вещи... Может, удастся... может, что-то продам?... Ну, и мы с ним пошли... Я помнил, что к нашему окошку папа соорудил такую приступочку из трех ящичков, чтобы удобней было: гоняешь весь день по двору, потом вскочишь на ящички: — мам, скоро обедать?... не обегать же кругом целый двор... И это наше окно выходило в такие густые кусты сирени... Словом, удобно было...

Я только потом понял, как сильно вырос за этот год. Я и без приступочки теперь спокойно мог заглянуть в нашу комнату... Знал, что там чужое жилье, знал, но... как-то удивился, увидев нашу соседку Елену Серафимовну, ту, что в НКВД служила... Значит, она переехала к нам? Она стояла над тазом и мылила подмышки, а скользкие большие груди ее, похожие на плоские булыжники, колыхались и шлепались...

Я окаменел, потому что увидел между ее грудями знакомую вещь — это был мамин кулон! Я так любил играть с ним, когда был совсем маленьким! Это был кулон моей мамы, тот, что подарила ей бабушка, а бабушке — подарил на свадьбу ее отец, мой

киевский прадед Исаак Диамант. На самом деле это были платиновые часики с россыпью мелких бриллиантов вокруг циферблата. Я ничего в этом тогда не понимал, ни про металл, ни про драгоценные камни, просто видел, что это — мамина вещь! Мамина вещь! И сразу вспомнил, как Елена Серафимовна всегда восхищалась этим кулоном, говорила — какая изящная работа!

Я просто застыл. А Генка снизу шипит — ну, что, ну, что там, Миха? Я сказал — тихо, стой, не двигайся! Не знаю, почему я не прыгнул и не убежал. Просто чувствовал, что должен тихо стоять и ждать. И точно, она выпрямилась и стала вытираться полотенцем, и цепочка кулона цеплялась за полотенце и мешала. Тогда она сняла с шеи кулон, положила на полку под зеркалом и прямо так, по пояс голая, пошла из комнаты — может, за другим, сухим полотенцем...

Тогда я мгновенно подтянулся на руках, сиганул в комнату, метнувшись к полке, схватил кулон и... сунул его за щеку! И сразу выскочил, но по пути — как все-таки мозг работает в такие минуты! — прихватил мокрое полотенце, чтобы Генка не заподозрил... Я выскочил из окна и понесся прочь, с полотенцем в руках...

И всю дорогу он ругал меня придурком за это полотенце, мол, надо же было хватать что получше. А я был счастлив, счастлив, и только мычал в ответ...

Мне хочется представить себе лицо этой женщины, когда, вернувшись в комнату, она привычно протягивает к полке руку и не находит там кулона... Я продлеваю миг этого блаженства, этого вневременного торжества. Я до сих пор торжествую, а она до сих пор все стоит с голыми своими, скользкими грудями, — мразь, воровка... подстилка чекистская!..»

44. (стр. 324)

«...В тюрьме я не пил три дня, пока не перевели из общей камеры к политическим. То, что параша была одна на всех — это понятно, но и алюминиевая посуда для питья была одна на всех тоже, а то, что у народа в камере всякое водилось — и сифилис, и чего похлеще... я как-никак понимал, был уже студентом химфака...

Вечером в камеру заносили большое блюдо с дезинфицирующим раствором против мандавошек, и все принимались загребать его ковшом ладони и, спустив штаны, деятельно натираться...

Страшную жажду буду помнить, вероятно, всю жизнь... хотя не самая это чудовищная пытка. Если не ошибаюсь, — академик Оксман вспоминал, что из всех пыток, которые он вынес в застенках КГБ, самая страшная была — сверление открытого дупла. Он отбывал срок на Колыме с 36-го, ему, председателю Пушкинской комиссии, инкриминировались „попытка срыва юбилея Пушкина“. Кстати, Пушкин его и спас: когда, еще живого, Оксмана свезли в морг, служитель обнаружил на ноге у него бирку, где было написано, что он — из Пушкинского дома. На эту бирку, на слово „Пушкин“ служитель морга и отреагировал, и спас доходягу, откормив сливочным маслом, — вроде крутился при кухне.

Что это доказывает? Благородство простого русского человека? Не обязательно. Но то, что Пушкин — поистине национальное достояние...»

45. (стр. 325)

«...и когда уже все потеряно, пропито, главное — пропито до дна душа... вдруг... — эта девочка: худенькая, упрямая, молчит почти целый день... Погружена в какую-то свою жизнь, трудно выразимую, но — бесконечно полную. Рисует все время — вырисовывает мысли, людей, которых встретила, книги, которые прочла... Если б ее оставили в покое, то рисовала бы — как дышит, — не отрывая карандаша от бумаги... В свои двенадцать одиноких лет — абсолютно сложившаяся, цельная личность. Навязать ей ничего невозможно; внутренне независима и всегда настороже — не покушается ли кто на эту ее независимость? И одновременно — какая благодарность внимательного выслушивания!

Какое отзывчивое удивление, и восторг, и мгновенная преданность тому новому, которому — поверила!

При тотальном невежестве и нелюбви, в которых она выросла, это самое благородное — природно, изнутри — существо, какое мне встречалось в жизни. Наверное, сильно бы удивилась, узнав, что — опора моя. Несколько раз удерживала меня на самом краю запойного обвала: запирала дома, сидела целыми днями рядом, как кандалами пристегнутая, за руку держала — спасала. От ее полудетской руки идет какая-то властная сила, иногда мне кажется — физическая; кажется, захоти она, и могла бы легко взвалить меня на плечи и унести. Принесла же, вот, когда-то, беспамятного, со Сквера. Говорит — на каком-то мотоцикле везла... Не верю! Принесла на плечах... От той, другой, — тоже идет сила, но та — отравленный колодец, погибший источник... Эта же — ангел.

Откуда она взялась — такая? Смотрит на все вокруг взглядом отстраненным, пристальным, — словно послана в этот мир для определенной, причем единственной цели — стать свидетелем, да не просто — свидетелем, а оценщиком каких-то изначальных нравственных ценностей, оценщиком непредвзятым, взыскательным, беспощадным... О чем это говорит, — что среда все-таки ничего не значит? Так что ж, все же — душа, все-таки душа?... Так есть Бог или нет? Или все-таки есть? Тогда как и за что, за какие прошлые заслуги в некое тело посылается душа цельная, как алмаз, в ожидании лишь руки, которая с бережной любовью нанесет на нее бесчисленные грани, в которых отразится мир?

Хмурый мой ангел, ты мне награда за...»

46. (стр. 330)

Вера отвинчивала крышку термоса, брала с подоконника еще одну пиалу, наливала чай... с улыбкой рассказывала о детях: как, например, сегодня пятилетний Игорек, единственный сын пары молодых врачей и внук замминистра энергетики Узбекистана, минут десять благоговейно следил за тем, как Вера закрашивает на его листе вазочку с маками, потом застенчиво спросил:

— Вы не могли бы стать моей мамой? Однажды она задумчиво улыбнулась и сказала:

— Жаль, что у меня не может быть детей...

— Как?! — Леня встрепнулся слишком горячо, слишком испуганно:

— Но... Вера... Господи, мама организует вам любого специалиста, у нее пол-Москвы друзей, вы только ска...

Она усмехнулась:

— Нет-нет... я здорова... Я имею в виду совсем иное. Ребенок должен расти в любви, понимаете? Его надо любить ежеминутно... вот как меня любил дядя Миша...

— Но я не понимаю, почему вы...

— Да все потому же... — Помолчала, нахмурилась и сказала. — А я, к сожалению, не способна любить — как писали в старых романах — «всем существом»...

— Вы клеветеете на себя! — выкрикнул он с таким выражением на лице, точно она его оскорбила.

Она взяла мастихин, протянула руку к холсту... медленно соскребла бугорок засохшей краски...

47. (стр.333)

Вера повернулась к Лене: судя по благостному выражению лица, тот наслаждался. «Как вы можете на это смотреть?!» — шепотом спросила она. — «Тихо! Оперу не смотрят, а слушают»... — «Но это безобразное пренебрежение к визуальному ряду, к образу!»... — «Я вас убью, — прошептал он. — Закройте глаза и слушайте этот великолепный голос!»... — «Закрывать глаза?!» — воскликнула она, так что зашикали

вокруг. — «Вы с ума сошли?! Я художник!» — и, немедленно поднявшись, стала пробираться к выходу через возмущенных любителей оперы...

48. (стр.334)

Когда вечером, как обычно, «зарулив по пути с работы», он небрежно вынул из портфеля — «тут пустячок по случаю» — элегантную длинную, натурального шелка накидку, — явно ручная роспись! — Вера заорала:

— По какому случаю?! Вы сейчас пойдете к чертовой матери с вашими пустячками и вашими случаями, модельер несчастный!!!

Он так и застыл с накидкой, развернутой в его руках, точно собрался торговать ею на воскресной толкучке, на ипподроме...

— Я что, ваша содержанка?! — кричала она.

— Нет, к сожалению... — ответил он кротко, с застывшей улыбкой глядя опять на ее, полуоскаленные в крике, белейшие зубы. И этот его беспомощный тон вдруг сбил ее со скандальной ноты, она сразу увидела себя со стороны — бешеную, неуправляемую. Это была мать, мать — во всем ее великолепии... И она сникла, сдалась...

— Еще не хватает, — бормотала, — чтобы...

— ...не хватает... — тихо сказал он. Аккуратно сложил накидку и упрямо сунул в ее холщовый мешок на стуле. Она повсюду ходила с этой неряшливой, свисающей до бедра сумой.

— Да, кстати, — добавил при этом... — Вот, мешок... вполне неплохая идея. Это стильно. Но он должен быть другим...

— Нет, — проговорила она, вздохнув... — Наверное, где-то там, по ремесленному ведомству, всю мою душу целиком безжалостно посвятили смешению красок на палитре и замазыванию холстов...

49. (стр. 336)

Однажды он позвонил на проходную Дворца текстильщиков, вызвал Веру из мастерской прямо во время занятий и объявил, что сегодня приведет одного знакомого, немецкого искусствоведа, журналиста и знатока живописи, сотрудника известной Кельнской галереи, с которым год назад познакомился в Питере и «напел о кое-каком местном художественном сбросе»... И сейчас тот приехал — возникла идея соорудить выставку концептуально азиатскую... Это сейчас модно. Ну, неважно, словом, они появятся часиков в семь.

— Нет, это поздно! — сказала Вера. — Кто смотрит картины при электрическом освещении, что это за знаток такой? В семь не приводите. В пять — крайнее время. И потом, что — этот немец, как с ним общаться? Он английский понимает?

— Он понимает русский, — вздохнув, проговорил Леня. — И в данный момент стоит рядом со мной. Не беспокойтесь, я предупредил его, что вы картин не продаете, дурно воспитаны и от вас можно ожидать чего угодно...

50. (стр. 342)

Пока он читал, она докурила сигарету и, как обычно обмакнув окурочек в тарелочку с кетчупом, машинально легко провела несколько линий на квадрате неровно нарезанной бумаги, которую здесь предлагали посетителям в качестве салфеток.

— А мне кажется, все это верно... Да это и не важно! Поймите, что... Дайте, дайте немедленно этот набросок, да, вот этот, не смейте комкать! — он аккуратно вложил очередную «окурочную» почеркушку в какую-то книгу в портфеле... Перехватил ее ускользающий взгляд... — О чем вы думаете, Вера?

— Представила сейчас, как радовался бы Стасик... — сказала она задумчиво. — Наверное, съездил бы мне лапой по затылку на радостях... О господи, как я не догадалась! Надо было повезти Дитера в Янгюль! Германа Алексеича уже нет, но там живет

племянница, Роза, и все картины бережет... — Вера откинулась на стуле, раздраженно сцепила руки замком. — Ну конечно, надо было показать его картины! Ведь Стасик ужасно талантлив!

— Станислав был человеком небольшого, но умного дарования, — осторожно возразил Леня, ковырнул вилкой в круглой коробочке из теста и, вздохнув, отодвинул тарелку... — Это был такой... Стасов, простите за каламбур... Думаю, со временем он стал бы прекрасным педагогом, что тоже не так уж часто встречается. Но не более того... Вы-то неизмеримо талантливее его!.. И, смею думать, он это прекрасно понимал уже тогда.

— О чем вы, что вы несете! — возмутилась она... — Вы понимаете, в каком возрасте Стасик погиб?! Ему было всего двадцать семь лет!

— Да-да, и он писал симпатичные пейзажи. А вы в двадцать семь лет...

— Молчите!!! Я вас ненавижу.

— Я это знаю... — грустно сказал он.

51. (стр. 345)

Он поцеловал ее, запачканную краской, руку, и сказал, что приехал дня на два, забежал вот повидаться, а ближе к ночи Леня придет к нему в гостиницу... Может быть, Вера составит им?... Нет, сказала она, все эти поздние застоля отзываются наутро поздним подъемом, а ей рано вставать... Иначе свет уходит...

— Я понимаю. — сказал Дитер. — Не могу настаивать... Разрешите ли, я вас провожу?

Часа полтора он терпеливо дождался, пока она закончит занятия с детьми... Потом помог убрать в кладовку детские мольберты, вымыть банки от краски...

Наконец они вышли...

Пока ехали в трамвае и потом еще минут пятнадцать шли пешком, Дитер объяснял ей, насколько современная индустрия по изготовлению имен в изобразительном искусстве отличается от того времени, когда славу художнику, — например импрессионисту, — очень медленно и постепенно составляли коллекционеры, критики, сами художники, пробивающиеся целой группой на выставках... — такое медленное завоевание рынка за счет упорства и жизни самих художников... Сейчас все в руках кураторов, объяснял он, — молодых людей с университетским образованием, которые выучили искусство на студенческой скамье. У них свои концепции развития этого искусства, свои идеи. Они и прогнозируют искусство согласно своим идеям; художников они находят, видя в них сырье, и создают их, как неких исполнителей собственных замыслов...

В этой индустрии есть определенные рычаги, определенные приемы, говорил Дитер, я верю, что вам предстоит многое пройти на этом пути... верю, что ваше имя... в современной индустрии...

— Увы, — сказала она полушутя. — Боюсь, что я — человек доиндустриальной эпохи...

Перед подъездом она остановилась — попрощаться, но Дитер, мягко взяв ее за локоть, улыбнулся и проговорил:

— Ну хорошо, вечером вы меня бросаете. Но на чашку кофе вашего милосердия достаточно?

Вера улыбнулась его симпатичной манере говорить по-русски и сказала, что кофе она варит знаменитый...

В подъезде горел свет, у батареи стояла какая-то женщина. Достаточно было поворота головы, чтобы Вера поняла — кто это...

— О-осподи! — мать отшатнулась к стене... — ну, ш-шала-ва, испугала! Лысая-то, а? Эт чего тебя обрили — тиф у тебя, что ли?

Вера молча смотрела на нее...

— Чего выставилась? Не признала?

— Наоборот, — сказала Вера. — Признала сразу.

— Во-о-от... это хорошо... И не делай вид, что не знаешь меня...

— Дитер... — Вера повернулась к своему провожатому... — вы не могли бы переждать этот важный творческий разговор у меня в квартире? Вот ключ... последний этаж, налево...

Он взгляделся в Катю, неуверенно обернулся к Вере и проговорил:

— Нет. Я бы хотел оставаться.

— Вот-вот, оставайся, — сказала Катя, — ты мне не мешаешь... Я недолго. Я только бы хотела знать — мне что, ни хрена не полагается?

Вера с изумлением уставилась на эту фантазмагорическую женщину, которую не видела несколько лет... Мать располнела, огрузла, волосы красила в цвет воронова крыла, и рысьи светлые ее глаза на фоне черных волос были насыщены пронзительной животной яркостью.

Катя потрясла газетой «Комсомолец Узбекистана», где в идиотской статье местного журналиста о весенней выставке была помещена черно-белая репродукция картины «Илья Иванович гадает!» — и два-три крайне беспомощных абзаца уделено успеху «небезызвестной Веры Щегловой».

— Вот это, говорю... Мне ни хрена не полагается? Ты, значит, картинками будешь торговать, жиреть-наживаться, а я вроде ни к чему отношение не имею?! Мне часть не положена? Я, значит, в тебя тыщи не вкладывала...

Вера расхохоталась. Оборвала смех, взгляделась, наклоняясь, в подъездной темноте, в это возбужденное лицо, и вновь звонко расхохоталась.

— Ты?! — спросила она. — О чем ты? Что ты хочешь?

— Половину! — гордо сказала мать. — По справедливости...

На Веру напал приступ жесточайшего смеха. Это была настоящая истерика. Она хохотала, привалясь к стене подъезда, отирала слезы и опять заливалась неостановимым смехом.

Мать ударила неожиданно и точно: кулаком в лицо. Вера отлетела к батарее, но удержалась на ногах и ринулась на мать.

Они сцепились... Несколько мгновений ошеломленный Дитер видел только мелькание рук, ног, Верину закинутую голову, слышал тяжелое дыхание и подвизгивающий мат той, пожилой, женщины... Наконец он бросился между ними, оттаскивая страшную тетку от Веры, пытаясь схватить и заблокировать ее молотящие кулаки... Наконец ему удалось выпихнуть ее из подъезда и захлопнуть дверь. Вера схватила Дитера за руку, и они бегом вознеслись на четвертый этаж.

— Спокойно, спокойно... — приговаривала она нервно, поворачивая ключ в двери... — Кофе не будет хуже ни на йоту, обещаю вам...

В тесной прихожей она включила свет, сказала:

— Проходите в комнату... Это к вопросу о нашем интервью: тут, кроме Советской власти и КГБ, беззащитного художника в собственном подъезде поджидают опасности.

— Какая ужасная женщина! — сказал он, качая головой и все еще тяжело дыша...

— Да уж, не подарок, — согласилась Вера, подходя к зеркалу и ощупывая кровоподтек на скуле. Отдернула руку, поморщилась...

— Вы... с ней знакомы ранее?

— Довольно близко, — сказала она. — Это моя мать.

— О!!! — Дитер какое-то время обескураженно стоял, обдумывая то, что она сказала, наконец осторожно спросил:

— Но... тогда... как получилась... вы, Вера?!

Она обернулась, рассеянно ища на полке флакончик с йодом, который всегда здесь стоял, так как ей часто случалось занозить руку со всеми этими подрамниками и прочими деревяшками. Наконец, нашла... Теперь надо было найти и ватку...

— Когда-нибудь расскажу, как я получилась... Тут не обошлось без святого духа, частенько поддатого...

— Пустите, я! — сказал он, забирая у нее из рук ватку с йодом и осторожно промакивая ссадину на ее лице... — О-о... боюсь, вот это красное под бровью завтра станет э-э-э... зеленяк?...

Она смотрела на себя в зеркало, с горечью думая, что именно сегодня ей так бы хотелось хоть немного ему понравиться...

— А это оригинально, нет?... — спросила она. — Явиться на открытие какой-нибудь выставки: все лицо в кровоподтеках, пластырях и пятнах зеленки. — Это концептуально... И во всяком случае, по теме нашего интервью.

И опять прильнула к зеркалу, изучающе себя рассматривая. Он подошел к ней сзади... Несколько мгновений они смотрели друг на друга в зеркале.

— Вы, конечно, понимаете, Вера, — сказал он, — что я приехал сюда из-за вас...

Она застыла... Смотрела на него, не шевелясь... Он коснулся губами ее бритого затылка, закрыл глаза и тихо произнес:

— Колюк-чая нем-ножь-ко...

52. (стр. 349)

И вдруг он появился.

Приехал к концу занятий в мастерскую, — опять с пирожками, с бутылкой красного сухого вина... Легкий, даже веселый, как всегда, долговязо-элегантный...

— О, вы отрастили волосы... это правильно! Имидж надо иногда менять... Повернитесь в профиль: да, я предполагал, что вам пойдет «каре»... Такой легкий намек на югендштилль... нечто... немецкое, да? — и, не давая ей огрызнуться:

— А я даже как-то соскучился по вас, Верочка!

И она вдруг задохнулась в ярости от этого «даже» и от этого «как-то»! Она-то маялась без него, просто маялась, — поняла она внезапно! Как же ей его не хватало!

— Тащите кружки ваших юных дарований... — сказал он... — Мы сейчас выпьем... угадайте за что?

— За мой приезд... — отозвалась она хмуро.

— Не угадали! — возразил он, улыбаясь. — За мой отъезд... И далее тем же веселым, отвратительно легким тоном он объявил ей, что через неделю они с мамой уезжают на постоянное место жительства в другую страну... в иную, черт побери, страну, где его разработки одной такой симпатичной программки могут показаться кое-кому интересными...

Она склонилась над мольбертом, стала бессмысленно перебирать тюбики с краской...

— Так вы уезжаете в Израиль?

— Нет, там я вряд ли сейчас пригожусь. Меня пригласили в одну американскую фирму, где знакомы с некоторыми моими идеями... положили кое-какую зарплату, пока небольшую... ну и так далее... Да нет, не в этом дело! — вдруг сказал он, глядя в окно. — ...Понимаете, недавно выяснилось, что надо срочно оперировать маму.

— А разве здесь нет хороших врачей?

— Врачи-то есть... Словом, Вера, это бесполезный разговор... Уровень медицины тут и там просто не обсуждаем... — он поднял бутылку. — Давайте-ка я вам налью еще чуток. Знаю, что вы не любите «многия пития»... но повод-то, повод какой! А, Вера?! Удается ли свидеться?!

— Какого черта вы так веселитесь? — яростным шепотом спросила она, не притрагиваясь к кружке.

Он поднялся, подошел к окну, постоял там, глядя, как Хамид, который подрабатывал здесь же дворником, сметает в кучу опавший сиреневый цвет...

Тот двигался под метлой, словно оброненный кем-то лиловый шарф...

— Потому что отныне я спокоен за вас... — глухо проговорил Леня, не оборачиваясь. — Вы в надежных руках Дитера... Он без ума от вас, и так далее... звонил тут, советовался и просил быть свидетелем на вашем бракосочетании... Я бы с радостью, но вот не доведется... к сожалению... Между прочим, он барон, — вы знали? Правда, без замков и без наследства, но ведь не это важно. Главное — стиль! Так что будете у нас баронессой. Неплохая карьера для художника...

— Вы... — с трудом проговорила она... — Вы едете один... в смысле... кроме мамы?...

— Конечно... Вы же знаете, я всегда один...

— Леня, простите... — она решительно тряхнула головой. Ну, пусть она будет грубой, пусть! — Извините меня... но я как-то не могу понять... Уже много лет мы знакомы... и я никогда не видела вас с... какой-нибудь... женщиной... Я прямо спрошу, ладно? Вы что... вы... вас женщины не интересуют?

Он повернулся, и она увидела его изумленное, дикое, обескураженное лицо.

Так несколько мгновений они и смотрели молча друг на друга.

— Хорошенькое дело... — пробормотал он... — вот так сюрприз... — Она вдруг удивленно отметила, что раньше не замечала, какие у него темные волосы... да нет, это он так побледнел, — до пепельных губ!..

Он сказал отрывисто:

— Но вы же не поедете со мной!

<...>

— Ведь не поедете?

Доска качнулась, и тяжесть души покатила вниз...

— С какой это стати?

— Вот видите, — он улыбнулся, вздохнул глубоко, бесшабашно, как показалось ей, — чуть ли не с облегчением. — А между тем вы прекрасно осведомлены, что я люблю вас.

Она задохнулась:

— Вы?! Меня?!

Он страдальчески поморщился: — Послушайте, Вера... прекратим этот идиотский разговор! Мне было бы огорчительно думать, что много лет я люблю безмозглую ненаблюдательную дуру...

53. (стр. 357)

Так однажды дня три прожил у нас Витя Мануйлов, знакомый художник, ученик моего отца и сокурсник Щегловой. Вечерами засиживались допоздна, вспоминали всех, разъехавшихся и оставшихся в Ташкенте, друзей и знакомых...

Набрели и на нее.

— Верка-то? — воскликнул он и рукой махнул. — Ну, Верка в полной упаковке: живет на два дома, то в Кельне, то в Ташкенте; в Германии, говорит, ей не хватает энергетики света... На Западе чрезвычайно успешна: выставки, каталоги, альбомы... Вот повезло бабе с иностранным мужем, что ты скажешь... За кого бы мне замуж выйти?... — Он усмехнулся, поддел шпроту вилкой. И сразу спохватился: — Нет, я ничего не хочу сказать — по справедливости, она заслуживает. Она — ничего не попишешь — талантливая, Верка-то, уже в институте была на десять голов выше всех. Да дело не в этом, понимаешь... Я однажды на практике, на пятом курсе, видел, как она работает. Я просто обалдел! Слышь, старик, — Витя уже обращался не ко мне, а к моему мужу, который только и мог оценить — как там по-особенному работала художница. — Она последние мазки наносила пальцами, всеми десятью, как на органе играла, — сглаживала переходы, втирала один тон в другой... Впечатление было, что она создает их, свои картины, из какой-то особой живой глины, прямо лепит живое в полотно... С ума можно было сойти!

Витя задумался, вспоминая... Перестал закусывать. Но, когда Борис долил ему водки, встрепенулся, сказал: «За ваш дом, ребята!» и, опрокинув стопку, потянулся к салатнице с квашеной капустой. Я думала, что тема странной Щегловой исчерпана, но ошиблась. Видать, Мануйлова беспокоили и ее известность, и ее независимость, и ее неожиданное замужество... А может быть, он считал, что и меня должна интриговать эта фигура?

— Но, понимаешь, она ведь чокнутая, — Верка... — продолжал он. — Почти не продает своих картин, бзик такой... Редко-редко на какой-нибудь аукцион выставит, или с выставки одну продаст... И они за приличные баблы идут, она ценится, понимаешь, потому что уже очень известна, и все знают, что картины держит при себе... Знаешь, кому недавно смилостивилась продать работу с выставки? Голландской королеве, да... Я ее видел недавно — Верку, не королеву... Все такая же, не меняется: ничего ее, кроме работы, не интересует, вечно погружена в себя и никого вокруг не видит... Я как раз после этой встречи вспоминал, как на первом курсе кто-то из ребят запер ее в анатомичке, так, ради хохмы... Думали, она там с ума сойдет — девчонка, одна среди... разных неприглядных, часто неукомплектованных незнакомцев... Когда открыли, она сидела со своим вечным черным блокнотом и зарисовывала половинку какого-то застарелого алкаша, жмурика, которого долгое время под мышки приволакивал и бросал на стол такой бородатый чокнутый парень, что там работал... Вот это вам Вера Щеглова во всей красе!

И все такая же верста коломенская, — непонятно, что в ней этот немецкий барон нашел... Ну, барон, тот — ладно, Верка для него — экзотика Азии... А я помню, как ее Ленька Волошин любил! Много лет, и так преданно, упорно... словом, как дай вам бог! Он же, когда она за барона вышла, чуть с собой не покончил! Я-то знаю, мы с ними по соседству на Кафанова жили... Маргарита Исаевна просто сама не своя была, боялась его одного на минуту оставить: как она Верку ненавидела! — цыганкой называла, ведьмой, — всю жизнь, говорила, та Лене испортила!.. Ну, ничего, не помер, — вон он, Ленька, как в Америке лихо пошел, притом, учти — исключительно благодаря своим золотым мозгам и его особенности — каждому встречному чем-нибудь помочь... — Витя удовлетворенно пристукнул ладонью по столу, как бы в подтверждение своим словам. И, вспомнив что-то... помедлил и добавил:

— Между прочим, — знаешь, что он, Ленька, сделал первым делом, когда не то что разбогател там, а просто немного денег свободных появилось? Издал такую тетрадку рисунков Щегловой, которые она окурком по рассеянности черкала, а он много лет за ней подбирал... Да... Так и назвал: «Окурочная тетрадь»...

54. (стр. 361)

«...Нет уж, позвольте, я буду называть вещи своими именами!.. Вам ведь — я правильно понял? — нужны для романа свидетельства искренние, правдивые... Помните советскую „лакировку действительности“?»

Да, за последние годы мои земляки — особенно те, кто рассматривают родной город на фотографиях своего детства и юности, — умудрились создать очередной миф о такой вот райской земле, текущей... — чем там текла святая земля в Библии? Патокой сладостных воспоминаний?... Я по роду профессии все-таки журналист-международник, бываю в разных странах, где повсюду натыкаюсь на бывших ташкентцев... И интересный наблюдаю эффект: трех минут с начала встречи достаточно, чтобы человек, мечтательно смежив веки, начинал вспоминать какого-нибудь милиционера-узбека на своей улице... Послушаешь — тот ему был отца родного родней. Я тогда сразу спрашиваю: — А ты не помнишь, сколько этот тип на лапу брал? Обижается! Ей-богу, обижается!

Не знаю, может, я в каком-то другом Ташкенте рос, только я с детства помню, как наши греки с Огородной улицы ходили драться с ребятами с Ново-Московской, и с узбекской махалли. Те еще были бандюки! Готовились загодя: в ход шли цепи от сливных бачков, сорванные в пятьдесят четвертой школе, где мы все учились. На конец цепи

наплавлялся кусок свинца. Да еще с протезного завода по соседству, где основным сырьем был бук, умудрялись тащить через забор отходы — круглые палки длиной по полметра; из них дубинки делали: 10-миллиметровым сверлом рассверливали с торца отверстие на глубину 15–20 сантиметров, и туда либо свинец заливали, либо закатывали стальные шарики от подшипников. Представляете — что случалось с костями от удара такой штуковиной?

Что же касается взаимоотношений с узбеками... Послушайте, любой журналист или любой литератор может поведать вам десятки историй своего негритянского прошлого на плантациях великой узбекской литературы. Я знаком с дюжиной парней и дам, кто строчил ее, не покладая рук...

Я и сам, бывало, писал так называемые „переводы“ за этих гениев. А сколько раз мне недоплачивали, обманывали, использовали самым оскорбительным образом! И удивляться нечего — раб должен быть доволен любой подачкой. А сколько диссертаций написал за них мой приятель Вадик — талантливый, между прочим, человек, заработавший на научных узбеках приличные деньги, но напрочь сгубивший свой талант... Сколько диссертаций за свою жизнь может написать человек? Одну. Ну, две! Вадик их накатал тридцать восемь! Живет сейчас в Бруклине... старый хрен, зубов своих — ни одного, лысый, как задница... Встречались недавно. И что вы думаете? Правильно: с пятой минуты разговора запел ностальгическую песнь о благословенном Ташкенте, о Потерянном рае! Я ему говорю — старик, неплохо же тебя в том раю отделали...

Я вам могу миллион историй рассказать об узбекской коррупции такой мощи и размаха, что Сицилия бледнеет и скукоживается от зависти... А сколько анекдотов о невежественных узбекских начальниках у нас ходило, не пересказать! Мы, мы сами во все лопатки мастерили из них „национальную интеллигенцию“! Помню, прибыл к нам один такой, куратор из ЦК, — принимать подготовленный для агитаторов очередной цикл слайдов. „Все хорошо, — говорит, — но почему они у вас такие маленькие? Надо было сделать размером хотя бы с почтовую открытку“. Вставляем слайд в диапроектор — и инструктор в дикарском восторге кричит: „Ийе-е!“

Ну а потом, когда мои корреспонденции стали появляться не только в республиканской, но и в союзной прессе, стал я бывать на этих их обкомовских дачах... Навидался, спасибо, сыт... Гуляющие по парку фазаны да павлины, гурии, услаждающие народных советских сатрапов... Эх, да что там говорить!

Словом, особо-то слезы лить по нашей рухнувшей вавилонской башне смысла я не вижу. Ну, жили и жили... Город как город...

Вот разве что отличало и отличает всех этих бывшеташкентских скитальцев... — это правильная русская речь... потому что из года в год прибывало туда волнами разных штормов множество непростой штучной публики. Кого только не приносило: офицеров русской армии Кауфмана, а с ними — целый отряд новоиспеченных „иностранцев“, всех этих, закончивших Окс-форды-Кембриджи, деток киевских, одесских и прочих коммерсантов, у которых хватило денег обучить талантливое чадо за границей, но не хватило пороку пробить Московско-Питерскую стену. Ну, и те ринулись в молодой Туркестанский край, и основали тут целые династии врачей и ученых... А отсидевшие срок зека, которым заказано было вернуться в столицы, и они оседали здесь, в глинобитных кибитках, преподавали языки и прочие другие науки, просто целительно присутствуя в пространстве!.. А эвакуированные писатели, кинематографисты, актеры, ученые! Да и просто нормальные грамотные люди, занесенные сюда ветрами исторических потрясений! Что ж удивляться, что уровень интеллигентности на душу населения в Ташкенте был гораздо выше, чем в среднем по стране! Учительница наша по языку и литературе, Зара Марковна, как живая перед глазами:

— Именительный падеж: нога! Родительный падеж: нет, не дай бог, ноги!..

Я и в Москве сейчас, бывает, покупаю на рынке соленья у девушки-корейки, и если она таким правильным ученическим говорком говорит мне: „попробуйте капустку, эта

чуть-чуть острее, зато вот эта нежнее...“ — я понимаю, что она из наших корейцев и спрашиваю:

— Вы из Ташкента?

— Откуда вы узнали?! — и я улыбаюсь в ответ и говорю:

— Язык...

Нет, я не за то, чтобы вот так взять и похерить все хорошее, что было... Я и не спорю — было! Точно так же, как в любом детстве, в любом городе... Взять этих ребят, греков, среди которых я вырос... Родители этих мальчишек и девчонок были бывшие партизаны, коммунисты, воевавшие с немцами. У нас появились, когда там к власти пришла реакционная клика, ну, и Сталин их принял, как политических беженцев...

Мы вместе росли, на праздники веселились вместе — громкая музыка, национальные танцы, костюмы... Запахи жареного мяса — на пустыре за домом крутили на вертеле целого барана... В будни тоже из окон неслась какая-нибудь мелодия с заезженной пластинки Теодоракиса или Хадзидакиса.

— Язык...

Нет, я не за то, чтобы вот так взять и похерить все хорошее, что было... Я и не спорю — было! Точно так же, как в любом детстве, в любом городе... Взять этих ребят, греков, среди которых я вырос... Родители этих мальчишек и девчонок были бывшие партизаны, коммунисты, воевавшие с немцами. У нас появились, когда там к власти пришла реакционная клика, ну, и Сталин их принял, как политических беженцев...

Мы вместе росли, на праздники веселились вместе — громкая музыка, национальные танцы, костюмы... Запахи жареного мяса — на пустыре за домом крутили на вертеле целого барана... В будни тоже из окон неслась какая-нибудь мелодия с заезженной пластинки Теодоракиса или Хадзидакиса.

Старики их сидели во дворах и играли в нарды. Причем нарды были диковинными, расписанными разноцветными конусами — я тогда ничегошеньки в этом не понимал, но за игрой наблюдал заворуженно...

Ну, и конечно, то, что мы вместе пережили то всенародное землетрясение... Кстати, историю в школе нам преподавала суровая такая тетка по фамилии Колено. Говорила: „Учите предмет по учебнику истории ВКП(б) 46-го года. Замените, — говорила, — Сталина на партию и народ, и учите, — хороший учебник“... Так вот, когда грохнуло землетрясение и директор запретил ученикам выезжать в центр города, историчка вошла в класс и сказала: „Немедленно идите в центр города, и смотрите, смотрите! Вы потом всю жизнь не простите себе, если не пойдете!“.

Да, так наши греки... Когда в середине семидесятых в Греции восторжествовала демократия, они все постепенно стали возвращаться домой... Взрослые, конечно, радовались, а вот дети... дети, которые родились в Ташкенте и выросли там... вот их-то души и резали по живому...

Нет, спорить не буду: когда кто-то при мне произносит имя „Ташкент“... я виду-то не подаю, но в памяти моей возникает гул проснувшихся горлинок за окном. Помните этих, нежно-фиолетовых, словно с византийских мозаик сошедших, птичек? У бабушки окно выходило в сад, и на каникулах я просыпался под их воркотливый говорок... А поездил я немало, в каких только странах, в каких домах, на курортах, отелях-мотелях не просыпался... — нигде не слышал рассветный такой гурлеж, каким полоскали горлышки ташкентские горлинки... Я, когда устаю и долго заснуть не могу, пытаюсь вызвать в слуховой памяти этот баюкающий безмятежный звук... и если удастся, — если, говорю, удастся! — то засыпаю тогда как младенец...».

55. (стр. 373)

Длинный — международный — звонок раздался утром, часов в семь. Она потянулась к телефону на ощупь, с сонным недоумением думая, что вот же, все выяснили, и все уже устаканилось, и нечего делить... Зачем же он...

— Вера!.. — близкий, четкий и невероятно родной голос, с опознаванием которого, боясь поверить, несколько секунд она металась в клетке слуховой памяти, как в застрявшей кабине лифта, чуть-чуть иначе интонировал, чем прежде... — Сейчас я назову себя, и надеюсь, вы припомните такого вот несуразного, занудливого, хотя и искренне преданного вам...

Она завывала в трубку... Зашлась... Сидела на тахте, качаясь из стороны в сторону...

Он растерялся... Молча слушал ее стенания... Наконец бодро проговорил:

— Ну, хорошо! Значит, меня помнят... Я доволен твоим жертвоприношением, Авель. Я доволен... Ну, хватит, Верочка... — сказал он, немного погодя... — подите высморкайтесь и глотните чаю. Я подожду... Не волнуйтесь, я подписан на дешевый тариф... Или, давайте перезвоню через часок?

— Нет!!! — крикнула она, испугавшись, что порвется эта зыбкая звуковая нить... — Не надо... — и, как ребенок, высморкалась в подол пижамной куртки, успев подумать, что он, со своими, небесной белизны, платками сейчас бы взвился, если б мог увидеть это безобразие... — Я как-то... Я... не была готова, Леня...

— Вы не были готовы к тому, что я жив?

— Идите к черту, зануда!

— Вот это другое дело! Слушайте, Верочка, звонок мой деловой, поэтому в двух словах о себе скажу только следующее. У меня все в порядке, кроме того, что пять лет назад умерла мама. Я себе тут тихо-мирно работаю, и вполне приспособлен к постепенному старению, — крыша над головой, тачка, колбаса и сыр, и даже огурец соленый по субботам... А звоню вот почему...

Далее он гладким, и почти опереточным речитативом поведал о том, что одна из самых престижных и старых здешних галерей заинтересована в выставке именно «узбекского» периода «Вьеры Счеглов», а местная община богатых бывших ташкентцев, тоскующих по жактовским дворикам середины прошлого века, готова поддержать двумя долларами издание каталога и широкую рекламу повсюду, чтобы всяк сущий в ней язык...

Вера слушала этот голос, этот неподражаемый голос с правильным четким выговором, точными ударениями и — как говорил дядя Миша — «завершенной пластикой фразы»... Просто слушала голос, не вникая... У нее было чувство, что когда-то давно она заблудилась и очень долго блуждала в таких дебрях, на таких пустырях, что даже ангел-хранитель потерял ее следы, а теперь вот нашел, и все будет в порядке, теперь она будет навсегда уже присмотрена... И будет слушаться, и ни за что не отойдет ни на шаг...

— Чикаго? — спросила она... — Значит, вы живете в Чикаго... Это, кажется, недалеко от Милуоки?... Три года назад у меня была там выставка, в Милуоки...

— Я... знаю... — поколебавшись, сказал он. — Я приезжал... Видел эту выставку... Вы очень выросли, Вера...

— Вы... были в Милуоки?! — выдохнула она.

— Ну да, я же говорю, что специально приезжал туда, когда узнал о выставке.

— Почему же... почему вы не разыскали меня? Какого черта вы не разыскали меня?!

— Во-первых, перестаньте на меня орать, — спокойно проговорил он. — Во-вторых, я вас видел, и довольно близко, из-за колонны. Вы абсолютно не изменились, чего нельзя сказать обо мне. Все такая же худая и мрачная, не понимаю, кому это может нравиться... Ну? Что вы умолкли? Жалеете, что в меня невозможно запустить тапочком?

— Леня. Почему. Вы. Не подошли. Ко мне... — задыхаясь, медленно проговорила она, чувствуя, что все кончено, и это уже не он, не ее долговязый ангел-хранитель, а какой-то совсем чужой человек, безразличный и респектабельный... И ощущение, что ее нашли навсегда, улетучилось...

— Потому. Что... — сказал он так же невозмутимо, — потому что мне не о чем было говорить с баронессой Дитер фон Рабенауэр...

— Но сейчас же вы звоните ей! Он рассмеялся и сказал:

— О нет! Не ей... По моим сведениям, фрау Дитер фон Рабенауэр благополучно почилa в бозе. Осталась придурошная Вера Щеглова. С этой я знаком.

Она швырнула трубку... Стянула с себя пижаму, бросила ее на пол и, голая, вышла на кухню. Склонилась к крану и долго жадно, с колотящимся сердцем пила холодную воду, лакая из бьющей струи, как загнанная волчица. Вошла в ванную, пустила воду в душе... Телефон звонил опять... переставал и снова принимался звонить. Ничего, пусть проветрится, пусть поразмыслит, и вообще, пусть выбирает выражения!

56. (стр. 386)

— Вы можете писать о ком хотите, — заметила на это Вера, и Роджер соорудил плачевную физиономию, выворачивая пустой карман...

Наконец, после бескровно завершившихся переговоров, они с Леной вышли на улицу и сели в машину... Начинало смеркаться, и дымное облако какого-то цветущего деревца напротив через дорогу висело над землей, словно привязанное к ней тонким стволом...

— Красиво... — проговорила она... — Куда сейчас?

— Вы же устали, Верочка... И голодны... Давайте я вас где-нибудь покормлю.

Она повернулась к нему, внимательно глядя... Да что же это?... Похоже, он трусит везти ее к себе домой?... А такой представительный дяденька... седые виски... На вид — просто сенатор какой-то...

— Не понимаю! — сказала она. — Через какие еще светские рауты вы меня проволочете по пути к обычной яичнице на вашей кухне?

Он засмеялся и тронул машину...

— Это далеко? — спросила она.

— Нет, пять миль от Даунтауна... В районе Лэйк-Шор-Драйв, впрочем, вам это ни о чем не скажет...

Он стал объяснять, излишне подробно — почему ему было необходимо жилье именно в этом районе: во-первых, работа, во-вторых, много лет подряд в Даунтауне жила мама в таком доме для стариков, — тех, что получают «восьмую программу»...

Отвернувшись, она смотрела в окно, где вдоль шоссе тянулась темно-серая, в ряби барашков, с белыми и цветными мазками яхт и катеров, гладь озера Мичиган... Да... к вечеру он как-то сник. Не сделал ни одного замечания, не сказал — как она безобразно худа, ни разу не фыркнул по поводу неправильного ударения в слове... Волнуется?... Разочарован?

Отвык от нее...

Наконец они повернули, проехали еще две улицы и остановились.

— Ну-с... — сказал он, все еще сидя в тусклом свете гаража, как бы и не собираясь выходить из машины... — Приехали...

Она сразу все поняла, когда длинной зеленой аллеей, среди лужаек и высаженных по линейке, словно отлакированных, цветов, вдоль карликовых, как пудели от парикмахера, кустов, они поднялись на холм, к воротам, где на панели он нажимал кнопки-пароли, чтобы их пропустили; но и этим, оказывается, заградительные меры не были исчерпаны, и к пещере Али-Бабы они минуты две добирались через какие-то калитки в оградах, пока, наконец, не попали во внутренний двор — нечто вроде патио, выложенного псевдовизантийской мозаикой, — в который выходили две двери. Одну из них он и стал открывать.

Она достаточно пожила на Западе, чтобы — даже при своей обычной бытовой непричастности — оценить месторасположение и статус этого жилого комплекса. Но все еще делала вид, что ничуть не удивляется.

— Вы снимаете здесь?

— Нет, — сказал он... — купил пару лет назад...

— Но ведь это очень дорого?

Он улыбнулся и промолчал. Она вспомнила, как он уверял ее, что звонит по дешевому тарифу, и разозлилась: он по-прежнему подсмеивался над ней и, в общем, был прав. <...>

Сейчас ей уже трудно было поверить, что каких-нибудь четыре часа назад она повисла на нем в аэропорту и готова была ногами сучить от счастья...

Они вошли в темную прихожую, он хлопнул в ладони, как фокусник, и от этого зажегся свет: россыпь мелких звезд в высоком потолке, отраженных во множестве зеркал. Таких штук она еще не видела и засмеялась. Просто какой-то узбекский праздник-«байрам» летней ночью на площади!

— Ну вот... — глухо проговорил он. — Вот и все... Теперь — входите.

Она сделала несколько шагов к дверям в какое-то очень просторное помещение, на пороге остановилась, отшатнулась... и осталась стоять, опираясь — как распятая, — обеими руками о косяки двери, не силах сделать ни шагу, лишь глотая воздух...

— Воды? — спросил он... — Я этого и боялся...

<...>

Все остальное — роскошный трехэтажный «кондо» — с просторной кухней и баром, столовой и гостиной, шестиметровая стеклянная стена которой выходила на знаменитый рогатый Даунтаун с серой полосой озера Мичиган... камин... белый рояль... — не имело для нее никакого значения... Да пропади оно пропадом, при чем тут белый рояль!

— Вы... играете на рояле? — спросила она деревянными губами.

— Господи, ну сядьте же!.. Дайте я вам коньяку налью... — ринулся куда-то за угол, пропал из виду, снова возник:

— Вот... хватаните его разом, ну-ка!

Она опрокинула рюмку коньяку, спросила, не глядя на него:

— Вы что, ездили за мной по всему свету? — и он просто ответил:

— Да.<...>

Этот дом стал ее музеем!

Медленно она спустилась вниз, где он, уже более спокойный, стоял у раскрытого холодильника, выкладывая из него на стойку какие-то свертки и пластиковые коробочки...

— Зато сохранена значительная часть коллекции! — сказал он удовлетворенно из-за дверцы холодильника.

— Кроме тех, что остались у Дитера... Это было одним из условий... Иначе он не давал развода...

— Я предполагал это...

Она чувствовала себя измученной, измочаленной... Подошла на ватных ногах к широкому, в виде какой-то диковиной лады, дивану (с какой стороны к нему подступиться, дизайнер чертов!) и опустилась на краешек, съежилась... Это надо было пережить — такое возвращение... с ним надо было смириться, как и с тем, что этот дом, в котором она еще совсем не ориентировалась, был, оказывается, ее домом.

— А рояль... — сказал он, надевая дурацкий веселенький фартук... — Понимаете, у меня бывают разные люди, довольно известные... музыканты тоже... Вот увидите, как в субботу... — и оглянулся на ее молчание...

— Леня... — испуганно спросила она, по-детски съеженная на краешке лады, — беглянка, упустившая весло... — А вы что... вы... — настолько богаты?

Он усмехнулся... Не ответил... Ей показалось, что смотрит он на нее изучающим, ироничным, даже оценивающим, взглядом... Может, ждет, как раньше, — какую еще нелепицу она сморозит, чтобы высмеять?

— Садитесь к столу... Вот салат, маслины... всякие мазилки забавные, яичница будет готова через минуту... Руки можете вымыть вон там, направо по коридору...

— Я бы хотела сначала... кое-что, в чемодане... Где... в какую комнату вы меня определили?

— Ни в какую, — ответил он спокойно, разбивая над сковородкой яйцо.
— Но... где я буду спать?
— В моей постели. Причем со мной, — и развернулся к ней, взглянул поверх очков.
— Надеюсь, вы понимаете, что никуда уже не уедете?... Мне надоело шляться за вами! Я занятой человек, у меня, черт побери, бизнес... давление скачет...
— Но... ведь для этого... вся эта возня с получением грин-карты... там ведь какая-то лотерея, кажется?...

— В моей постели. Причем со мной, — и развернулся к ней, взглянул поверх очков.
— Надеюсь, вы понимаете, что никуда уже не уедете?... Мне надоело шляться за вами! Я занятой человек, у меня, черт побери, бизнес... давление скачет...
— Но... ведь для этого... вся эта возня с получением грин-карты... там ведь какая-то лотерея, кажется?...

— Какая, к дьяволу, лотерея?! — чуть ли не с отвращением воскликнул он. — Вы по-прежнему ужасная бестолочь! Минуту назад я предложил вам руку и сердце!
И с силой разбил ребром ножа второе яйцо над сковородой.
Стало совсем тихо... И в этой тишине слышно было, как шкворчит яичница и в клетке над окном щелкает семечки попугай по имени Изя Каценеленбоген, впоследствии очень любимый ею, предпочитающий ее правое плечо — левому.
— Ну, нет уж! — воскликнула она запальчиво. — Вот этот поворот сюжета просто омерзителен: значит, выяснив, что Он сделал в Штатах успешную карьеру, Она соглашается наконец, спустя сто лет, выйти за него замуж! Очень грамотно с ее стороны, тем более что сама она осталась на бобах... Да за кого вы меня принимаете, господин миллионер?!

Он бросил нож на стойку...
— А, да-а-а... — протянул он, приближаясь к ней в этом дурацком фартуке, с изображенным на нем мужским мраморным торсом. И это было дико смешно, потому что гипсовые римские гениталии безголовой статуи находились сейчас в страшной дисгармонии с живым и отчаянным Лениным лицом, и с ее абсолютным, беспредельным отчаянием... — Конечно! Идиот! Мне надо было звать вас замуж по телефону, рыдать, что звоню из кутузки и меня трахает обкуренный марихуаной негр, умолять внести за меня залог в пять тысяч долларов... Вот тогда бы вы помчались продавать свои картины... прямо на Алайском!

— Да! — бессильно, зло выкрикнула она. — Да, именно так!
И заревела, как пятилетняя.
Он рухнул рядом на диван, сграбастал ее, стиснул.
— Дура! Ду-у-у-ра!.. — промычал он, словно у него вдруг заболел зуб. Она чувствовала, как своей, уже колючей к вечеру, щекой он елозит по ее щеке, стирая с нее слезы... — Дура сто-восьмая!

57. (стр. 393)

— Ты куда? — услышала она. И тотчас засветилась лампа на его тумбочке.
— Пить хочу... — сказала она, самой себе напоминая очнувшегося от алкогольного забытья дядю Мишу... — что для этого? Где это? Сойти вниз?
— Вода у тебя на тумбочке, — сказал он. И точно, она увидела рядом открытую бутылку минеральной, и даже до половины налитый водой стакан.
Она обернулась. Он с подушки смотрел на нее бессонными глазами, непривычными, незнакомыми ей — без очков. Она вдруг поняла, что выпуклыми делали его глаза именно линзы очков. У него было сильное рассветное лицо мужчины, который не спал всю ночь.
— Откуда ты знал... что я захочу пить? — спросила она, все еще находясь в своем сне, виноватая перед ним с головы до ног.
— Ну... с чего ты в шесть утра взялась за расследование? — спросил он, потянувшись к ней.

— Но — откуда?! Откуда ты знал, что я захочу пить! — воскликнула она, чуть ли не рыдая.

Он откинулся на подушку, массируя большим и указательным пальцами глаза...

— Господи... — пробормотал он устало... — да я все про тебя знаю!.. Я же с тобой всю жизнь прожил...

58. (стр. 396)

По вечерам в эти дни — возбужденные, веселые — они ездили ужинать в небольшой китайский ресторанчик — дань его неизбывной страсти к соусам китайской кухни. Вера же, как и в молодости, предпочитала хорошо прожаренный кусок мяса.

— Ты должна понимать, что эта выставка — некий рубеж не только твоей жизни. Это свидетельство конца такой вот странной цивилизации, которая короткое время по ряду сошедшихся причин существовала в некоем месте, в Средней Азии... И исчезла! Была — и нет ее...

— Зануда, дай же кусок проглотить!

— ...и то, что эта цивилизация все же существовала, подтверждает, в частности, энное количество твоих картин...

59. (стр. 398)

Уже попрощавшись с Роджером и спустившись на первый этаж, набирая на мобильном номер Лени, Вера заметила идущую на нее старую женщину. Та медленно шла, опираясь на специальную палку, разветвленную внизу на четыре копыта с резиновыми наконечниками. Вера издали опознала «нашу» старушку, которых в последние годы жизнь разбросала по самым разным странам и городам.

— Простите, пожалуйста!

Так и есть... Вера опустила мобильный в карман плаща. Эти старушки время от времени настигали ее в разных залах и очень любили поговорить «о роли искусства в жизни тут, на Западе». Часто просили объяснить смысл какой-нибудь картины. Но обычно происходило это в вечер открытия выставки...

— Простите, что отвлекаю вас... Вижу, вы собрались уже уходить... А я во второй раз сюда пришла... Была вчера на открытии, но не решилась подойти... — Старая женщина тяжело дышала, перенимая палку то левой, то правой рукой... — Было столько публики, прессы, цветов... Знаете, я всегда горжусь, когда наша культура привлекает такое внимание... Я думаю — вот еще одна победа...

Со старушками Вера всегда была чрезвычайно любезна. Никогда — как бы ни торопилась, — не позволяла себе оборвать, побыстрее уйти... Однако именно сейчас бабушкины изъявления гордости за бывшее отечество были так не ко времени!

— Знаете... мне нравятся ваши картины... В них много горечи... но и сила есть, какая-то, знаете, мощь негасимой жизни... а это много значит... К тому же, над ними можно много думать... Но сегодня я пришла не за этим... Извините, я волнуюсь и задерживаю вас...

— Не волнуйтесь, — сказала Вера терпеливо. — У меня есть еще немного времени...

— Собственно, только один вопрос: я понимаю, фамилия распространенная, но... не имеете ли вы случайно отношения к ленинградским Щегловым... Они жили на Васильевском, Четвертая линия?...

Вере показалось, что ее толкнули в грудь...

Она испытала мгновенный, как ожог, прилив крови к сердцу; странную, необъяснимую панику и тоску.

Проговорила медленно, будто припоминая:

— Да... Васильевский... Четвертая линия... — хотя мать с детства твердила этот адрес. Ну и что? Почему же, чего она так испугалась?

И тут старушка заплакала. Достала из рукава платочек, встряхнула им позабытым детсадовским жестом, прижала к глазам...

— Не обращайтесь внимания, — приговаривала она, переставляя палку поудобнее, наваливаясь на нее то с правой, то с левой руки... — Не обращайтесь внимания... Я соседка, соседка ваших родных...

— Давайте выйдем отсюда... — сказала Вера, взяв ее под руку... — Как ваше имя-отчество?

— Лидия Вениаминовна... Но я не хочу вас задерживать! Я только на три минуты...

— Нет уж! — твердо проговорила Вера, — я прошу вас уделить мне внимание, Лидия Вениаминовна... Тут, за углом, есть какой-то бар... Вы дойдете?

— Конечно, я же тут рядом живу. Я вот даже сама дошла, чтоб детей не беспокоить...

Минут через десять они сидели за столиком еще пустого, по раннему вечернему времени, блюз-бара — симпатичного, обшитою по стенам и стойке светлым деревом.

Несмотря на протесты старушки, Вера заказала чай с целой россыпью мелких печений и вафель... Лидия Вениаминовна поминутно принималась плакать, вздыхать и извиняться «за такую слабость».

— Господи, как я счастлива, что хоть кто-то из Щегловых!.. Мы с мамой эвакуировались в Уфу... и я была уверена, что и Катя и Саша... Значит, они выжили!

— Саша погиб где-то на пересылке, в сорок девятом, — сказала Вера...

— Какое несчастье! Какая усмешка судьбы: выжить в блокаде... и погибнуть в сталинской мясорубке... — она высморкалась, проговорила уже спокойней: — Если б вы знали, Вера, из какой замечательной семьи вы произошли! Мы жили в одной квартире много лет и так дружили, так дружили! Все эти анекдоты про коммунальные склоки... это было не про нас! Мы были буквально как родственники!.. Саша, страдалец... когда началась война, он работал электриком в эвакогоспитале, который тогда располагался в здании текстильного института... И вот, когда наступила чудовищная зима сорок второго и в городе каждый день умирало до десяти тысяч человек... к Сашиной работе прибавился еще и этот крест: надо было сжигать трупы, чтобы не было эпидемии... И в этом же здании, в подвале, где у них бомбоубежище, там и стены были из такого хорошего бетона, он выдерживал температурные нагрузки... Ну, так Саша и еще двое медбратьев уничтожали трупы. К ним люди свозили своих мертвецов... кто на санках, кто волоком, кто как... И Саша с ребятами перетаскивали десятки, сотни трупов, клали «колодцем» и забрасывали противотанковыми бутылками с горючей смесью... Не знаю — кто потом занимался этими обгоревшими останками... В общем, это был такой кошмар!.. Бедный мальчик... Он, Саша, так замечательно рисовал, и был очень, очень нежным, чувствительным... и больным мальчиком, — вы же знаете, он страдал эпилепсией... Так странно: Володя, старший, Наташин сынок, — тот был покрепче и здоровее, а умер чуть ли не первым. А вот Саша... Да... Но вот Саше-то и досталось сжигать и Володю, и Наташеньку, и маму с папой...

Вера слушала, опустив глаза... Зазвонил мобильник, она выхватила его из кармана и взглянула на экран: Леня!.. Проговорила отрывисто: — Позже позвоню! — и отключила телефон. Достала сигарету из пачки, судорожно закурила.

— Вы не против, Лидия Вениаминовна, я закажу себе что-нибудь выпить?

— Пожалуйста, пожалуйста!

Вера подозвала официантку, сделала заказ...

— Какая чудесная была семья! — качала головой старуха. — Дружная такая, знаете... добropорядочная, с традициями... Наташа была удивительная рукодельница, от бога... А Семен Михайлович, тот вообще, — и языки знал, и пейзажи такие писал, что одно удовольствие на стену повесить... Всю жизнь на заводе проработал, — эх, Вера! — не свою он прожил жизнь... А скажите... Катя... она жива сейчас?

Официантка принесла рюмку коньяку, Вера отпила глоток... Мучительная пауза все длилась...

— Нет... — наконец сказала она... — Мама... умерла...

— О господи, какая жалость, как настигает блокада!.. А ведь Катя была лет на десять моложе меня, — такая светлая чудесная девочка! Ручки у нее были просто золотые! И Наташа, тетка, многому успела ее научить — понимаете, Катя была единственная девочка в семье. И страшно талантливая к искусствам! Я до сих пор помню, какие наряды она шила куклам, какие одеяльца, покрывала, какие вязала салфеточки! Все... кукольное, но как настоящее! И неизменно — милая улыбка навстречу: «Лидуся, тебе помочь?»

Вот она у меня прямо перед глазами! Помню, перед войной, на Первое мая — это Катин день рождения, вы же знаете, — подумайте, и ведь я помню! — они всей семьей поехали на лодках кататься, на острова... Она выбежала на кухню — похвастаться: какой бантик, какая юбочка, а носочки! Все новенькое, все — подарки! «Лидуся, я — самая красивая!»... Глазки ясные, лукавые такие, чуть раскосые, мило кошачьи... — «Да-да, Катюша, ты — самая красивая!»... Боже мой, все помню, как будто не прошло и трех дней!.. А скажите... какую жизнь она прожила?

— Мама... — Вера помедлила, подняла на старуху глаза... тряхнула головой, как просыпаясь. — Мама... хорошую жизнь прожила! Хорошую честную жизнь...

— Чем она занималась?

— Она... понимаете... — Вера сцепила на столе руки, разняла их, стала разглаживать скатерть простертыми ладонями... — Она работала в театре!.. Да, она была... завцехом там, у нас, в театре Горького...

Лидия Вениаминовна внимательно слушала, не отрывая глаз от Вериного лица. И та не отвела взгляда, улыбнулась, вздохнула освобожденно. Дело было не в матери, бог с ней совсем, дело было в этой вот чудесной старушке, которая берегла лица, даты, приметы своей молодости, не растрясла их по эвакуациям-городам, а скопила и пронесла. И только поэтому Вера чувствовала в ней родню, настоящую родню! Как могла она лишиться ее хотя бы одного, милого ей, призрака?

— ...Без мамы, знаете... просто ни один режиссер... ни один спектакль... Ведь на производственных цехах, на бутафорах, на пошивочном цехе — всегда колоссальная нагрузка! — Веру уже несло по таким вольным просторам, по таким небесам, что остановиться было невозможно... Какое счастье, что в юности Стасик таскал ее по репетициям, по пыльным примерочным, по пьянкам своих приятелей, актеров-режиссеров... Да и в институте эти два потока, театральный и художественный, часто соприкасались... И Сегеди, Евгений Петрович, покойный граф Сегеди, лаборант на театральной кафедре, много рассказывал о кулисах театра, так как в молодости играл в какой-то полулюбительской труппе.

— Только ее энергия и ее опыт спасали на премьере спектакль! Премьера, это ведь вообще — сумасшедший дом! Роли еще нетвердые, свет поставлен накануне, декорации сбиты на живульку... Маму все актеры — просто обожали!.. А уж художник по костюмам, и даже главный режиссер... очень, очень часто просили ее совета... Да она сама потрясающие костюмы шила!.. Понимаете, мама очень остро чувствовала характер роли... Может быть потому, что и сама была одаренной актрисой по натуре... Она же вообще страшно талантливая: вкус изумительный, фантазия, творческое воображение!

Запрокинув голову, Вера влила в рот оставшийся коньяк... взглянула на Лидию Вениаминовну и — вдруг поняла, что все, что она тут плела — это правда, правда, и все это произошло бы с матерью, непременно случилось бы, если б не блокада, не война... не гибель Саши... не искореженная ее, несчастная, одинокая рысья душа...

Она судорожно перевела дух и тихо проговорила:

— ...Да, ей не повезло сначала в молодости, с моим отцом... Но потом она встретила прекрасного человека, дядю Мишу, и прожила с ним в любви всю жизнь...

Ну, вот... выдохлась... вынула душу... но все еще любовалась судьбой, какой наградила мать — изящной, талантливо скроенной, опрятной судьбой, с лучистой искоркой на отливе... Вдруг поняла, что выстроила композицию этой судьбы, как композиции картин строила.

Взялась рукой за щеку и ощутила влагу...

Лидия Вениаминовна тоже плакала, улыбалась, кивала... Вытирала платочком глаза.

Опять зазвонил мобильник у Веры в кармане, и по одному только «да», Леня уже забрасывал ее своими: «Почему ты гундосишь? Да что произошло? Где ты?!»

Он звонил уже из аэропорта; с минуты на минуту должен был приземлиться самолет из Нью-Йорка. Надо бы срочно ехать домой, настрогать лук и морковь на плов, замочить рис... Сегодня она собиралась встретить гостей узбекским пловом, — благо, проезжие ташкентцы привезли недавно и барбариса, и зиры.

Лидия Вениаминовна поднялась и оперлась на палку...

— Вера, дорогая вы моя... Спасибо, что подарили эти бесценные полчаса... И еще: я сразу поняла, что вы должны быть из моих Щегловых, хотя совсем на мать не похожи. Наследственность не водица, знаете, я биолог, так что верьте на слово... И то, что о Кате рассказали, — очень дорогой вы мне сделали подарок. Жизнь-то, она на исходе... Сейчас уже целыми днями перебираю ее, перебираю... А вы — настоящий художник, так и знайте. Потому что ваши картины сотрясают душу, вызывают к ней: есть ты, душа, или нет тебя? И я, родной вы мой человек, — желаю вам на этом поприще счастья!

Она помедлила... уже повернулась, чтобы идти, но вдруг остановилась и сделала к столику два трудных шага:

— Вы только знайте, Вера... Наверное, сейчас уже можно сказать... наверное, уже не имеет значения... — так все поменялось!.. — но вы знайте, что никакая вы не Щеглова!

— А я фамилии отца никогда у мамы не спрашивала... — пробормотала Вера.

— Ах, да при чем тут отец, не знаю я никаких ваших семейных дел... Я о матери вашей. Никакая вы, Вера, не Щеглова, и она не Щеглова!..

— А... кто?... — растерянно спросила Вера.

— Вы — Введенская... Дядя Семен признался перед смертью моей маме. Уже не вставал... а мы дружили очень, знаете... Так вот, он признался, что не Щеглов он, это шофера его звали Щеглов, он и взял документы, когда тот умер... — Она глубоко вздохнула, лицо ее пошло красными пятнами: — Ну, слава богу, решилась! Освободилась наконец, слава богу!.. Столько лет в себе носила!.. До последнего не знала, когда шла, — скажу, или не скажу...

— Но... как же это... з-зачем?

— Как это зачем, боже мой, вы еще спрашиваете! Введенские — род известный, дворянский... У них в Москве, в Камергерском, свой дом был, выезд, имение под Орлом!.. Он все маме рассказал, хотел, чтобы его под своей фамилией похоронили... Такая наивность, боже!.. Сожгли как всех, без всяких фамилий, собственный сын и сжег, в подвале эвакогоспиталя...

— Подождите... — Вера поднялась, ощущая дурноту... села опять... Стала, как слепая, шарить по столу, собирая в сумку сигареты, кошелек... — Подождите, я не...

— Понимаете, они после революции в Крым бежали, как многие... — торопливо, стоя полубоком, как бы на прощание договаривая несущественное, продолжала Лидия Вениаминовна, — а оттуда уже не смогли, не получилось: он тифом заболел, заразился от своего шофера... Дядя Семен выжил, а шофер умер... Щеглов... Ну, он его документы взял и уже в Петрограде сумел как-то сестре Наташе поменять фамилию, тоже на Щеглову... И вот, всю жизнь... на заводе, на заводе... И чтобы никто не знал, что иностранные языки... и чтобы никакие не пейзажи... А ведь он в юности с известными художниками дружил, о нем высоко отзывался...

Лидия Вениаминовна еще что-то говорила... Вера сидела, опершись локтями о столик, кивала, оглушенная...

И потом, когда старуха ушла, все сидела, курила, крутила в пальцах пустую рюмку из-под коньяка...

60. (стр. 409)

<...> Леня вошел в спальню, плотно и бесшумно прикрыл дверь и, бросившись рядом на кровать, развернул ее к себе:

— Ну?! Что стряслось? Знал, что не спит.

Она сказала:

— Мне нужно съездить в Ташкент.

— Ни за что!

— Леня...

— Я не знаю такого города!

— Послушай... ну... послушай же... — качнула головой, высвобождая лицо из его ладоней... — Мне необходимо повидаться с матерью...

— По-ви-даться?! — Он расхохотался... — Воображаю это милое свидание!

Тогда она села, подоткнула подушку за спину и все ему рассказала, — тихо, сосредоточенно, монотонно раскачиваясь, — все, от начала до конца... Он молчал... Потом поднялся, принялся расхаживать, растирая ладони, словно разогревая их, — как всегда, когда волновался, — будто только что отстоял вахту на морозе.

— Ну, хорошо!.. — наконец проговорил он. — Но я ведь сейчас не могу ехать с тобой... И потом, ты даже не знаешь, жива ли она! И вообще... — сколько лет ты с ней не виделась?

— Какая разница... — Вера усмехнулась, вспоминая их последнюю с матерью встречу, в подъезде... Сейчас казалось, что это было пятьдесят лет назад... — Пойми, это нужно — мне. Оказывается, у нее день рождения первого мая... А я никогда не знала... Я сегодня ее в разговоре так легко и почтенно похоронила... Ты не находишь, что я вообще как-то легко хороню людей?

Леня хмыкнул не без ехидства, стягивая через голову свитер со спины, и ушел в ванную, включил там воду... Негромко сказал оттуда:

— А мне-то, мне-то как везет: то баронесса, то русская дворянка... Ты, случаем, не вышлешь меня в черту оседлости?

Было слышно, как тихо льется вода, шуршит зубная щетка, как он полощет рот...

Она вспомнила, как поначалу тосковала по себе в этом огромном городе, в этом большом доме, маялась, искала что-то, словно давно зарыла здесь клад и забыла — где... Никак не могла привыкнуть к роли хозяйки и спрашивала Леню — можно ли взять в холодильнике сок, а он от этого сатанел и однажды даже выматерился. Вспомнила, как в одну из ураганных ночей проснулась от воющего в патио ветра и увидела, что он тоже не спит, и заплакала, и он тихо обнял ее, не говоря ни слова, терпеливо пережидая, когда успокоится сама. Тогда она спросила его:

— Эта наша история... это — «Золушка»? Он ответил:

— Нет, это — «Три поросенка», только третьему и дом удалось выстроить, и серого волка в него затащить...

...Ужасно не хотелось уезжать...

61. (стр. 411)

Сергея в темноте прихожей сначала не узнал ее, потом ахнул, втащил в дом и прижал к своему брюху, довольно безобразному.

— Мыша-а-асты-и-ий! — проорал он. — Елки зеленые, Верка, — как живая!

И еще минут десять не мог прийти в себя, снова набрасывался, обнимал и разговаривал слишком громко: — «Красивая, елки, такая иностранная, блин, молодая!» — как позже объяснил, «приглож» по наследству — отец тоже под старость стал как пень.

В доме оказалась только старшая дочь — крепенькая, в Наташку, девушка лет двадцати. Она и сварганила им стол буквально за несколько минут, и очень кстати — Вера не завтракала в гостинице, как-то не хотелось, а тут, у Сереги на кухне, с удовольствием попробовала всего. Наташка всегда была отличной хозяйкой.

И вот тут-то все и выяснилось в мгновение ока.

...Вот она, направо...

В большой палате стояло шесть коек, и у окна, на крайней, лежала мать, хотя опознать ее сейчас было трудно: почти незнакомая старуха. Она спала или лежала с закрытыми глазами.

Вера села на стул рядом с кроватью и изучающе уставилась на обтянутое кожей темное лицо, обнажившее прежде незаметные монгольские черты...

Вера ничего не чувствовала... Мать уже несколько недель назад, сказал доктор Арутюнян, исчерпала все мыслимые сроки...

— Ну? — спросил Сергей, посерьезнев. — Ты-то приехала — с матерью прощаться?

Вера так и осталась сидеть с кружком огурца на вилке.

— Откуда ты знаешь?

— Нет, это ты откуда узнала, что она на последних днях?...

И дальше уже говорил только он, рассказывал, как в последние годы, когда заболел дядя Валя, мать как-то прибилась к ним, стала ходить за старичиной, даже когда тот совсем беспомощный лежал после инсульта... Помогала с детьми, и вообще, присмирела, — знаешь, видно, любой человек под старость хочет приютиться к кому-то... В последние годы в ателье Дома быта подрабатывала — тут, рядом... починка-ремонт одежды... то, другое... Хотя и на большее была способна — вот, Наташке и девочкам шила шикарные шмотки... — Серега от избытка чувств говорил — «щикарные!»...

— Ну, вот, так и получилось, что когда она сама слегла... Наташа моя встала на вахту... Приняла, значит, эстафету... А ты, Верка, — в гостинице, что ль? Ну, ты обижа-а-ешь! Давай, к нам перебирайся, — вот, похороним мать по-человечески, я тебя повезу на Чимган, за Брич-Муллу... Ты там сколько лет не была? У меня «Москвич» старенький, но еще фурычит... Там, у вас, в Германии, хрен ты такие красоты увидишь...

— Я не в Германии, Серый. Я уже полгода в Америке... Тот, видно, не расслышал. Наклонился к ней, дохнул тяжелым запахом — зубы ему не мешало подлечить, и шепотом сказал:

— Мышастый, мать-то мы в лучшую клинику положили, ты не думай. И, знаешь что, — у нее дене-е-ег... до хрена! Прямо уж не знаю — откуда, но, подозреваю — не-ме-ря-но! Это я — чтоб ты знала. Учти, все — тебе, даже и не думай! Я сейчас вспоминаю, как ты всю жизнь тут бедовала... как мой отец, добрая душа, тебя подкармливал... Худющая, бродячая... как бездомная собака!.. — Вдруг он скривился, всхлипнул... Вера удивленно и растроганно подалась к нему: неужто всплакнул, Серый? Постарел, бедняга...

— Ну, брось... — мягко проговорила она, обнимая его за плечо. — Ты еще вспомни, как научил меня курить в пятнадцать лет...

— Пап, надел бы ты рубашку, — сказала дочь, — сидишь распустехой...

62. (стр.413)

...Мать вдруг качнула головой и открыла глаза. Минуты три смотрела на дочь безо всякого выражения, так что Вера даже усомнилась в словах доктора. И вдруг слабым, но ясным голосом сказала:

— Ты что?... Чего ты? Явилась... Ну, что ей сказать на это?

— Явилась привет передать. Лидусю помнишь, — соседку? На Васильевском...

Мать помолчала, и таким же ясным слабым голосом сказала:

— Нет. Не помню... что за соседка... Ты, Верка, всегда дурноватая была...

Вера собралась уже подняться и уйти отсюда, не понимая — что за блажь пришла ей в голову — мчаться в Ташкент за каким-то разговором, которого просто не может произойти.

— Вот, подыхаю... — вдруг сказала мать... — Давно пора... должна была... вместе со всеми, тогда... С мамой, папой... С Володей... Сашей... Если б тогда померла, я бы в рай попала...

— Ну вот, видишь... Рай! А говоришь, что Лидусю не помнишь...

Мать опять качнула головой на подушке, проговорила:

— Лидуся... добрая была...

Вера наклонилась к ней, взглядом мгновенно охватывая, отпечатывая в себе эти сухие морщины, обтянутый кожей острый подбородок, круглые мослы монгольских скул... Под простыней лежало тело, в котором она, Вера, была кем-то случайно зачата и чудом не выкинута на помойку...

— Ната-ашка хо-одит... — тяжело протянула, как простонала, мать... — Наташка хорошая... Циля тоже хорошая... только давно... и Хадича, узбечка... дала мне молока...

Боже, подумала Вера, всю жизнь барахтаясь в пучине зла и вражды, алчности и преступления, сейчас, на пороге смерти, эта нищая перебирает крохи доброты, которые ей перепали...

— Мама... — проговорила она. — Я приехала повидаться и... попрощаться с тобой... Давай простим друг другу все.

— Ты богатая? — спросила мать.

Вера выпрямилась... Окинула взглядом высохшее, почти детское — под простыней — тело.

— Я не нуждаюсь...

— Тогда... — мать показала глазами на тумбочку, где в литровой банке стояла вода, а рядом пиала с надбитым краем. Быстро наклонив банку, Вера налила воды, приподняла голову матери, поднесла пиалу ко рту. Та отпила немного...

— Тогда... я деньги и квартиру Наташке с Серегой завещаю...

— Конечно! — отозвалась дочь и подумала — артистка, артистка до мозга костей, до последнего вздоха... Играется сцена «кончина справедливой матери».

— У меня денег много... — говорила мать с одышкой... — Я собирала, собирала... Мне было все равно — на чем их делать... А сейчас все время думаю — для чего?... Вспоминаю разных людей... Это ужасные деньги... Они дают... вот сюда, на грудь...

— Ты, наверное, устала... — сказала Вера... — Я сейчас уже пойду...

— Подожди! — с неожиданным напором проговорила мать и, словно исчерпала этим возгласом все силы, опять закрыла глаза...

Лежала так минут пять... Вера терпеливо сидела рядом, ждала, на тот случай, если мать снова заговорит. И та заговорила...

— Я подохну... хорошо, пусть... так и надо... правильно... Вокруг меня было только зло, грязь... обман... и... я была совсем одна... Я всех ненавидела, всех... не было сил жить как человек... Я сама стала злом... Я, Верка, людей убивала... Я отомстила кое-кому, отомстила... Машу помнишь? Я ее в трамвае узнала... Столько лет мечтала... — вот, встречу — задушу своими руками... а тут так повезло... И я за ней до самого дома... я...

— Ну ладно, мама! — в сердцах воскликнула Вера, превозмогая в себе желание броситься отсюда, от этой койки, от этих кошмарных откровений куда-нибудь прочь, на воздух... — Ты эту исповедь побереги уже для другого судьи...

— Нет, подожди! Я вот что... Я всегда хотела тебя спросить... — мать переждала спазм в горле, икнула, глубоко задышала, словно освобождаясь... и облизнула губы...

— Хотела спросить: еще когда ты маленькая... ты была другая... ты с детства хотела быть другой... К тебе зло не прилипало... Ты просто... в другую сторону смотрела. Почему? Как ты это поняла? Почему ты стала... другой?... Я тут все думаю — может, имя

держало? Федя тогда назвал... сказал — вера держит... над грязью... А? Да? Значит, правда? Почему у тебя... откуда... были силы?

Вера продолжала разглядывать неживое, иссушенное тоскливой смертью лицо на подушке, и думала, что вот только сейчас мать и начнет жить по-хорошему... Она уже видела картины, которые напишет, — где хорошая, добрая мать будет шить театральные костюмы, любить весь мир и до самой старости жить с дядей Мишей в любви и счастье...

Но, зная, что обречена помнить этот разговор всю оставшуюся жизнь и что нельзя сейчас произнести ни одного слова пустопорожней жалости, она сказала просто:

— Я ведь художник, мама...

63. (стр.39)

- У тебя почему, сволочь, изо рта дымом несет?!
- Да я это, ма... я во рту бумагу жег... ай, не бей, мам,пусти!!! Это все Толян!
- Я?! Это ты, гад, сам первый... Ай, мама!!! Это не я... это... беспризорники мен поймали... и курили... и дым мне в рот вдыхали! Не бе-е-ей!!!

64. (стр.96)

Вошла бабка Лена и оторопела, увидев сына. Очень редко заходил сюда Юрий Кондратьич. Бабка засуетилась, не зная — что сказать и как быть. Не знала, по делу зашел сын, или как...

- Юра, может, выпьешь? — наконец робко предложила она.

- Нет, я сегодня не пью, - насмешливо, громко сказал он... - Завтра ведь праздник... Такой большой праздник завтра, а у меня во рту будет плохо... Куда это годится... - И ясно было, что он насмехается, а вот над кем — непонятно. То ли над матерью, то ли над Катей...

На минуту в комнате повисло тягостное молчание, только Колян и Толян сопели за столом, старательно уткнув прыщавые физиономии в учебники.

Потом бабка решила:

- Юра, сынок... Лиде бы помочь маленько... Ведь из сил выбивается...

- Хватит! — оборвал он ее тихо и жестко. — Слышать об этой кобыле не желаю...

65. (стр.142)

Мать потом рассказывала: «Одна совсем была по причине дефекта — глаза бегали»

- Как это бегали? — удивлялась Вера.

- А вот так: она с тобой разговаривает и всю тебя этими глазками обегает, щупает; они как ртуть бегали, серенькие такие глазки, ни секунды на месте твердо не стояли. Она вообще ни на кого твердо не смотрела. Вот так — и мать изображала Машу, здорово изображала, так, что Вере казалось, что она вроде и помнит ее.

66. (стр.65)

В июле Вера поступила в училище, как провозгласил дядя Миша торжественным слабым голосом — «художества и судьбы!». Они даже опрокинули по рюмке дешевого вина «Ок мусалас» за ее будущую учебу, но с отвычки дядю Мишу немедленно и вырвало, и он, прокашлявшись и выпив чаю, опять попытался завести обличительную беседу о матери, убийце и дьяволице...

- Ну... брось, дядь Миш, не думай о ней! — взмолилась Вера, всегда с паническим суеверием пресекавшая эти разговоры, как дикарь опасается произносить вслух имя злого духа, дабы не вызвать его, не материализовать ненароком грозную сущность. Да и то сказать — сидит себе мать за решеткой, как ей и положено... и можно жить спокойно еще года четыре, если амнистии ей не выйдет... что воду-то переливать? Не вернешь ничего...

<...>

- Веруня, - добавил дядя Миша назидательно, а ты и к Владимиру Кирилловичу

сходи... маслом каши не испортишь.

Уж он-то педагог милостью Божьей, не смотри, что судьба в котельную загнала...
Помнишь, как тебя хвалил?

67. (стр. 87)

- Вот Сократ утверждал... ты знаешь, кто такой Сократ, Веруня?
- Ну... он... был грек? И его свои же отравили этой...цукатой?
- Ци-ку-той, Веруня, цикутой... Там, с Сократом, было так... я тебе сначала о нем, потом – почему и за что его помнят...
- Дядь Ми-и-иш...
- Нет, ты послушай, Верунь, в жизни пригодится! Пригодилось...